

AMEPUKAHCKWA AMETEKTUB

"Урал-Советы" Свердловск 1991 А 64 Англо-американский детектив (в 2-х т.) Т.2: Г.Лайлл. Боевой сценарий: Роман/ Перевод С.Ятлова; Худож. Н.Данилов. — Свердловск: «Урал-Советы», 1991. – 224 с.

ISBN 5-7450-0384-7

Герой романа Г.Лайлла — «мирный Карр», бывший военный летчик, зарабатывающий грузовыми перевозками, постепенно понимает, что его втянули в авантюру куда более серьезную, чем съемки фильма... Роман не переводился на русский язык. Рассчитан на широкий круг читателей.

A 4703000000-006 582 (3) -91 91

BBK 84(3)

TUNDI. Боевой сценарий

Они вышли на меня сверху и справа, прямо из-за послеполуденного солнца. Все правильно, и мне, наверное, полагалось их заметить.

Когда-то давно так бы и было. Но не сегодня. Сегодня я сидел в полусне за штурвалом «Ласточки», направляясь в Пуэрто-Рико со скоростью не более 150 миль в час и беспокоясь разве только о том, не придется ли мне потратиться на чистку кабины самолета от запаха, производимого грузом рассады.

Я увидел их, когда они промелькнули мимо на расстоянии не более ста ярдов, — две блестящие серебряные буквы «Н». Появились и исчезли.

Я разом очнулся с противным чувством бессилия, словно меня одурачили. Побили. Но тут же проснулась и злость, и я пошевелил носом «Ласточки» в поисках цели, хотя и знал, что никаких пушек у меня нет и быть не может.

Конечно, я их узнал: истребители «Вампир», и не трудно было догадаться откуда — Республика Либра. Я находился к югу от побережья, вблизи от ее столицы Санто-Бартоломео. Но я не слышал, чтобы Республика обзавелась реактивными истребителями, пусть даже и семнадцатилетней давности.

Они появились снова, в миле впереди на подъеме. Стиснув зубы от элости, я следил за ними. Если они попытаются повторить свой фокус, я был намерен включить разом оба двигателя на полную мощность и бросить самолет им навстречу. Если они столкнутся при попытке уклониться в сторону — что ж, значит, не повезло, и, может быть, их имена запишут золотом на доске почета. А если один из них столкнется со мной? Или расстреляет мое невооруженное корыто? Нет, этой игре я учился по-другому: переживи сегодня, а завтра... Я начал искать глазами облако побольше, чтобы в нем спрятаться.

Но они продолжали свой быстрый пологий подъем, типичный для самолетов с реактивными двигателями, пока не исчезли на востоке, — в том направлении, куда направлялся и я.

Через полтора часа я приземлился в аэропорту Сан-Хуана и загнал «Ласточку» в кучу грузовых и частных самолетов, стоявших неподалеку от здания аэровокзала. Найдя агента по моему грузу и оставив его в окружении служащих аэропорта в

разгаре спора о том, не пострадал ли груз рассады от колорад-

Дежурный меня узнал, хотя, похоже, и не помнил по имени. Сказав друг другу: «Привет», мы замолчали, и я спросил, что слышно нового о каком-нибудь хорошем, крепком урагане?

Рановато по сезону, — заметил он.

Я пожал плечами и произнес: «Июль — жди бурь», цитируя старую ямайскую поговорку об ураганах: «В июне — не дунет, июль — жди бурь, август — рано, жди урагана, в сентябре — не верь грозе, октябрь на дворе — ураган в норе», — с ямайским акцентом это получалось даже в рифму.

Он кивнул и пододвинул ко мне метеосводку: небольшой

круговорот облаков к востоку от Барбадоса.

— И что будет?

Он усмехнулся.

- Скажите мне это, и я скажу, кто выиграет в воскресенье на ипподроме в Хилеа-парке.
 - Метеорология может все, кроме предсказания погоды.
- Там сейчас самолеты береговой службы. В течение часа должны сообщить. Какая компания присматривает за вами, пока вы здесь?

Я кисло усмехнулся.

- Снаружи меня ждет «роллс-ройс» с личным водителем. Он улыбнулся в ответ и вытянул лист бумаги из пачки на столе.
- Ваша фамилия и отель? Я позвоню, если эта штука окажется в двухстах милях отсюда, о'кэй?
- Кэйт Карр. «Эль Портале». Спасибо, для метеоролога он казался почти человеком.

Тут я заметил на полке за его спиной справочник Макдональда «Международные ВВС» и попросил разрешения полистать. Нашел Республику и там среди обычных «Мустангов» и «Ударов грома» с примечаниями вроде «без запасных частей» обнаружил вписанные от руки: «12 Вампиров Ф.5».

— Когда, черт возьми, Республика раздобыла «Вампиры»?

Он поднял голову.

- Пару недель назад. Вы что, сцепились с ними?
- Не прошло еще и двух часов, как два «Вампира» спикировали на меня.
- Наверное, это те, что сели тут недавно, он кивнул в сторону «Национальной военной базы» в дальнем конце взлетно-посадочной полосы. Визит доброй воли. Так что вы можете встретиться с ними в городе и поблагодарить лично.
 - Визит доброй воли?

— Так здесь написано, — он проводил меня до двери. — Если тот круговорот вырастет в ураган, это будет первый в этом году. Для него уже есть имя — «Аннетта».

— Когда-то я знал девушку...

— Ха! — он поклопал меня по плечу и довольно улыбнулся. — Я поспорил сам с собой, что по крайней мере дюжина пилотов скажет это до пяти часов. Вы — одиннадиатый, а еще нет и 4.30, — он вадок...ул. — А у меня никогда не было знакомой по имени Аннетта.

Они все без ума от пилотов.
 Он вытолкнул меня за дверь.

Я выудил мой саквояж из «Ласточки», позвонил в агентство, которое иногда находило мне работу в Пуэрто-Рико, и поекал

на такси в город.

За последние несколько лет Сан-Хуан изменился — вырос, наверное. Понятно, я не застал его, когда он был старым испанским городком колониального периода. И я не встречал никого, кто видел Сан-Хуан таким. Теперь это была череда отелей и служебных зданий, а между ними современная автострада, вытянувшаяся вдоль берега на пять миль, от аэропорта до морской авиабазы. Всюду чистота и порядок, как на модели архитектора. Отличное место, если вы — автомобиль или небоскреб, но на людей и собак смотрят искоса. Может быть, это и значит — вырасти.

«Эль Портале» выстроен в том же духе, только в меньшем масштабе — на несколько сот делларов и ярдов позади больших отелей на берегу. Я зарегистрировался, выпил в холле пару банок пива и полистал газету в надежде найти там объяснение, почему истребители Республики решили пугать мирные грузовые самолеты. Но, конечно, ничего не нашел и пошел к себе в номер, принял душ, лег в постель и стал следить, как небо постепенно темнеет, и отели на берегу зажигают огни, становясь похожими на рождественские елки.

Меня разбудил телефон.

В комнате было темно, я ощупью нашел трубку и ответил доисторическим фырканьем.

Голос произнес:

— Мистер Кэйт Карр из Кингстона?

Не обязательно слышать этот голос раньше, чтобы узнать. Вы услышите его в любой стране мира, и везде он звучит одинаково: тон сух и безличен, как вопрос анкеты о подоходном налоге, — и приблизительно так же приятен. Голос власти.

Голос продолжал:

- Агент Эллис, ФБР.

Я снова фыркнул.

 Вы, кажется, отправляетесь завтра в Кингстон, мистер Карр. Не могли бы мы побеседовать сегодня вечером?

— У меня есть выбор?

Вы не гражданин США, мистер Карр. Просто дружеский разговор.

Я промолчал. Он продолжил:

— Я могу зайти к вам в отель. Или вы куда-нибудь собираетесь? Мы могли бы там встретиться.

Я задумался, затем придумал:

 Здесь в городе пара пилотов из Республики Либра. Найдите, где они остановились, и там поговорим.

Последовала длительная, можно сказать — официальная

пауза. Потом:

— Это не совсем моя обязанность, мистер Карр.

— Олл райт, весь вечер я буду обходить гостиницы в поисках этих субъектов. Если хотите, пойдем вместе.

Подождите, пожалуйста... — снова пауза, и: — Насколько

мне известно, они в «Шератоне», но...

— Значит, встретимся в девять часов в баре на крыше, олл райт?

— Почему вы хотите встретиться с этими пилотами, мистер Карр?

— Просто дружеский разговор, мистер Эллис.

2

Я сьел бутерброд у аптечного ларька внизу, затем направился в «Шератон», приноравливаясь появиться там в 9.05. Тип из ФБР, конечно, придет вовремя и окажется, таким образом, в

роли угощающего.

Я бодро заявил, что «увижу» его в баре, но забыл систему освещения, которую там предпочитали: маленькая лампа матового стекла перед каждым клиентом — света ровно столько, чтобы каждая женщина была красавицей, а счет — неразборчивым. В больших отелях о таких вещах не забывают.

Я стоял, поглядывая по сторонам с потерянным видом, но тут какой-то человек пересек зал и обратился ко мне очень тихо:

— Мистер Карр?

Насколько я мог различить в полутьме, он был чуть ниже меня, немного шире в плечах, имел светлые, коротко стриженные волосы и любой возраст от двадцати пяти до сорока пяти. Мы сели за столик, и официант с радиолокаторами вместо глаз принял мой заказ: баккарди «Серебряная этикетка» с ломтиком лимона.

Эллис сказал:

— Некоторые считают, что баккарди здесь стали делать только после того, как Кастро национализировал винные заводы на Кубе, но на самом деле здешнее предприятие производит баккарди с 1936 года. Самый большой налогоплательщик в настоящее время, А пуэрториканцы все-таки не пьют свой ром. Забавно.

Мелкие сплетни ФБР. Если бы я заказал шотландского, он развлек бы меня историей создания «Веселого принца Чарли»,
Официант принес мой баккарди, Эллису удалось сдержаться

и не сказать: «За вас», и мы выпили.

Я сказал:

 И вот наступает главный номер вечера — дружеский разговор с ФБР.

Он наклонился, поставив локоть на колено, и сказал:

- Назовем это просто советом, мистер Карр. Вам должно быть известно, что мы составили для правительства черный список пилотов, дисквалифицированных за нелегальные полеты на Кубу, Американских пилотов, разумеется. Только их мы можем лишить пилотских дипломов. Но есть еще, конечно, многие другие: кубинцы, мексиканцы, венесуэльцы, колумбийцы, несколько англичан.
 - · Серый список.

- Так его кое-кто называет.

— Неприятности с таможней в любом месте Штатов. Затруднения с обслуживанием самолета. Задержки с визой. Немного, но достаточно, чтобы рейс оказался убыточным. Вы об этом списке?

— Я слышал, что так случалось, — подтвердил он. — Я не был на Кубе в течение четырех лет, даже нелегально.

— Согласен. И с вами ничего такого не имело места, — он отпил из своего стакана. — Но список постепенно растет, так бывает всегда, а в настоящее время госдепартамент беспокоит Республика Либра.

— Этот земной рай? Только потому, что там арестовывают без следствия, в тюрьмах быот, а в подвалах время от времени

расстреливают?

Он покачал головой.

— Нет. Конечно, все это так, но ведь так всегда и было. Нам это не нравится, но... Нет, их беспокоит возможность настоящего взрыва. С тех пор, как Химинес снова там, в горах, оппозиция генералам все растет. Вы слышали об этом?

Химинес был Робином Гудом Республики, или отъявленным коммунистом, или великим либеральным освободителем, или гангстером, илн... Единственное, что каждый действительно знал о Химинесе, это то, что тот считал себя наилучлим кандидатом на пост следующего президента Республики, и что чем скорее он им будет, тем лучше. Для кого лучше, на знал

никто - и не узнает, пока не станет поздно.

Последние четыре года он болтался где-то в Южной Америке, преследуемый двумя генералами, управляющими в данный момент Республикой: Кастильо от армии и Боско от ВВС. Морской флот имел только пару потрепанных миномосцев и несколько торпедных катеров, вследствие чего адмирал как диктатор не котировался. Если он коть немного соображал, то должен был проводить дни и ночи в барах и корабли свои держать в слегка запущенном виде, — чтобы никто не заподозрил его в политических амбициях.

Эллис сказал:

— Предполагается, что Химинес готовит в горах восстание. Речь идет не о ружьях и мачете. Половина армни Кастильо гоняется за ним по холмам, и на прошлой неделе они захватили трехдюймовую мортиру. Эта штука не могла попасть в Республику в чьем-то кармане. Понимаете теперь, куда я клоню?

Глаза мои привыкли к темноте, и я мог лучше его разглядеть, но возраст моего собеседника оставался для меня загадкой. У него были светлые глаза, твердый взгляд и мускулистое лицо с застывшим на нем выражением: «ваше-досье-я-знаю-наизусть»,

которому в первую очередь учат в академиях ФБР.

На нем был легкий, цвета кофе с молоком, костюм, жилет застегнут — скорее всего из-за пистолета за поясом. Кобура под мышкой вышла из моды вместе с двубортными пиджаками.

Я понимал, куда он клонит, олл райт. Но я также понял, почему Республика решила вдруг приобрести вместо груза доброго пива дюжину реактивных истребителей. Они не были им нужны для защиты с воздуха: что приятно в Карибском бассейне, так это то, что никто ни с кем никогда не воюет. Они там не могут себе этого позволить. Поскольку каждый сидит на своем острове, для войны требуется мощный военный флот и налаженное снабжение на большие расстояния. А потому свои проблемы они решают дома. Но хорошо натренированная эскадрилья истребителей может быть грозным оружием в атаке: быстрота, гибкость маневра, плотность огня. Вы не застанете повстанца врасплох, переваливая в такке через гору со скоростью пять миль в час, но истребитель, настигающий цель через минуту после появления из-за холма, может это сделать.

Эллис повторил:

[—] И что же, мистер Карр?

Чтобы разозлить его, я сказал:

— А мне казалось, что вотчина ФБР — только США и Пуэрто-Рико. Не наступаете ли вы на пятки ЦРУ?

— К черту ЦРУ, — хладнокровно возразил он.

— Если вам угодно. Но Республика все-таки не ваша, а ЦРУ. А вдруг я на них работаю?

Он вздрогнул и резко поднял голову. Даже в этом освещении я чувствовал его жесткий взгляд. Затем он тихо и медленно

произнес:

— Нет, не думаю. Нам довольно много известно о вас, мистер Карр. Англичанин, тридцати шести лет. Десять лет в Королевских ВВС, большей частью на истребителях. В порядке обмена огытом воевал в Корее в составе одной из наших эскадрилий. Ближайшие восемь лет — гражданский пилот, из них последние пять лет здесь — собственный бизнес. Не женат. Не гомосексуалист и не фанатик. Нет, не думаю, чтобы вы на них работали.

— Другими словами — к черту ЦРУ?

— Именно. Вдоль, поперек и по диагонали, — он откинулся назад в кресле. — Мы уклоняемся в сторону. Интерес ФБР объясняется тем, что оружие у мятежников американское. Конечно, в Карибском бассейне другого, в общем-то, и не сыщешь, но кто-то откуда-то доставляет его в Республику, и это может представлять интерес для ФБР. Может.

— Что ж, если нельзя свалить вину на ЦРУ, то чем вам не подходит Куба? Я не слышал, чтобы генералы Республики были

там популярны.

Он положил ладони на стол.

— Мистер Карр, в течение последних пяти лет мы обвиняли кубинских коммунистов во всех грехах, кроме, разве что, ураганов, но я уверен, что бюро погоды подумывает и в этом направлении. Конечно, от них много хлопот. Но в Карибском бассейне хлопот хватало со времен Колумба. Негры ненавидят испанцев. На англичан и американцев смотрят как на надсмотрщиков за рабами. А любой, кто говорит по-французски, всех остальных без разбора считает невеждами. Военные называют штатских ленивыми коровами, а штатские военных — скорыми на руку бандитами. И те, и другие при этом совершенно правы.

Он перевел дыхание.

— В Центральной и Южной Америке бывает не меньше одной революции в году — удачных, я имею в виду, а не попыток. И так все последние сто пятьдесят лет. Без участия коммунистов, заметьте. В этом ведьмином котле коммунизм—это просто лишняя пинта порченой крови.

— Все-таки лучше будет, если Э.Гувер вас не услышит. Он открыл рот, и я быстро добавил:

— Не надо. Вас могут обвинить в государственной измене.

Помолчав, он тихо сказал:

— Я родился в Пуэрто-Рико. Этот город — словно мой школьный двор, — он покачал головой. — Мы опять уклонились от темы. Мы говорили о том, где во всем этом ваше место.

— Как можно дальше. У меня тут бизнес. Я не считаю Боско или Кастильо Авраамом Линкольном с бриллиантовыми аксельбантами, но не думаю, чтобы и Химинес был на него похож.

Я не вмешиваюсь в политические игры Республики.

- Но это не ответ на вопрос, протянул он, революции делают деньги, а не политика. Думаете, коммунисты помогли Кастро на Кубе? Черта с два! Это были большие американские компании, полагавшие, что с Кастро им будет легче, чем с Батистой. Они дали ему деньги, оружие, даже подарили аэроплан для личного пользования. И не политики управляли его боевыми самолетами, а пилоты за две, три тысячи долларов за рейс. А теперь это происходит с Химинесом. Кто-то дает ему деньги: трехдюймовая мортира штука не дешевая, и кто-то завозит все это добро в Республику может быть, владельцы мелких судов, может быть, пилоты, но не политики.
- Если у вас есть на меня досье, то вам известно, что моя «Ласточка» застрахована на десять тысяч с предстоящей выплатой последней трети страховки.

Его рука нырнула во внутренний карман, и мгновение я думал, что он решил меня пристрелить. Но он вытащил лишь записную книжку с авторучкой и начал что-то строчить.

- Нет, я этого не знал, у нас нет отделения на Ямайке, он поднял голову, но вы все еще не ответили на главный вопрос. Ну что вам стоит, хотя бы раз, для протокола.
 - Или я попаду в серый список?
 - Я на работе, и вам это известно, мистер Карр.
 Я кивнул.
- Да, известно. Но сначала я кое-что скажу, пусть даже это и покажется несколько высокопарным. Я не одобряю серых списков, придерживаясь старомодного мнения, что службы, предназначенные для внедрения законности, должны внедрять закон, и если в этом смысле ничего не нарушено, они не должны внедрять что-либо еще например, серые списки. Потому что это осуждение без обвинения, без суда и без малейшего шанса услышать: «Не виновен».
- Действительно, он хладнокровно кивнул, это звучит высокопарно. Я иногда страдаю тем же когда приходится

говорить с людьми, полагающими, будто полицейский просто хочет быть полицейским и нисколько не любит свою работу. Что он и не подумает негодовать, видя чей-нибудь удачный рэкет, остающийся безнаказанным только потому, что в данный момент и на данный случай нет соответствующей статьи закона.

По его лицу пробежала усмешка, а может быть, это просто

мигнула лампа, стоящая между нами.

- Моя жена выходит из себя, когда я так разговариваю. Но

вернемся к главному вопросу.

Я пытался разглядеть его лицо в полутьме. Мне начинало казаться, что за запечатленным на нем выражением №1 от ФБР скрывается больше, чем полный курс их академической программы, и мысль эта не вызывала энтузиазма.

 Только один раз, — продолжал настаивать он, — чтобы оправдать мои служебные расходы, — он указал жестом на

пустые стаканы.

— Я не возил оружия в Республику. Я не работал и не работаю на Химинеса и, насколько мне известно, ни на кого другого с ним связанного.

Он помолчал, не сводя с меня глаз.

— Нам сообщали... — он покачал головой. — У нас нет отделения на Ямайке. О'кэй, значит это для протокола.

Он встал, бросил пару ассигнаций на стол, и мы пошли к

лифтам.

Просто из любопытства, — сказал он. — Почему вы хотите

встретиться с этими пилотами?

— Как я и говорил, для дружеской беседы. И еще узнать, зачем им потребовалось пикировать на меня сегодня, Кстати, откуда эти истребители?

— Из Южной Америки.

— Мне казалось, существует какой-то латиноамериканский договор, запрещающий торговлю стратегическим оружием, в том числе и истребителями.

— Есть такой, и он соблюдается — пока, конечно, не найдутся продавец и покупатель. Но в остальных случаях он действует.

Он нажал кнопку вызова лифта.

— Вы только что объяснили, насколько вам безразлично все, что происходит в Республике. Если вы публично затеете склоку с пилотами оттуда, кое-кто может неправильно вас понять.

— Другими словами: не бейте никого в «Шератоне», — я улыбнулся. — Знаете, когда на вас никто не смотрит, вы непло-хой работник ФБР.

— Меня это не касается: драка в казино отеля не входит в компетенцию ФБР.

Двери лифта мягко разошлись в стороны. В неоновом свете я разглядел морщины на его лице, седину в волосах. Ему было около пятидесяти, и он уже взрослым прожил в Пуэрто-Рико тяжелые годы.

Но, наверное, я пенял это и раньше.

Я тико сказал:

Значит, казино? Благодарю.

— Я погулял тут немного перед нашей встречей. Желаю удачи, — если вы настолько глупы, что она вам требуется.

3

Казино в «Шератоне» находится на нижнем этаже в большом, строгом на вид, хорошо освещенном зале, где крупье, работающие по лицензии от правительства, иногда разрешают вам расстаться с вашими деньгами в обмен на азарт н ажиотаж, отпускаемые, впрочем, не в большей степени, чем при покупке вами в ларьке банки с бобами. Только в данном случае вы, понятно, остаетесь и без бобов.

В Сан-Хуане везде так. Был момент, когда казалось, дела пойдут побойчее, — бывалые ребята, которых Кастро выбросил из кубинских казино, появились тут с намерением ноказать туземцам, сколько тузов может быть в колоде. Но они забыли о джокере — ФБР. Некоторые не торопились и попали за решетку, другие, посообразительнее, перерегистрировались в Лас-Вегасе, даже не слезая с трапа самолета.

Здесь, впрочем, и без них все шло, как надо. Казино в отелях Сан-Хуана служат ярким и процветающим монументом стремлению туристов почувствовать себя лихими игроками, проигрывая приемлемые для них суммы денег. Так что жульничество в игре просто ни к чему. Даже привилегии игорного стола не нужны, когда большинство клиентов готово сидеть за ним, пока не потеряют свои 10, 20 или 50 долларов, потому что встать и уйти при выигрыше — не спортивно.

Народу было, прямо скажем, не очень много. Кучка людей у двух столов с рулеткой, еще меньше за «черным флагом» и обычный гам вокруг игры в кости. Входной платы здесь не требуют, и размен денег на фишки производится прямо за столами. Поэтому я прошелся небрежной походкой вдоль столов, изображая собою Эдварда Робинсона, изображающего Эль Капоне, — самый нормальный вид для здешнего туриста.

Никто не был в форме ВВС Республики, но в кабину «Вампира-5» всегда можно втиснуть саквояж с необходимым

набором одежды, так что у них не было нужды сокранять воянственный вид, тем более во время «внанта доброй воли». Разглядывать физиономии тоже не имело смысла: тип, пилотирующий реактивный истребитель в пределах Карибского бассейна, мог с равным успехом быть родом как из Варинавы или Чикаго, так и из Санто-Бартоломео.

Я размышлял, сколько человек я успею спросить: «Извините, это не вы атаковали меня сегодня на реактивном истребителе?» — прежде чем меня пригласят к дежурному врачу отеля, как вдруг чья-то рука сунула мне под нос игральные кости, и голос за моей спиной произнес: «Тебе, Кэйт, всегда везло больше, чем ты заслуживаещь, дунь на них немножко».

Рука и голос вырвались из плотного кольца народа вокруг одного из столов для игры в кости, и мне не был виден ик козяин. Но я помиил и этот австралийский акцент, и эту большую загорелую руку, покрытую светлыми волосами и мелкими шрамами, оставленными острыми краями штурвалов и рукояток управления в малознакомых кабинах бесчисленных боевых самолетов.

Я провел пальцами над костями и прогнусавил:

— Проклятье матери на эти дьявольские штучки.

Американский турист воззрился на меня с негодованием.

— Эй, парень, это оскорбление н материнства, и хорошей игры. Послышался смешок, и кубики прошелестели по столу.

Крупье с палочкой пропел:

— Тр-и-и-и... бросавший выбывает.

Толпа шевельнулась, чья-то спина подалась назад, и чело-

век повернулся ко мне лицом.

 Все так же держишь свое везение при себе, Кэйт? — и мы взглянули друг другу в лицо первый раз в течение последних десяти лет.

Он изменился мало. Уверенный в себе, широкий, кренкий, —как и его руки. Голубые глаза и короткие кудрявые белокурые волосы. Квадратное лицо со странно грубоватой загорелой кожей. И жизнерадостное выражение лица, пристальный взгляд: удовольствие от настоящего момента и твердая уверенность в том, что следующий не застигнет его врасплох.

Нед Рафтер, австралийский пилот-наемник и заядлый

игрок. Найдите себе нгру или войну, а Нед найдет вас.

Он сказал:

- Как дела, приятель, олл райт?

 Олл райт, — мы не пожали друг другу руки, пилоты не часто это делают: в этом жесте есть что-то серьезное, окончательное. Я не спросил, как его дела, в этом не было нужды: на нем был жемчужно-серый костюм такого покроя, какой не сыщешь в пределах нескольких сот миль и сотен долларов от Карибского бассейна. А уж чем он занимается, мне спрашивать не требовалось.

 — Мы, как будто, сегодня уже встречались, — заметил я, в следующий раз дайте гудок при обгоне.

Он медленно улыбнулся.

— Ты, Кэйт, кажется, стал воскресным ездоком, — мы подошли к краю стола, и он бросил крупье двадцатидолларовую бумажку. — Фишек мне и приятелю.

— Мне — нет, — возразил я. — Я пришел сюда оторвать тебе голову и все еще намереваюсь сделать это. Не стоит еще и

проигрывать твои деньги.

- Рассуждаешь, как турист. Никто не проигрывает.

Он выбрал фишки для себя и быстро разбросал две маленькие кучки на игорном столе. Крупье криво улыбнулся — видимо,

Нед сделал довольно хитрую ставку.

Я не игрок — не по принципу, а просто не получаю удовольствия от риска. И в любом случае система ставок в игре в кости слишком сложна для меня, котя правила игры довольно просты. На первом броске вы выигрываете при 7 и 11 очках, проигрываете при 2, 3 и 12. При любом другом числе очков правила меняются: вы продолжаете кидать игральные кубики, пока не выиграете, выбросив два раза подряд одно и то же число очков, или не проиграете, выбросив 7 очков. Другие числа после первого розыгрыша в счет не идут.

Но в казино вы можете делать ставки не только на выигрыш или проигрыш по указанным правилам, но на любой номер, любой способ его получения и вообще на все что угодно.

Кубики прокатились и замерли на зеленом сукне. Нед проиграл на одной кучке фишек, но выиграл чуть больше на второй — так что ставка действительно, наверное, была хитрая.

— Последний раз я о тебе слышал, — сказал я, поддерживая

разговор, — ты был в Конго. Что случилось?

Опротивела местная политическая возня. Да и летать приходилось только на Т-28 и несколько старых В-26. Надоело,
 он положил кучку фишек на игорное поле.

— Почему не попробовать Дальний Восток? Там, насколько

я знаю, идет немалая война.

 Да, я подумывал об этом. Загвозка в том, что американцы недемократичны: не допускают посторонних.

Он проиграл ставку и немедленно бросил фишки на соседний номер.

 А другая сторона? Может быть, они более демократичны? Он бросил на меня косой взглял.

— Это что, веселая шутка, приятель?

— Ла. Вся жизнь наша — веселая шутка. На меня не часто нападает пара реактивных истребителей, которые, может быть, решили малость пострелять, - очень хорошо помогает видеть забавную сторону сащей.

Он выиграл, снял фишки и бросил их на другую сторону

поля.

- Кэйт, ты просто отстал от жизни.

— Я отстал от жизни?! — я ударил ладонью по кразо стола, и крупье бросил на меня тревожный взгляд. Более спокойным голосом я сказал: — Если бы я сегодня повернул вам навстречу. ты все еще брел бы по воде к берегу. Твой напарник шелслишком близко к тебе и не с той стороны, с которой следовало. Стоило тебе сделать чуть покруче выход из пикирования, ион сел бы тебе на хвост.

Нед размышлял, что-то прикидывая.

— Может быть... может быть, ты и прав. Здешние ребята обожают летать в тесном строю. Я их отучу, я здесь всего только месяц.

Кубики прокатились по столу. Крупье пропел выпавшие номера. Бросавший проиграл, его место занял другой. Кости самая молниеносная азартная игра из всех, какие я знаю. За исключением склонности подремать за штурвалом истребителя над вражеской территорией.

Нед продолжал делать свои ставки, иногла выигрывая, иног-

да проигрывая.

И как, — поинтересовался он, — тебе нравится состоять

в грузовой авиации?

— Могло быть и хуже. Погода здесь обычно летная. Плохо, что аэролинии налаживают работу. Через несколько лет между островами установят связь реактивными самолетами.

 Ага, — он задумчиво погладил подбородок. — Думаю... мне казалось, тебе захочется чего-нибудь более волнующего —

после истребителей.

Попытайся как-нибудь погасить в рассрочку задолжен-

ность за свой самолет. Куда как волнующе.

 Никогда не имел своего самолета, — кубики прокатились по столу, и неожиданно Нед выиграл втрое больше поставленной кучки фишек. Он быстро подтолкнул их к крупье.

- Хватит на сегодня. Оплатите.

Уходите, пока вам везет, — пробормотал я.

Он взглянул на меня.

— Ты и сам когда-то так сделал.

Я ухмыльнулся. Несколько туристов посмотрели на Неда пренебрежительно, как на человека, который не умест выложиться в игре, - хотя именно это он и делал: Нед выкладывал фишки, а крупье - деньги.

Он отхватил на удивление большую пачку долларов. Я не думал, что он играет по мелочи, - в прошлом за ним такого греха не водилось, да и костюм свидетельствовал об обратном. Но этой пачки вполне бы хватило на текущие расходы и двухмесячную заполженность по моей «Ласточке».

Он быстро перебрал пальцами бумажки в пачке и сунул ее в

карман.

— Правда, что в казино негде выпить?

Я кивнул.

Он возмущенно пожал плечами.

— Вот что значит контроль правительства. Если я рухну на пути к бару, напиши моей матери, что я погиб, но не спался.

Мы вышли наружу к бару возле бассейна. я заказал два баккарди с тоником, и мы, как-то само собой, начали вспоминать тех, кого знали в Корее. Некоторых уже не было на свете. Другие командовали эскадрильями. Двое американцев стали генералами. Еще двое тренировались для полета на Луну и, как верили в некоторых кругах, назад.

Только для того, чтобы что-нибудь сказать, я спросил:

Какой у тебя ранг в Республике?

 Полковник — по всем правилам. Самое высокое звание, какое я пока что имел, приятель. В Конго я был всего лишь мелким жалким капитаном.

Я уставился на него.

— Бог мой, ты что, управляещь всеми BBC? — я думал, он командует отрядом или, может быть, служит главным инструк-TODOM.

— Только «Вампирами».

- Я полагал, для двенадцати истребителей достаточно и майора.

Он ухмыльнулся.

— Да, но эти двенадцать и есть весь воздушный флот, так что я главнокомандующий истребителями. Мне следовало бы быть генералом.

Я бросил на него взгляд.

 Не так громко, Нед. В этих краях каждый действительно кочет быть генералом.

С застывшим выражением лица он кивнул.

 Ох, все время забываю. Дело в том, что я никогда не придавал значения всем этим нашивкам.

— И ты, и вся Австралия.

Он снова ухмыльнулся.

- Главное это деньги. Что ты скажещь о 750 долларах в неделю и никаких налогов и расходов на еду и жилье?
- Скажу, что чертовски хорошо, пока кто-то не передумает платить. Это твое жалованье?

— Нет, я получаю больше. Столько я могу предложить тебе. Я занялся вычислениями — я ничего не мог с собой поделать. 750 в неделю означает 3000 долларов или 1000 фунтов в месяц. Если даже только три месяца, и то я бы полностью расплатился за «Ласточку». Продав «Ласточку», я мог бы внести очень неплохой первый взнос за новую «Ласточку-9» или «Аэрокоммандер» или...

Нед следил за мной снисходительным, слегка насмемливым взглядом. Цифры, должно быть, проносились в моих глазах, как на цифровом табло кассы в магазине. Я тихо произнес:

- Умчимся туда, в далекий зеленый простор.

— Мне разрешили пригласить парня со стороны при условии, что он знает свое дело. Сейчас мне приходится быть командиром эскадрильи, артиллерийским офицером и главным инструктором, да еще делать четыре-пять полетов в день. Ты будешь моим помощником и возьмешь на себя половину дела. Что скажешь?

«Аэрокоммандер» еще маячил на взлетной полосе перед моими глазами, но уже все дальше и дальше.

— Спасибо, что подумал обо мне, Нед. Но — нет.

Соглашайся, приятель.

Я покачал головой.

Его рука грохнула по стойке бара.

Говорю тебе — соглашайся! Это хороший совет!

Я поднял на него глаза, удивленный такой вспышкой. Затем, помолчав, сказал:

— Ты имеешь в виду, что я наконец-то после всех этих лет стану асом? Ну, а если вражеских самолетов не будет? Могу я засчитать себе расстрелянных сверху крестьян? А также коз и ослов?

Он усмехнулся.

- Ох, не пускай слезу понапрасну. Бедные крестьяне, как же! На прошлой неделе мы прихлопнули трехдюймовую мортиру, палившую по взлетной полосе, пока мы взлетали. Крестьяне! Эти ребята заняты настоящим делом.
 - Я не вмешиваюсь в политические игры Республики.
 - Кто, черт возьми, говорит о политике? Ты был в Корее не потому, что расходился в теории с Карлом Марксом, а потому, что ты летчик-истребитель и отличный к тому же. Так что не кивай на идеи из книг, которых ты не читал.

Я улыбнулся — не мог не улыбнуться. Но потом снова покачал головой.

- Война в Корее была нашей войной. И я до сих пор уверен, что правда была на нашей стороне. В Республике нет правой стороны. Что бы ни случилось, там даже победителя не будет. Там и войны быть не должно. Какой бы болезнью страна ни болела, ни «Вампиры», ни трехдюймовые мортиры не годятся в роли лекарства.
- Ты все продолжаешь нести вздор о политике: звучит, словно корова играет на скрипке.
- Я говорю о политике?! А ты думаешь, что можешь участвовать в чьей-то войне и не играть при этом в политику?

Нед открыл рот, чтобы ответить, но в этот момент какой-то тип совершил вынужденную посадку на его правое плечо. Нед резко повернулся, подняв в замахе руку, и на мгновение я решил, что вечер все-таки будет не без развлечения. Но тут он увидел вновь прибывшего, сказав: «Черт, это вы», — и повернулся к бару.

Новобранец оказался высоким смуглым персонажем, очень привлекательным с виду, — в духе латиноамериканской сигаретной рекламы, и ни на секунду не забывавшим об этом. Но не он, а его костюм завораживал ваш взор. Это был предмет изысканных очертаний, широкий в плечах и узкий в талии, из бледного мадрасского шелка и достойный внимания во всех отношениях. Вы сразу чувствовали, что этот костюм вы будете вспоминать не один раз, хотя, возможно, и не по своей воле и против желания.

Он стоял, опершись Неду на плечо, озаряя окружающий мир щедрой улыбкой.

— Немного выпивки, мой полковник, — предложил он.

Нед сказал:

— От вас так несет, что, по-моему, вполне достаточно, — тут он вспомнил свои светские обязанности и кивнул головой налево и направо.

Капитан Миранда. Кэйт Карр.

Капитан повернулся ко мне с выражением приятного

удивления.

— Сеньор Карр? От души надеюсь, что мы сегодня не очень вас напугали, — и он одарил мужественной улыбкой меня.

Я пожал плечами.

Он потряс пальцем.

— Теперь вы уже не подлетите к Республике, да? В следующий раз мы вас собьем.

Нед резко повернулся к нему и голосом, словно отлитым из

металла, произнес:

— Слушай-ка ты, сынок. Даже мысли не допускай связываться с Карром, если меня не будет рядом, чтобы держать тебя за руку. Он знает об этом деле больше, чем ты усвоишь за пять жизней, — Нед сделал жест рукой. — А теперь сматывайся отсюда и погоняйся за местными куколками. Хотя сейчас ты едва ли справишься даже с тряпичной куклой.

Миранда инстинктивно выпрямился и с пьяной важностью

сказал:

 Мы здесь с визитом доброй воли, мой полковник. И я пил с американскими офицерами, а не с бунтовщиками, — тут мне достался пронзительный обжигающий взгляд.

Нед сказал:

— Прочь с глаз, пьянчужка.

Капитан, застыв по стойке «смирно», произнес: «Слушаюсь, полковник» — и зашагал к дверям отеля вне себя от оскорбленного воинского и мужского достоинства.

Последовала долгая пауза, во время которой Нед хмурился и позвякивал льдом в стакане. Я вытащил из внутреннего кармана трубку, набил ее табаком из смятого пакета и приступил к церемонии зажигания. Нед с недоумением смотрел, потом спросил:

— И к чему эта дымовая завеса?

— Пытаюсь отвыкнуть от сигарет, — дым шел из всех концов

трубки и из меня одновременно. Я не оставлял усилий.

Нед щелкнул пальцами и заказал еще пару баккарди. Пока несли выпивку, мои мысли и трубка были уже вполне под контролем.

Что ж, — сказал я, — а теперь рассказывай.

— Не обращай внимания на этого плэйбоя. Нам приходится с ним возиться, поскольку его отец крупный землевладелец...

- Рассказывай, Нед, рассказывай.

Он нахмурился в стакан.

Я сказал:

- Я не спращивал, откуда тебе известно, что «Ласточку» сегодня утром вел я, полагая, будто у вас есть сведения о всех грузовых рейсах. Я думал, ваша атака была маленькой шуткой с твоей стороны. Но этот тип назвал меня бунтовщиком. Рассказывай.
- Нечего рассказывать. Просто соглашайся на предлагасмую работу.

— Я уже говорил — не хочу встревать в...

— Но ты уже встрял! Они считают, что ты делаешь рейсы для Химинеса, для повстанцев. Мне приказали попугать тебя сегодня в качестве предупреждения.

Я застыл. ФБР так думало. Республика так думала. Может

быть, все вокруг так думали? Кроме меня.

Нед сказал:

Соглашайся. Ты зашибешь монету и докажешь им, что они не правы.

Поэтому, Нед, ты и предложил мне?
 Соглашайся, и все. Это же твоя работа.

— Ты тоже считаешь, будто меня нанял Химинес?

Он нетерпеливо помотал головой.

— Не знаю. Ты ведь всегда себе на уме — иначе не был бы классным летчиком-истребителем.

Но я, Нед, теперь не пилотирую истребители.

Он допил залпом стакан, встал и посмотрел на меня сверку вниз, потом медленно произнес:

— Я сделал все, что мог. Разве только не рисовал тебе рекламные плакаты для рекрутов. Но я готов и на это, потому что в следующий раз мне могут дать команду стрелять.

- И? Кто тебе гарантирует, что ты куда-нибудь попадешь?

Нед довольно улыбнулся.

Кто тебе сказал, что ты уже не летчик-истребитель? — он

повернулся и пошел в отель.

Трубка моя погасла, и я сидел, размышляя, отчего же она барахлит, как вдруг кто-то тихонько сел в кресло рядом со мной.

Я поднял взгляд и кисло заметил:

Следовало ожидать, что вы зрелища не упустите.
 Извините за счастливый конец.

Агент Эллис улыбнулся и сказал:

 Естественно. Вы, как будто, хорошо знакомы с полковником Рафтером? Наверное, давно его знаете?

Я положил трубку на стойку бара. — Дайте сигарету, и я вам отвечу.

Он извлек пачку «Честерфильда» и дал мне прикурить.

— Благодарю. Я был в Корее. Нед служил в 77-й зскадрилье Королевских ВВС Австралии. Они появились у нас на «Метеоритах-8», чтобы понытаться справиться с «МИГами», но оказалось, что «МИГи» могут летать выше, ниже, быстрее и маневреннее, чем они. Не скажу, что их разгромили, но можете поставить сто против одного, что для них это не было каникулами. Потом их перевели на атаки по наземным целям. Я был прикреплен к эскадрилье «Сабель», прикрывавших «Метеориты» сверху, служил также у них офицером-координатором, так как был англичанином и все такое... Позже я пару лет встречал Неда в Лондоне, он тогда только что ушел из ВВС.

— А теперь он — полковник в Воздушных Силах Республики.

Чем он занимался между тем и этим?

Я взглянул на него, надеюсь, колодным взглядом.

— Думаю, вязал носки для родных у себя дома.

Эллис, казалось, был слегка обижен.

— Просто дружеский вопрос.

 И дружеский ответ. Трудитесь сами, если котите включить его в один из ваших маленьких списков. Одна сигарета не сделает меня информатором ФБР — особенно после того, как мне предложили 750 долларов в неделю.

Воцарилось молчание. Он задумался, а я пытался понять, какого черта мне вздумалось это ляпнуть. «Шератон», покоже, отпускал большие порции баккарди, чем я от них ожы-

дал.

Он тихо произнес:

— 750, а? И вы согласились?

— Нет, но приятно видеть, что тебя ценят.

— Вас вышибут из Карибского бассейна. Вам здесь нигде не разрешат приземлиться — после ваших игр в интересах Республики.

— Знаю. Поэтому я не служу и у Химинеса тоже.

— Разумеется, — он кивнул с умным видом. — Может быть, у вас даже вытиснут лозунг на панели управления: «За это меня вышибут из Карибского бассейна»?

Я сказал:

— Нет. Я не нуждаюсь в напоминаниях.

— Я сделаю для вас такой сувенир, — он улыбнулся. — Глупо, если вы совершите такую ошибку только потому, что вам вовремя не напомнили.

Он встал и ушел.

На следующий день меня подрядила до Св. Китта группа рыболовов, не придающих значения, во что им обходится их удовольствие, и когда я вернулся в Сан-Хуан, Нед и «Вампиры» уже исчезли. После полудня я вылетел на Ямайку, держась подальше к югу от побережья Республики и используя кучевые облака для прикрытия.

Радиолокаторы меня не волновали. Я недумал, что у них они есть. Но даже если Республика обзавелась одним-другим, пользоваться ими как следует они еще не могли научиться. Скорее всего, Нед подстерег меня по моим радиосообщениям о курсе полета, которые я прилежно посылал на всем пути. Се-

годня я молчал, как рыба.

Перелет при встречном ветре и без заправки в Республике был долгим и скучным. По сути дела, в этой части Карибского бассейна перспективы мои становились довольно тусклыми. Куба была недоступна. Только «Пэн Америкэн» была способна извлечь хоть толику смысла и горючего в Порт-о-Пренс, Гаити, — и то лишь потому, что приобрела в свою собственность чуть ли не весь аэропорт. А теперь и Республика оказалась под запретом. За исключением полетов над Ямайкой и случайных долгих рейсов до Нассау или в Пуэрто-Рико, лето обещало быть тихим и спокойным. Следующий день это подтвердил.

В Кингстоне я жил на Ист-стрит в двухкомнатной квартире над ночным клубом, где, пока я пытался заснуть, каждую ночь весело звенело разгульное каллипсо. Я выбрался из постели в восемь утра, сумел сделать себе чашку кофе и затратил десять минут впустую, тщетно обыскивая все имеющиеся карманы и

ящики в поисках затерявшейся сигареты.

День, можно сказать, начинался нормально.

В девять, более или менее побрившись, одетый в более или менее чистые брюки и рубашку цвета хаки, я уже шел по улице, и толпа оживленных кингстонских пешеходов непринужденно спихивала меня время от времени с тротуара. Оглядев свой «джип», я в сотый раз подумал, стоит ли использовать такую потрепанную колымагу для рекламы и не убрать ли с борта надпись «Кэйт Карр, пилот по найму, двухмоторный самолет», решил, как всегда, отложить это и выехал на дорогу, где веселые кингстонские автомобилисты спихивали меня время от времени на обочину шоссе.

Аэропорт «Палисадос» лежит на середине изгиба береговой полосы, окаймляющей кингстонскую гавань. В 9.20 я уже был

в своей дневной конторе — на складном стуле с теневой стороны «Ласточки» — и раскуривал трубку,

По-прежнему обычный, рядовой день,

Некоторое время я обдумывал, не поискать ли место утечки в системе подачи сжатого воздуха, из которой воздуха вытекало почти столько же, сколько его подавал компрессор. Сжатый воздух — это дыхание «Ласточки»: механизм выдвижения колес, тормоза, флетнеры* — все работает на нем, так что рано или поздно мне придется этим заняться. Однако имелась система дублирования и еще баллон сжатого воздуха для аварийной посадки, и потому я решил подождать, пока течь обнаружит себя больше. Кроме того, в десять у меня было назначено деловое свидание, а для завершения сделки психологически вредно, если клиент застает самолет со снятой панелью управления и торчащими в разные стороны проводами.

На этот раз в порядке исключения клиенты прибыли вовремя: ответственный управляющий и торговая делегация, пожелавшие бросить взгляд на бокситовые залежи в холмах. Сам управляющий, видимо, наслушался обо мне достаточно и поэтому предпочел путешествовать в «бьюике» с кондиционером. Но, желая поддержать настроение остальной компании, он только почесал усы и высказался в том смысле, что пропеллеры вроде в

порядке.

До посадочной полосы в холмах было всего лишь полчаса лету, да и делегатам не захотелось нюхать бокситовую пыль более часа, поэтому мы вернулись вскоре после полудня.

Я пил пиво в баре «Горизонт», обдумывая, стоит ли идти на «галерею прощания» за сэндвичем, когда появился клиент номер два: мистер Петерсон, который чем-то заведовал в снабжении отелей на северной стороне. Одетый в местную «форму» — темные брюки и белая рубашка с короткими рукавами, — он дышал здоровьем, силой и энтузиазмом — и был негром, что довольно редко имеет место в гостиничном деле. Большие отели не страдают популярностью по части назначения местных жителей на ответственные должности.

У него, оказывается, возникла идея.

— Знаете что, мистер Карр, мы ведь никак не можем получить хорошую говядину здесь, на острове. А потому не возьметесь ли вы ввозить ее для нас в замороженном виде из Южной Америки?

Я нахмурился и спросил:

Флетнер — специальная заслонка (подвижная часть крыла), управляемая воздушной тягой и предназначенная для резкого торможения самолета.

— Поточнее — откуда?

 Из Венесуэлы. Мы считаем, что за время перелета мясо не разморозится. Когда-то раньше пробовали это делать.

Действительно, так было. Какой-то пилот на старом бомбардировщике занялся перевозкой мяса в Мексику, используя Ямайку как заправочный пункт. Но у него что-то там загорелось, он продал самолет, и идея не нашла продолжения.

Я спросил:

— Сколько весит говяжья туша?

Он махнул розовой ладонью.

Говорят, около трехсот фунтов.

— Каракас отсюда в 800-х морских милях. Я мог бы кое-как долететь с грузом в 1500 фунтов, то есть пять туш, но...

Он расплылся в улыбке.

- Это замечательно! Я сейчас же...
- Но, сказал я твердо, хотя мне было жаль гасить его улыбку, но Каракас означает десятичасовое путешествие туда и обратно. Ради надежной регулярной работы я могу уменьшить свою выручку, но не могу сократить дорожные издержки. Мне придется потребовать около 235 фунтов за рейс.

Улыбка исчезла, олл райт.

 Но... но это означает почти пятьдесят фунтов только за перевозку.

Я кивнул.

Он посмотрел на меня подозрительно и покачал головой.

- Я думал, в нашем деле жуткие цены, но у вас...
- Вы поете мою песню.

— А вы не могли уступить хотя бы немного?

— Я знаю слова, но никак не могу вспомнить мелодию. Его улыбка мелькнула и погасла, как от щелчка выключателя. Он грустно сказал:

— Вам не нравится наше предложение, мистер Карр?

- Ваше предложение это то, о чем мечтает каждый пилот, работающий по найму: постоянная, надежная работа. Но в любом случае только держать «Ласточку» в воздухе мне стоит 22 фунта 4 шиллинга в час. Я с вас прошу всего лишь на один фунт в час больше, а мне ведь предстоит еще Контроль-4.
 - Что
- Контроль-4. Производится каждые 1800 летных часов, Кучка инженеров разбирает самолет на части, сообщает вам, что он в хорошем состоянии, и собирает его снова. Стоит это удовольствие около 3000 фунтов. После чего вам снова разрешают летать.

Он еще раз улыбнулся более искренне.

— Да, у вас действительно — цены! Что ж, я расскажу все это на совете, но... Проблема в том, что мы вынуждены оплачивать вам рейс в обе стороны, так?

— Так. Найдите мне регулярный груз до Каракаса, и все

цены станут вдвое ниже.

Он устало кивнул.

Проблема Карибского бассейна в том, что это просто цепочка окраин. Если же вы едете куда-то по делу или для удовольствия, то вы не станете ведь странствовать с одной окраины на другую, а направитесь прямо в метрополию — Майами, Нью-Йорк, Лондон, Париж, Амстердам. Острова здесь просто не желают ничего знать друг о друге.

Вот почему увяла идея объединения Ямайки и Тринидада: их жители встречались только в Лондоне и там не очень-то нравились друг другу. Почему бы не объединить Мальту и Нормандские острова? Они столько же говорят по-английски и

так же близки один к другому, как Тринидад и Ямайка.

Мистер Петерсон слез со стула.

— Что ж, я сказал, что поставлю вопрос на совете директоров, — он покачал головой, пробормотал: «Извините» — и ушел.

Я посмотрел на часы, решил, что еще рано снова заказывать пиво, потом все-таки заказал. Это было ошибкой с моей стороны. Пока я пил пиво, из комнаты, где обычно обедает персонал аэропорта, вышел инспектор по горючему, увидел меня, подошел, спросил, как дела. Я ответил: так себе, он сообщил, что очень сожалеет, я сказал, что я тем более, но он возразил, что сомневается в этом.

Потому что, — пояснил он, — вы должны нам 165 фунтов.
 Мы только что послали вам последнее предупреждение.

— Я отдам сотню до конца недели.

Он улыбнулся или, во всяком случае, показал мне свои зубы.

Сожалею, но — полностью. Или мы прекратим вас обслуживать. Уверен, что у вас кое-что отложено на всякий случай.

— Кое-что! И надвигается Контроль-4.

- Ого! Мне обидно думать, что вы растранжирите деньги на переборку самолета, когда на самом деле они принадлежат нам.
- Растранжирю? я сердито уставился на него. Я заплачу сотню на этой неделе и еще одну в течение двух следующих.
 - Кэйт, вы забираете у нас горючего на 60 фунтов в неделю.
- Так пусть счет еще немного подрастет, пока я не выясню, во что мне обойдется Контроль-4.

Он покачал головой.

— Вы нравитесь мне, Кэйт, и ваш бизнес тоже, но еще больше мне нравятся ваши деньги. Да, и в любом случае вы и ваш бизнес у меня в кармане.

Я застонал.

— 165 фунтов. На этой неделе. Удачи, Кэйт, — и он ушел вниз.

Это все еще был обычный, рядовой день.

б

Съев пару горячих сосисок на галерее, я вернулся к «Ласточке». Два часа пополудни. Жарить начинало по-настоящему. В аэропорту было просто жарко, но на узких улочках Кингстона, расположенного в низине между холмами, дышать становилось не легче, чем под потным электроодеялом. В безымянных поселках из жалких лачуг, возникавших вблизи свалки отходов кингстонских предприятий по очистке нефти, сейчас возникали яростные драки из-за пустяковых находок среди отбросов. А в богатых предместьях за «Халфвэй Трии» пожилые почтенные садовники беспокойно блуждали среди манговых деревьев, вспоминая жену хозяина, отдыхающую в спальне с кондиционером, и пробуя на палец острые края своих мачете.

Кингстон — идеальная естественная гавань, вот только расположена она на южном берегу, а прохладный летний бриз дует с севера. Он дует — нет, вежливо дышит — на частные пляжи, современные дома и фешенебельные отели северного побережья. В чем же дело? Перебирайтесь сюда, кто вам мешает? Для этого вам нужны только деньги. Или вы надеетесь разбогатеть в Кингстоне? Смазывайте лучше пятки да эмигрируйте. Может быть, Лондон и не вымощен золотом, но зато там прохладно. Вы быстро увидите, насколько там прохладно.

Похоже, жара добралась и сюда. До «Ласточки» без перчаток невозможно было дотронуться, а над крышками бака с горючим стояла легкая дымка, так что я терял топливо просто за счет

испарений. Что ж, я и не платил за него.

Клиент номер три, как всегда, опаздывал. Тем не менее жаловаться не приходилось, поскольку это был единственный регулярный источник моих доходов: молодой венесуэльский бизнесмен по имени Диего Инглез, который вбил себе в голову, что как только он научится летать, его компания сразу купит ему новый с иголочки двухмоторный самолет. Он подрядил меня обучать его летному делу два раза в неделю.

Лично я сомневался, чтобы какая-либо фирма была настолько смела, чтобы доверить ему самолет стоимостью 35 тысяч фунтов стерлингов, но кто знает? Он очевидным образом вел происхождение от богатой старинной семьи, а это может много значить в венесуэльских деловых кругах. В любом случае, это были его деньги и мой карман.

Если не принимать во внимание сказанное выше, он был приятным молодым человеком лет двадцати с небольшим, невысок и слегка полноват, с жизнерадостным лицом, копной черных волос и вежливо-задиристыми манерами отпрыска древней испанской фамилии.

Он появился в двадцать минут третьего с длинным витиеватым объяснением, сводившимся к тому, что он только что вылез из постели — и то не своей.

Из-за жары и грозовых туч, окутавших Голубые горы, я не хотел задерживаться вблизи аэропорта, поэтому мы не стали заниматься отработкой посадки и захода на нее, а вместо этого я дал ему задание выполнить рейс до Педро Кэйс в восемнадцати милях к юго-западу, строго выдерживая курс без использования радиосвязи, — только по карте и метеосводкам.

Такой спокойный, точно рассчитанный полет был не в его духе. Как и большинство латиноамериканцев, он считал авиадело разновидностью автомобильных гонок. Мне приходилось непрерывно дразнить его, называя «пилотом хорошей погоды», чтобы он приучился следить за приборами, картами, метеосообщениями и доверять им. На этот раз я был достаточно раздражен, чтобы заставить его почти безупречно приземлиться на посадочной полосе Кэйс, выдержав с точностью до минуты заданное Е.Т.А.*

Я не забыл отметить ему это.

Он обезоруживающе улыбнулся и спросил:

— Так, может быть, вы согласитесь, что я уже гожусь?

Я посмотрел на него.

— Для чего? Возможно, вы смогли бы получить диплом класса «В», чтобы иметь право водить частным образом такой самолет. Хотите, чтобы я организовал проверку?

-- Не совсем так, сеньор. Я имею в виду — вы верите в меня? Справлюсь я с таким самолетом, где угодно и когда угодно?

— Вы все еще полагаете, будто самолет — это чудо с пусковой кнопкой. Бывает погода, когда даже птицы ходят пешком.

— Я понимаю, сеньор, что риск есть, но... — он оттянул руку от штурвала и деликатно помахал ею.

^{*} E.T.A. — expected time arrival (англ.) — ожидаемое время прибытия.

— Попытайтесь все же запомнить, — сказал я медленно, — если бы Бог предназначал людей для полета, он бы дал нм крылья. А потому все наши полеты — это вызов природе. Они противоестественны, коварны, и каждое мгновение наполнено риском. Секрет успеха — свести риск к минимуму.

— А может быть, и в жизни — секрет успеха уметь выбрать свой риск, — он ослепительно улыбнулся, — но вы, как будто, были летчиком-истребителем и все-таки говорите о минимуме

риска.

- Тогда-то я научился этому. Не верьте всей этой ерунде о благородных рыцарских схватках между летчиками-истребителями, и все такое. Это как раз то дело, в котором весь смисл застать противника врасплох и подстрелить сзади. Так составляли свой список побед лучшие из нас. И если они не могли застигнуть врага врасплох, они вообще с ним не связывались.
- Ах, теперь я понимаю, сеньор, он изящно наклонил голову, — я должен поймать погоду врасплох и застрелить ее в спину. И еще я понимаю, почему лишенные романтики англичане такие хорошие пилоты.

Он смеялся надо мной, но лишь бы не забывал сам...

Я сказал:

— Так что относительно экзамена?

— Я переговорю с Каракасом. Но важнее всего, чтобы вы верили в меня. Это и есть мой настоящий экзамен.

Нужно иметь в жилах кровь многих поколений испанцев, чтобы так изысканно-вежливо смеяться над человеком. Я сунул трубку в зубы и сказал:

- Тем не менее может оказаться, что диплом вам пригодится. По сути дела, диплом не навредит на любой жизненной тропе.
 - Сеньор?
- Вспомнил старую пословицу, ходившую в наших лишенных романтики ВВС: только птицы могут и совокупляться, и летать, и птицы пьют только воду.

Грозовые тучи наконец сжалились, надвинулись на Кингстон и затопили его на полчаса. К тому времени, когда мы приблизились к аэропорту «Палисадос», они уже разошлись, над пригородами вилась дымка, а воздух даже в кабине был чистым и свежим.

Мы попробовали три приземления, включая и то, при котором я отключил один двигатель, и он должен был на высоте 200 футов прекратить спуск и снова сделать заход на посадку. Все у него получилось неплохо. Он не растеряется в критической

ситуации — это его «звездный час». Нелепая случайность — вот что его погубит. Пух, попавший в карбюратор, оборванный провод в радиокомпасе, смена направления ветра на 23 градуса — невероятное совпадение отдельных неприятностей, один шанс на миллион, но в наше время при нескольких миллионах перелетов в год — десятикратная стопроцентная статлетическая неизбежность. Он потерпит неудачу в чистом, тихом голубом небе, потому что не откажется от убеждения, будго там его место по праву. Потому что не может осознать себя непрошеным гостем, который должен быть начеку и не ослаблять внимания каждую наступившую и наступающую минуту.

Я был не прав, конечно, как это обычно у меня и бывает в

отношении людей, но только отчасти...

В половине четвертого мы сели, и я взял у него плату за два часа полета. Он расплатился наличными — испанская вежливость, которую я ценил. Он предложил довезти меня до Кингстона в своем «ягуаре» — испанская вежливость, которую я поспешно отклонил. Да мне и следовало заняться бортовым журналом.

Я улегся на места для пассажиров, поближе к открытомулюку и приступил к делу, на первый взгляд легкому: рейс в Сан-Хуан, к Св. Китту и сегодняшние полеты. Легко — если забыть о Контроле-4, приближающемся с каждым летным часом. Что ж, это тоже было нетрудно: вычесть 10 минут из времени полета до Сан-Хуана. Разве комиссия по перерегистрации станет сверять записи служб аэропортов в Кингстоне и Сан-Хуане? А о рейсе до Св. Китта разве они вообще узнают? Черт возьми, я мог бы в итоге скрыть часа четыре, не меньше. Во всех трех журналах: самолетный бортжурнал и по журналу на каждый двигатель, потому что за период службы двигатель живет своей собственной жизнью. Вы сдаете его на капитальный ремонт и в обмен получаете такой же, уже отремонтированный и кондиционный, - и журнал к нему. Вам остается только надеяться, что его предыдущий обладатель. такой же пилот, как и вы, не сделал с ним ничего такого, что не попало в журнал: слишком частый форсаж, прогон на малых оборотах при большой подаче горючего... плутовство с записью летных часов.

Неохотно я вписал оба рейса, и Сан-Хуан и Св.Китт, вычтя

из каждого только по 10 минут летного времени.

Затем я подсчитал выручку за день. Получилось ровно 75 фунтов 9 шиллингов — если не учитывать плату за квартиру на Ист-стрит, немного еды и выпивки, а также поддержку «джипа» почти в рабочем состоянии. Но я помнил и другие дни,

которые «Ласточка» проводила на аэродроме из-за плохой

погоды, отсутствия запасных частей или работы.

Это все-таки был обычный, рядовой день в веселой, славной жизни вольнонаемного пилота, слоняющегося по голубому небу солнечного Карибского бассейна, пытающегося навязать людям предмет роскоши, который большинству не нужен. Продавец спичек на перекрестке с полным подносом спичечных коробков, выложенных бриллиантами.

Я добрался до бара в Миртл-Банк Отеле около шести. По ямайским стандартам это старый отель. Расположен он возле пристани, так что грузовые корабли швартуются прямо на задах его парка. Бар здесь находится снаружи, во внутреннем дворике — патио, а не в полной тьме внутри в полном согласии

с идеалами передовых отелей Нью-Йорка.

Бармен подал мне пиво «Рэд страйп» и записку — и то и другое без запроса с моей стороны. В этом году бар Миртл-Банка заменял мне контору, а он — секретаря. Пиво было ледяным, и тон записки — не менее: меня вызывал к себе Дж.Б.

Пенроуз ровно в 11 часов следующего утра.

Я был знаком с Дж.Б. Пенроузом не больше, чем с мачехой его кота, и первая моя мысль была, что желания знакомиться с ним у меня нет. Даже выраженный неуклюжим почерком бармена тон сообщения был также ясен, как команда офицера в морозный день на учебном плацу. Дж.Б. Пенроуз вызывал меня (а не приглашал) в 11 часов в клуб Зеленого Парка, апартаменты под литерой «С».

Всего 50 миль через весь остров к северному берегу.

Я сидел, пил пиво и размышлял, не позвонить ли Пенроузу, чтобы предложить ему поплавать завтра утром за рифом вместе с другими акулами. Но за второй кружкой я задумался насчет Зеленого Парка. Человека, не знающего здешних мест, ссылка на Зеленый Парк могла ввести в заблуждение. Дело действительно началось с клуба — в то время, когда северное побережье принадлежало только зимним резидентам, и не было там никаких отелей и туристской мелюзги вроде президентов банков и им подобных. Но когда повалили туристы, Зеленый Парк вспомнил, что обладает лучшим пляжем на острове, и построил у себя пару домов для сдачи комнат внаем и еще парочку с апартаментами в классе «люкс». В одном из них я бывал, и если Дж.Б. Пенроуз жил там, спички в бриллиантовых коробках должны ему нравиться.

^{* &}quot;Рэд страйп" — "Red stripe" (ингл.) — "Красные полосы", название пива.

На следующее утро я приземлился на северном берегу около одиннадцати утра. Вблизи Боскобельской взлетно-посадочной полосы жили в свое время довольно изобретательные авторы, в том числе Ян Флеминг и Ноэл Коуард. Но все они уступали в классе сочинителю лозунга над хижиной местной ямайской радиослужбы: «Добро пожаловать в аэропорт Охо Риос».

Начать с того, что посадочная полоса находилась не в Охо Риос, а в двенадцати милях к востоку, в Оронобезе. А во -вторых, здесь нет никакого аэропорта, а есть только бетонная лента длиной не более 3000 футов, втиснутая между морем и холмами, с которой даже «Дакота» не могла бы взлететь, и используется она, главным образом, сельскохозяйственными аэропланами, обслуживающими банановые плантации на склонах холмов.

Я ждал, любуясь лозунгом, пока служащий в хижине звонил различным миллионерам, работающим в этих местах на такси. В этот момент один из пилотов с самолетов-опылителей подошел и хлопнул меня по спине. Он, видимо, только что закончил смену — они летают в ранние утренние часы, пока солнце не расшевелит воздушные потоки, поднимающиеся со склонов холмов.

- Что делаете в джунглях, начальник, со своим двухмоторным чудом, экскурсия по трущобам?
 - Клиент в Зеленом Парке, я надеюсь.
 - Кинокомпания?

Я удивился:

- Еще одни съемки?

 Конечно. Как вы читаете вашу «Дэйли Глинер»? Наш родной Голливуд, как всегда, на посту.

Он в общем-то был прав. Они постоянно снимают здесь на берегу какую-нибудь эпопею. Лучшее место для киносъемок: солнце, пальмы, холмы, пляжи — и через дорогу полдюжины роскошных отелей. То здесь была таинственная Африка, то остров в Тихом океане, а раз-другой они как-то забыли, где находятся, и сняли пару фильмов о Ямайке, но за это когонибудь там наверняка уволили.

- И где мы сегодня? спросил я.
- Кажется, в верховьях Амазонки. Во всяком случае, в Южной Америке вместо Конго для разнообразия, он вытер ладонью пот со лба, оставив на нем полоску машинного масла. Так когда вы переключитесь со своего аэротакси на настоящую работу с нами?
 - Завтра, если меня прижмут с оплатой за горючее.

— Тогда — до утра. Встречаемся в пять.

— Лучше в девять, я старею.

Он ухмыльнулся.

— Привыкнете. Проблема только в том, чтобы всю вечернюю вынивку пропустить за обедом. Считайте, что вы назначены в утренний патруль, — вам-то это должно быть знакомо после истребителей.

Я медленно произнес:

 Все вокруг стараются мне напомнить, что я водил истребители. Но теперь я пилот «Ласточки»,

Он улыбнулся, снова хлопнул меня по плечу и повернулся к

хижине аэрослужбы.

Мне все это не казалось смешным. Он получал немало, возможно, около семи тысяч фунтов в год, но он их зарабатывал. Я знал, что он уже раз разбился, опыляя посадки с высоты 20 футов и оказавшись в ущелье с отвесной стеной впереди. В среднем они списывали по аэроплану в год.

Может быть, я действительно начинал стареть.

Я попал в Зеленый Парк сразу после одиннадцати и сэкономил пару минут, пройдя через автомобильную стоянку прямо к дверям апартаментов «С». Комнаты внаем и номера «люкс» размещались в четырех зданиях, два на берегу и два повыше, выглядевших странно похожими на английские пригородные дома, перенесенные на несколько тысяч миль и слегка

переросшие под тропическим солнцем.

Я нажал на звонок. Никакого ответа. Еще раз — то же самое. Ну что ж, я и правда пришел несколькими минутами позже, но по здеценим понятиям это было даже рано. Но, может быть, Дж.Б. Пенроуз еще полностью не акклиматизировался, — может быть, он все еще считал, что одиннадцать часов — это одиннадцать часов, а в 11.02 он должен вылететь в Нью-Йорк для приобретения площади Рокфеллера. Черт! Я начинал жалеть о потерянном времени и нескольких галлонов горючего. Как последнее средство, я подергал дверь, и она открылась. Я поразмышлял и решил, что, по меньшей мере, могу выяснить, убрался Дж.Б. Пенроуз отсюда или нет. Я вошел в коридор и дальше в гостиную.

Внутри вы тут же забывали обанглийских пригородах. Большая прохладная комната выходила дверью и сплошной стеклянной стеной на огороженный дворик, патио, за которым виднелось море и сверкающий на солнце пляж. Почти все тут было белого цвета: стены, кофейный столик, шкафы, большой стол в центре и четыре настольные лампы. Очень приятная комната — с единственным недостатком: в ней не было никого,

кроме маленькой ящерицы.

Она держалась на стене согласно своей собственной теории антигравитации, склонив голову набок и уставясь на меня блестящими подозрительными глазами. Я кивнул ей, подошел к открытым дверям и выглянул наружу: куча шезлонгов, металлических и из пластика, и ничего больше. Несколько человек плавали у берега, а пара легких лодок с яркими парусами пробиралась между каменными волнорезами. Но все тихо и пристойно, клиенты Зеленого Парка не хохочут во все горло.

Я вернулся в комнату. Ящерица, повернув голову, продол-

жала наблюдать за мной, я спросил:

— Вы не знакомы случайно с Дж.Б. Пенроузом, который предположительно здесь остановился? — она не сводила с меня глаз. — Или, может быть, вы и есть Дж.Б. Пенроуз?

Это решило дело. Ящерица махнула хвостом и исчезла за висящей над столом картиной: туземцы не любят, когда их принимают за туристов. Я пожал плечами и пошел к двери в спальню, но передумал и решил проверить содержимое буфета.

Оказалось, что это был шаг в нужном направлении. Внутри я обнаружил три почти полных бутылки джина, белый «Чинзано», виски «Канадский клуб», несколько чистых стаканов и два тома американского справочника по составлению контрактов, в кожаных переплетах. Пенроуз, может быть, и оставил бы бутылки — судя по количеству выпитого, он не был серьезным потребителем спиртного, но если стоило тащить в такую даль справочники, то, наверное, имело смысл захватить их с собой назад. В 11.10 утра это было неплохое для меня дедуктивное рассуждение.

Я обнаружил, что, занимаясь дедуктивными по троениями, нечаянно налил себе стакан неразбавленного «Канадского клуба», что в 11.10 было не так уж хорошо. Впрочем, не оставалось иного выхода, как выпить, и я уже подносил стакан ко рту,

когда чей-то голос произнес:

 Кто, черт возьми, вы такой, и что, черт возьми, вы здесь делаете?

Она стояла в стеклянных дверях, на ней был простой чернобелый купальник, с которого капала вода, на глазах — большие солнечные очки, а в руке — пузатый черный саквояж.

Я сказал:

— Я — Кэйт Карр. В ожидании мистера Дж.Б. Пенроуза пользуюсь его гостеприимством, которым он, конечно, щедро одарил бы меня, если бы не забыл, что должен быть здесь.

Она вошла в комнату, швырнула саквояж на кушетку и

сказала:

- Вы опоздали, Карр.

Я стоял и, слегка открыв рот, смотрел на нее. Она была среднего роста, чуть худощава, грудь отнюдь не плоская, но и не из тех, что страхуют на миллион и выше. Длинные прямые волосы, завязанные сзади тщательно-небрежным узлом, когда-то, может быть, и отдавали мышиным цветом, но под воздействием тропического солнца переливались теперь всеми оттенками от каштанового до платиново-белого. Ее длинные, чуть тонковатые ноги были в песке, и по ним струйками стекала вода. Мне почему-то нравятся женские ноги, покрытые песком. У психиатров есть, наверное, длинное определение для этого случая. Я предпочитаю свое, короткое.

Я медленно произнес:

— Я опоздал? А что случилось с пресловутым Дж.Б. Пенроузом?

— Пенроуз — это я. Большинство знакомых зовут меня Дж.Б. Вы можете называть меня мисс Пенроуз. Я ждала до пяти минут двенадцатого, потом пошла купаться, — она прошла в спальню, и я наконец-то смог попробовать виски.

Она вернулась через несколько минут, без очков, растирая

себя тут и там маленьким мохнатым полотенцем.

— Не рановато ли для пилота вы начинаете пить?

Я кивнул.

 Когда вы наймете меня, это может вам послужить разумным основанием для жалобы.

Она посмотрела на меня задумчиво. При снятых очках у нее оказалось резко очерченное лицо с маленьким острым подбородком, тонким носиком, большим ртом и быстрыми голубыми глазами.

Подвижное лицо — из тех, что составаясь собой, мгновенно меняют настороженную мину на ослепительную улыбку, и каждое выражение не выглядит неуместным.

 Олл райт, — она слегка наклонила голову, — мне «Чинзано» со льдом. Лед должен быть в колодильнике на кухне.

Я отправился в холл, нашел кухню, холодильник и лед, прихватил последний с собой и, возвратившись, прикончил свою выпивку, так как чувствовал, что мне потребуется в крови что-нибудь кроме крови. Она сидела рядом с саквояжем на кушетке, рассеянно вытирая себя полотенцем и изучая листок бумаги. Я налил один стакан, себе второй и передал ей выпивку. Затем вытащил трубку и сел за стол.

Немного спустя она сказала:

— Говорят, будто вы — лучший на острове вольнонаемный пилот двухмоторных самолетов, так? Мне понравились ее слова: «на острове», — она быстро выучила местную фразеологию.

Поскольку другого нет, то я, наверное, лучший.

— Гм, — она протянула мне лист бумаги, — это правильная

раскладка ваших расходов?

Оказалось — да. Даже данные по страховке и уценке были верны, а это означало, что ей известно, сколько я заплатил за «Ласточку» при покупке. Впрочем, это не было большим секретом в окрестностях аэропорта «Палисадос».

— В общем, да, — признал я.

— Хорошо. Работали раньше для кино?

— Я перевозил кое-кого из киношников. Летом здесь полно этого народу. Они расплачиваются на месте, но всегда не той валютой, что надо.

Это не подняло меня в ее глазах. Она холодно произнесла:

— Я имею в виду настоящую работу в кино. Нам, возможно, потребуется, чтобы вы водили самолет с киносъемочной аппаратурой.

Я нахмурился, выдохнул случайную струйку дыма, сумев-

шую забраться из трубки мне в рот, и сказал:

— Давайте начнем сначала. Кто это — мы?

Она воззрилась на меня.

Бог мой, я думала, это-то вам известно.

— Я веду уединенную жизнь, мисс Пенроуз. Начиите, пожалуйста, сначала.

— Ладно. Слышали вы об Уолте Уитморе?

О нем я, по крайней мере, слышал. Уолт Уитмор был слегка моложе поколения Джона Вэйна и Гарри Купера, но начинал он в Голливуде, когда лошадь была половиной актера. И он удержался в седле, когда большинство ветеранов уже спешились для разыгрывания сцен в спальне и профессионально вышли в тираж, не успев сменить там простыни. Критики давали ему клички от«Уитмор-всегда-наодно-лицо» до «Блеф с гарантией», но в течение последних тридцати лет регулярно дважды в год отмечали его в обзорах. В стране, где политических деятелей избирают за то, что они хорошо смотрятся в седле, человек, вся профессия которого состоит в том, чтобы хорошо в нем держаться, проиграть не может.

Я кивнул.

- Знаю, кого вы имеете в виду.

— У него теперь своя компания. Он снимает фильмы на собственные деньги, вычитая полагающийся для него гонорар за исполнение главной роли из доходов от проката. Снимаемый

в настоящее время фильм называется «Боливар Смит». Может, слышали?

— Нет, но не рассказывайте, пожалуйста. Я попробую догадаться. Он — американец-наемник в стране, называемой, скажем, «Амазония». Бандиты из охраны местного диктатора помыкают им, он увлекается благородной девушкой-крестьянкой, возглавляет там восстание, отказывается от платы за...

— Олл райт! — по выражению ее лица я понял, что угадал. Она прорычала: — Вы далеко пойдете в киноделе. Нам, может быть, не удастся пристроить вас третьим помощником маль-

чишки-клаппера, но как критику вам нет равных.

— Мисс Пенроуз, — я развел руками, — не поймите меня неверно. Мне нравится Уолт Уитмор. Просто я видел его в одной и той же картине в Мехико, Техасе и Нью-Орлеане. Но я все равно заплачу за билет, чтобы еще раз посмотреть его в том же сюжете в Амазонии.

Она глядела на меня, и по лицу ее пробегала вся гамма масок немого кино: подозрение, недоверие, отвращение, удивление, одобрение, радость и еще какие-то, не поддающиеся определению.

— Олл райт, — сказала она, помолчала, — беру назад

кличку «критик».

- Вы еще не сказали мне, где тут ваше место, напомнил я ей. Я как-то не вижу вас не девицей из Амазонии, таскающей ему в темницу плоды манго, ни неукротимой деревенской танцовщицей...
- Я не актриса! на этот раз в выражении ее лица сомневаться не приходилось: негодование. Я адвокат Уитмора. Я заключаю контракты для его компании. Если вы смолкнете на десять секунд, я, может быть, даже заключу один и с вами.

Я смолк, если не считать трубки, издававшей странные звуки, как от работающего насоса. Немного погодя она сказала:

— Вы согласны с этими цифрами?

Я кивнул.

— О'кэй. Я уполномочена предложить вам двадцать долларов в день на следующие четыре недели с обязанностью быть в нашем распоряжении с уведомлением за сутки. В дни, когда будете летать, — для нас, разумеется, — получите десять долларов за летный час с гарантией минимум двадцать долларов в день плюс мы оплачиваем расходы по тем цифрам. Согласны?

— Подождите, — я ждал, когда заработает заржавевший механизм моего мозга и разберется с конвертированием валюты. Когда мне удалось справиться с расчетами, перспектива по-прежнему выглядела неплохо: 7 фунтов в день просто так и

минимум 7 фунтов плюс расходы по обслуживанию в дни полетов. Тут я кое-что вспомнил.

- Вы говорили о самолете с кинооборудованием. А как в этом случае?
 - То же самое, но без оплаты текущих расходов.
- Нет, я покачал головой, прошу оплатить половину издержек: «Ласточка» стоит мне денег, даже когда она сидит на аэродроме и я на ней не летаю. И о каком типе самолета идет речь?
 - У нас его еще нет.
- Так. Тогда мы обсудим эту сторону дела, когда вы им обзаведетесь.

Ее большой рот расплылся в широкую улыбку, слегка кривившуюся в уголках рта.

— Боитесь, что он окажется вам не по зубам.

— Мисс Пенроуз, я мало что знаю о кинобизнесе, но немного знаком с аэросъемками. В большинстве случаев это делается профессиональными фирмами, которые или имеют самолеты, или сами их нанимают. Вы ищете вариант подешевле, нанимая пилота и самолет по отдельности. Вам может попасться чересчур дешевый самолет — в этих местах таких полно. Я соглашусь летать на нем, когда с ним познакомлюсь.

Она поглядела на меня, затем кивнула и порылась в пачке

бумаг на кушетке.

— О'кэй, тогда подпишите это.

«Этим» оказался типографски отпечатанный контракт на семи листах, где по большей части излагалось, за что я не имею права привлекать к суду кинокомпанию. В пустых местах были впечатаны на машинке моя фамилня, национальность, цифры ежедневной оплаты и компенсации расходов. Я прикинул, что за бумаги у нее остались. Вероятно, другие варианты того же договора с более высокой оплатой на тот случай, если я вздумаю торговаться. Возможно, я вел себя не блестяще, но я все равно подписал, так как в разгаре летнего затишья я еще месяц, не меньше, ничего похожего не заработаю.

Она встала и деловито бросила:

 Так. А теперь поедем на съемки, чтобы Хозяин подписал ваш экземпляр договора.

У меня, наверное, был озадаченный вид, потому что она пояснила:

— Уолт подписывает каждый документ компании. И все зовут его Козяином, а почему — не знаю. Так же, надо полагать, как Зжона Вэйна называли «Герцогом».

— А валони зовут Дж.Б.

— Мисс Пенроуз!

Я сморщился.

— Пару дней назад мне предложили работу за 750 долларов в неделю. Если бы я согласился, мог бы я называть вас хотя бы Дж.?

Она вздрогнула.

Вам действительно столько предложили и вы отказались?
 Тут был замещан вопрос морали. Меня они зовут «Мирный.

Kapp».

Она разглядывала меня немного дольше, чем заслуживала шутка, затем сказала:

— Не захватите ли вы с собой мой саквояж?

Я захватил с собой ее саквояж.

8

Она нацепила солнечные очки, надела пару черных сандалий, накинула на плечи белый махровый жакет и повела меня к красного цвета стратегической ракете, оказавшейся вблизи «студебеккером аванти».

Возможно, она решила, что мало считалась с моим мужским достоинством, потому что предложила мне вести машину. Я

бросил взгляд на переднюю панель и потряс головой.

— Нет — вы. У меня нет диплома космонавта.

Она повернула машину вдоль берега на восток. Проехав не больше мили, мы ухитрились дважды вылететь на обочину и только чуть-чуть не достигли звукового барьера. Как раз там, где дорога делала поворот направо, огибая реку Белую (на мгновение мне показалось, что мы не последуем ее примеру),

она затормозила и остановилась.

Сразу после моста река разливается и лениво ведет свой путь по мелководью мимо плоских берегов, покрытых пропитанными водой рощами кокосовых пальм. Прямо на берегу у края рощи расположилась разношерстная коллекция джипов, открытых грузовиков и фургонов, водители которых сидели в тени, дремали или пили «Рэд страйп». Мы пристроились рядом и вылезли из машины, хотя после такой поездки мои колени предпочли бы тихонько посидеть минут пять.

Там, где начинались деревья, стоял электрогенератор на колесах и тихонько мурлыкал про себя. Мы пошли вдоль кабе-

лей, тянувшихся от него в рощу.

Для начала нам попалась по пути небольшая свалка из рельсов, барабанов с намотанными на них кабелями в резиновых чехлах и рулонов брезента. С полдюжины человек, сидя на рулонах, играли в карты, обмениваясь короткими репликами, малопонятными постороннему уху, но обычными среди людей, проводящих много времени в игре друг с другом. Далее на складных креслах расположилась другая небольшая группа: кто читал, кто спал, несколько человек тихо разговаривали между собой, двое из них кивнули Дж.Б. Еще дальше, за столом, уставленным электроаппаратурой, сидел человек в наушниках, крутил какие-то ручки и монотонно ругался про себя. Он даже нас не заметил, когда мы прошли мимо и неожиданно оказались в святая святых.

В таких же складных креслах расположилась еще одна кучка людей постарше и занимавших в креслах побольше места, чем первая группа. Прожекторы на высоких ногах обливали светом лежащие впереди пляж и реку. Я как-то не думал, что летним днем на Ямайке кому-либо могут потребоваться осветительные установки, но, видимо, для этого были какие-то причины.

Кинокамеру я узнал не сразу. Она была установлена на тележке, двигавшейся параллельно берегу по рельсам, положенным на настил из планок. Несколько человек возились около нее, все остальное пространство на тележке было занято игроками в карты. Я спросил:

 Вы уверены, что вам нужен именно я? Я ведь в карты не очень...

Дж.Б. бросила на меня гневный взгляд и повернулась к ближайшему креслу.

— Где Хозяин?

Человек в кресле был еще молод, с прямыми светлыми волосами и бледной улыбкой. Он махнул рукой в сторону реки.

- Там, на другом берегу. Они как раз готовятся снимать сцену «штурм реки под огнем», он вернулся к сценарию, лежащему на коленях. Что станут кричать испанцы, переправляясь под огнем через реку?
 - Каррамба, предложил я.
 Он мрачно поглядел на меня.

— Это вам не телевидение, понятно?

Человек рядом со мной потянулся в кресле и сказал:

— А как насчет: «Тридцать пять монет в день мало, если, чтобы их заработать, я должен пять раз на дню шлепаться задницей в эту чертову реку»?

Молодой человек кисло заметил:

— И как это прозвучит по-испански?

 Чрезвычайно вдохновляюще, но довольно длинно, его сосед поднял голову и одарил меня обаятельной, хотя и несколько тренированной улыбкой. Я узнал его: такой тип испанского любовника с псевдоиспанским именем вроде Луис Монтекристо или Монтего... да, Монтеррей, Луис Монтеррей. Сразу после войны он снимался в главных ролях в фильмах вроде «Карнавал в Рио». С годами его худое, словно высеченное нз камня лицо слегка обвисло, а в аккуратных черных усиках проблескивали серые искры. Последнее время он играл в фильмах Уитмора главаря бандитов или надменных аристократов.

На этот раз на нем была пышная голубая шелковая рубашка с разорванным рукавом и грязные бриджи. Грудь наискосок

пересекал патронташ.

Кто-то около камеры крикнул:

— Где диалог?

Молодой человек с надеждой в голосе воскликнул:

—Viva el liberador!* — что было встречено ледяным мол-

Голос произнес:

— Придумаем что-нибудь позже и сделаем вставку. Начинаем. Луис!

Луис отозвался: «Здесь» — и не двинулся с места. Никто другой тоже. Еще один голос прокричал:

- Билл говорит, что в микрофоны попадает шум ветра.
- Никакого ветра нет. Начинаем!
- Нужно надеть на камеру экран под тем деревом слишком много света.
 - Так наденьте. Начинаем!
 - С экраном придется делать выдержку не меньше 5/6.
 - О'кэй. Начинаем!
 - Билл говорит, что может быть шум текущей воды.

— Если он, черт побери, высунет нос из-за дерева, то увидит, что мы снимаем, черт побери, реку! Начинаем!

Луис неожиданно надел широкополую шляпу и спустился к берегу. Игроки в карты соскочили с тележки. Стало очень тихо.

Два голоса крикнули:

- Тихо!

Тележка с камерой пришла в движение, подталкиваемая игроками в карты. Дюжина людей, размахивая руками, вбежала в воду с другого берега. Всплески воды вокруг них сопровождались треском ружейных выстрелов. Кто-то упал, остальные перебрались через реку и бросились под прикрытие ближай-

^{*} Viva el liberador!(исп.) — Да здраветвует оесободитель!

ших пальм. Тележка с камерой, докатившись до места, где рельсы обрывались, остановилась.

Несмотря на то, что источником всплесков и выстрелов служила какая-то разновидность дистанционно-управляемого водозащитного фейерверка, естественность их звучания заставила меня вздрогнуть.

Раздались еще голоса, прожекторы погасли, застреленные солдаты выбрались на берег и отряхнулись, как вымокшие собаки. Игроки снова облепили тележку. Река текла также тихо и мирно, как и раньше.

Дж.Б. сказала:

— Выглядело хорошо. Наверное, они не станут повторять. Давайте подойдем к Хозяину, пока подготавливают следующую сцену.

Я пошел следом за ней к камере.

Перепутать Уитмора с кем-либо другим было невозможно. Вы просто глупо удивлялись тому, как он похож на себя, — наверное, из-за того, что слышали слишком много рассказов о пятифутовых голливудских звездах, лихо возвышающихся в седлах. Только не Уитмор: в ботинках на низком каблуке он был не меньше 6 футов 4 дюймов ростом, с грудью — как банкетный стол, и кожей, напоминающей по цвету и фактуре лошадиную шкуру. Глаза его действительно казались постоянно прищуренными от солнца, рот — сложившимся в неизменную мрачно-юмористическую усмешку, и только одной мощью голоса он, похоже, и вправду мог спугнуть тысячеголовое стадо на Чизхолмском перевале. Казалось как-то, что все это должно исчезать при выключении юпитеров.

Однако, почему? Он ходил, разговаривал и выглядел так уже более тридцати лет и сделал на этом несколько миллионов долларов. Даже если сначала он был иным, то сейчас такой его вид был не более фальшивым, чем у банковского клерка, который выглядит, как банковский клерк после многих лет работы

в банке.

Дж.Б. искоса глядела на меня, забавляясь.

 Впечатляет? — тихо спросила она. — Первый раз я чувствовала то же самое.

Он и Эйфелева башня.

Уитмор разговаривал с человеком, который кричал: «Начинаем», — очевидно, директором фильма. Последний выглядел лет на пятьдесят, крепкий с седыми волосами и усами, — на вид английский полковник с основательными связями на черном рынке.

При виде Дж.Б. они замолчали, и Уитмор сказал:

— Привет. Что нового в суде?

— Я заполучила вам парня для полетов. Все подписано.

Он посмотрел на меня и протянул огромную руку с короткими пальцами.

— Привет, дружище.

Мы обменялись рукопожатием. Дж.Б. передала ему договор, и он стал его изучать. На нем была тонкая защитная куртка, рабочие брюки цвета хаки, заправленные в военные ботинки с высокой шнуровкой, плетеный пояс с армейской кобурой и белая мятая шляпа с лентой из змеиной кожи.

Движением, известным мне так же хорошо, как и ему, он склонил голову набок.

— Воевали в Корее, да?

И здесь то же самое!

- Да, мистер Уитмор.
- Сколько там сбили?
- Троих.
- А сколько делали попыток?

- Три.

Он разразился громовым смехом.

— Это по мне! У кого есть авторучка? — он потянулся и тронул пальцем верхний край купальника Дж.Б. — Найдется там что-нибудь? Пожалуй, нет.

Вокруг рассмеялись. Она ухмыльнулась коротко и весело, нисколько не смутившись. У него это выглядело как мальчишеское дурачество.

Уитмор повысил голос.

 Я держу трех писателей и не могу найти, черт побери, ни одной авторучки!

Директор протянул ему свою.

Он собирался подписать, но в этот момент сзади подошел Луис, хлопая мокрыми ботинками и брезгливо оттягивая от ног влажные брюки. Он увидел контракт, перевел взгляд на меня и грустно произнес:

— Советую, друг, не подписывать никаких бумаг вместе с Хозяином. В итоге вы только промочите ноги, — затем добавил, обращаясь к Уитмору: — Он подданный Великобритании, полагаю?

Уитмор бросил на меня острый взгляд.

- А правда, вы гражданин Великобритании?

— Да, — ответил я озадаченно.

Он подписал бумагу быстрым царапающим росчерком и вернул ручку директору. Тот грустно осмотрел ее и сунул в карман. Уитмор протянул контракт Дж.Б.

— Объясните, милочка, ему насчет Идди, — и ко мне: — Поболтайтесь, дружище, тут до кормежки. Тогда поговорим.

Он повернулся и пошел прочь своей знаменитой качающей ся походкой, переговариваясь с находящимися в отдалении оборванного вида актерами голосом, от которого приходили в движение кроны пальм.

Дж.Б. задумчиво разглядывала меня.

- Думаю, вас приняли в клуб. Хозяину понравилось насчет Кореи, — похоже было, что эта мысль не очень скрасила ей день. Я сказал:
 - Ради бога, это было двенадцать лет назад.
- Хозяин тоже не вчера родился. Пойдемте, поищем чегокибудь выпить. После следующей сцены они, наверное, прервутся на ленч.

Мы вернулись через рощу к автостоянке у моста.

К этому времени несколько водителей с помощниками начали устанавливать длинные столы на козлах и раскрывать складные стулья — но отнюдь не так, как будто они боялись, что раньше наступит конец света. Дж. Б. подошла к одному из фургонов, выудила оттуда термос размером с хорошую корзину и извлекла из него пару банок американского пива. Я проткнул их карманным штопором, и мы сели в тени машины.

Я спросил:

— Что это за Идди?

— План Идди — основные условия, при которых фильм считается британской продукцией. Первое, — она подняла палец, — кинокомпания, выпускающая фильм, должна быть английской. Второе. 80 процентов бюджета, фонда зарплаты должно доставаться британским гражданам. Третье. Студийные съемки должны производиться на Британских островах или в Ирландии. При выполнении этих условий вы квалифицируетесь для Идди.

— Что означает?...

— Такую вполне легальную штуку. Устанавливается налог на продажу билетов в пределах Великобритании, и продюсеру дополнительно выплачивается определенный процент от доходов с фильма. В настоящее время — до сорока процентов.

Я закрыл глаза и посоображал.

— Вы имеете в виду, что, если он, скажем, снимает с фильма сто тысяч, то ему выплачивают еще сорок тысяч? Двести тысяч — и он получает восемьдесят?

- Верно.

Я восхищенно посмотрел на нее.

- Снова пришли хорошие времена, а?

Она обдала меня холодным взглядом.

 Снимать кино давно уже не значит самому печатать деньги, как это, может быть, было до ТВ.

— Понимаю. Не все то золото, что блестит, — кое-что оказывается всего лишь бриллиантом. Но кто такой Идди?

— Думаю, какой-то тип в британском казначействе.

- Он читал свою библию, да? Рука дающего да не... и так далее.
- Вылилось в это. Но первоначально задумывалось как помощь мелким продюсерам.

Я еще поразмышлял.

— Объясните, пожалуйста, как этот фильм вы подгоняете под Идди? Кроме вон их, — я кивнул в сторону расставлявших столы, — место отнюдь не кишит британскими гражданами.

— Но они есть. Обслуживание преимущественно британское: режиссер, операторы, техники по свету и звуку, оформлению и т.д. Сценарий написан в Лондоне. И вам разрешается не принимать во внимание два гонорара при подсчете тех восьмидесяти процентов. Естественно, вы выбираете самые высокие. В нашем случае — роль героини и Луис.

— А Уитмор?

- Он получает не гонорар, а проценты от доходов с фильма. Я кивнул.
- Начинаю постигать стратегию. А чтобы быть британской компанией, специально создали такую в Лондоне?

— В Нассау. Нассау считается как Великобритания.

- Вот почему вы не взяли с собой пилота-американца. Думаю, я для вас действительно находка: если спуститесь ниже восьмидесяти процентов, можете поднять оплату моих услуг и свести баланс.
- Не очень-то надейтесь. Если мы спустимся ниже восьмидесяти процентов, меня в тот же день уволят.
- И для студийных съемок вы действительно переправляете всю команду через Атлантику?

Она покачала головой.

— В такого рода картинах стараются избежать съемок в студии. Сценарий строится в расчете на сцены на природе, и интерьер создается там же. Это вполне возможно при современной чувствительности цветной пленки, а освещение вам так и так приходится брать с собой. Нам нужно снять изнутри нару хижин и гасиенду, то и другое можно устроить в ангаре у посадочной полосы.

Необычно большая зеленая ящерица с голубыми лапами и бронзовым хвостом вынырнула из-за машины, несколь-

ко раз кивнула, икнула и раздула горло в яркий оранжевый мешок.

Дж.Б. нахмурилась.

— Что это она делает? Мне не нравится.

 Брачный зов. Их зовут крокерами. Икните в ответ, и у вас будет новый партнер.

- Еще один партнер по методу Станиславского, да к тому

же в голубых джинсах! Уж без вас-то я обойдусь.

Я решил набить трубку.

- Кстати, я не заметил женского присутствия на съемках.

— Хозяин быстренько снял все сцены с ней и отправил даму домой, в Штаты, чтобы ее физиономия попала в газеты. Они не поладили друг с другом.

Неужто он предпочитает лошадей?

Она пожала плечами.

— Лошади, оружие, собаки, виски, мужчины. Он не против женщин, просто считает, что секс — это как жажда: виски вы берете в баре, а женщину — в борделе. В свободное время он отправляется с друзьями на охоту в горы, и я имею в виду — в горы, — она нахмурилась в банку с пивом. — Не знаю только, какое вам до этого дело.

Я зажег трубку и выдул дым в сторону от нее.

— Но он ведь был женат, да?

- Трижды. Последние брачные оковы я разбила ему несколько месяцев назад. Нельзя сказать, чтобы он так уж их ощущал. Вас что, на самом деле интересуют киносплетни?
 - Он человек, на которого я работаю. Так же, как и вы.
 Она кивнула и задумчиво сказала:
- Не ошибитесь в нем, Карр. Он профессионал. Актер из него так себе, но ему это и не нужно. Он никогда не получал «Оскара», никогда не получит, и ему искренне на него наплевать. Он знает, чем торгует, и не разменивается по мелочам: если бы не кино, он гонял бы лошадей на родео, охотился, бегал по девкам... она перевела дух. Бог мой, я не одобряю сукиного сына, но он мне нравится.

Я тихонько сказал:

— И может быть, достаточно для того, чтобы избавить его ст долгих, унылых вечеров в борделях?

Она повернула голову так резко, что в шее у нее что-то щелкнуло. Глаза засверкали, взгляд стал жестким. Но тут так же неожиданно ее лицо осветила улыбка.

 Может быть, может быть, однажды. Женщины — дуры, они вечно хотят оградить мужчину от мира мужчин. Бесполезное дело. Я не очень беспокоюсь об обручальных кольцах, но, черт побери, никогда не соглашусь на клеймо на спине.

- Приятно это слышать.

Ее голос зазвучал колодом:

— Не раздувайте горло в мою сторону, Карр.

Мы ели вместе со «звездами», то есть мы не стояли в общей очереди, а нас обслуживали. Но еда у всех была одна и та же: цыпленок с бобами и рисом — самое национальное блюдо на Ямайке, если не считать соленой трески. За столом нас было девять человек: Уитмор, Луис, директор, Дж.Б., я и еще четверо.

Уитмор сказал:

— Нам нужно найти кого-нибудь, кто сочинит испанскую часть сценария. Слышали, что этот писатель-недоносок велел только что кричать ребятам? «Viva el liberador!» — надо же придумать, — он бросил взгляд на Луиса. — А вы что скажете?

Луис элегантно пожал плечами.

 Мне это показалось вполне приемлемым. Лица испанской крови, перебирающиеся с оружием и под огнем через реку, часто выкрикивают самые наивные фразы.

Уитмор фыркнул.

— Кто-то нам все равно нужен, — он повернулся ко мне, → вы, дружище, знаете кого-нибудь с испанским?

— Знаю одного. Не могу сказать, захочет ли он.

— Можно попытаться. Скажите Дж.Б.

Я назвал ей имя — Диего Инглез — и номер телефона, по которому его можно было иногда поймать между визитами в чужие постели.

Другой человек из компании за столом, тот, что вроде бы командовал кинооператорами, неожиданно спросил меня:

— Вы когда-либо раньше водили самолет с киноаппаратурой?

Произношение у него было такое английское-английское, что он безусловно входил в состав восьмидесяти процентов.

Я покачал головой.

— Я еще не дал согласия на это дело.

Дж.Б. вставила:

— Его беспокоит, что мы ему предложим.

Главный оператор заметил слегка презрительно:

 Знаете, речь идет и о моей шее. Так что если я не возражаю... — Чудесно, — прервал я его, — если, конечно, ваша шея не хуже моей сумеет распознать сломанный лонжерон.

Уитмор спокойно спросил:

- Какого типа самолет вы бы котели?
- Мне казалось, что лучше всего подойдет вертолет, но я не пилотирую вертолеты.

Дж.Б. сказала:

— Никаких вертолетов. Знаете, во что они обходятся в час? Главный оператор сказал:

Вибрация и качка.

Директор фильма отодвинул тарелку и стал вставлять сигарету в мундштук.

— Можно обойтись без аэросьемок, Уолт.

— Конечно, от любой картины можно оставить один скелет.
Кто пойдет ее смотреть?

Я сказал:

— На посадочной полосе в Боскобеле есть «Гарвард» — «Текас» по-вашему. В прошлом году одна кинокомпания использовала его как японский бомбардировщик.

Главный оператор нетерпеливо перебил:

— Нам не нужны японские бомбардировщики. И с одномоторным самолетом не удастся сделать хороших кадров: придется работать с ручной камерой. Да и невозможно вести съемку вперед-вниз.

Уитмор кивнул, расставил локти на столе и начал чистить

апельсин, резко отрывая ломти кожуры.

- О'кэй, дружище. Так что, по-вашему, нам подойдет?
 Я сказал:
- Если вы хотите снимать вниз и вперед, вам понадобится двухмоторный самолет и прозрачная носовая часть. Моя «Ласточка» не годится. Попытайтесь найти старый бомбардировщик В-25 или В-26, у которого бомбовый прицел находится в носу. Их много и в Центральной, и в Южной Америке.

Уитмор покосился на главного оператора и сказал:

- Звучит неплохо. Сможете отыскать, Дж.Б.?

— Могу попробовать.

— Отлично, отлично, — он съел дольку апельсина. — Черт, мы могли бы включить его в сценарий! Например, там, где правительство посылает верховой патруль, они могли бы послать бомбардировщик. Это когда мы поднимаемся по реке. У меня «Браунинг» или «Томпсон», я стою по колено в этих чертовых потоках и расстреливаю вдребезги чертов бомбардировщик. Может получиться грандиозная сцена.

За столом стало очень тихо. Директор медленно поднес руки к голове и что-то забормотал. Но для Уитмора это и правда была бы грандиозная сцена: он — по колено в бурлящей пене

- шлет вызов небу с ручным пулеметом.

Что касается технической стороны, то бомбардировщик, делающий 200 миль в час, будет в одно мгновение в ста ярдах впереди, а через пару секунд уже в ста ярдах сзади. Может быть, поэтому так мало бомбардировщиков было сбито с помощью автоматических винтовок «Браунинг» и пулеметов «Томпсон».

И тем не менее сцена получилась бы грандиозная — каждый за столом понимал это.

Луис сказал:

- Я, кажется, вижу, где все мы опять промочим ноги.

Уитмор проглотил еще одну дольку.

— Отлично. Расскажите парням, занятым диалогом, что нам нужно, — он повернулся ко мне. — Еще одна проблема: мы ищем место для съемок. Здесь мы отснимем джунгли, реку, лачуги, но для пары сцен нам надо подлинную испанскую архитектуру. Вроде тех больших церквей в Мехико, знаете?

Не менее десяти раз я видел, как он привязывает коня у такой церкви. Это приклеивало к фирме ярлык «Возрождение Испании» быстрее, чем если сказать те же слова вслух.

Оператор сказал:

— Пуэрто-Рико. Я снимал в тех краях документальную ленту. Так полно...

Дж.Б. вмешалась:

— Никакого Пуэрто-Рико. Мы попадаем в сферу действия американского трудового законодательства, бюджет вылетит в трубу и шиш вместо Идди,

Директор предложил:

— Уолт, мы можем пригласить сюда Родди, и он за неделю построит то, что надо.

Дж.Б. возразила:

- Родди стоит денег, и это еще одна зарплата американцу.
- Дадите вы сказать человеку, заорал Уитмор. Все затихли, и он кивнул мне. Вы из этих мест, дружище, послушаем вас.
- На Ямайке ничего похожего: мы слишком долго были англичанами, я закрыл глаза, представил себе карту Карибского бассейна и начал по ней путешествовать. Ближе всего Куба, но... Мехико в семистах милях. Ближайшая точка Южной Америки в пятистах милях. Гаити рядом, но кто когда-либо слышал о какой-либо работе, сделанной на Гаити?

Директор сказал:

— Позовем Родди.

— Есть еще Республика Либра.

Уитмор и Луис обменялись взглядом. Луис еще раз изящно повел плечами.

- Можно съездить на уик-энд.

- Ага, Уитмор посмотрел на главного оператора. Вы ведь хотели провести профилактику на камере, да? Объявим выходной на субботу и воскресенье, и наш друг свозит нас в Республику. Всего нас будет, он посчитал пальцем себя, директора, Луиса, изысканно одетого молодого человека, не произнесшего пока ни одного слова, и Дж.Б., шестеро. Позаботьтесь об отеле, Дж.Б., ладно?
 - Стойте, сказал я. Все обернулись ко мне.
- В Республике не очень спокойно. Не знаю, как они сейчас реагируют на приезжих: может быть, стараются держать их подальше, а может быть, наоборот, рады им, чтобы показать миру, как у них все тихо и нормально. Я просто не знаю.

Луис мягко заметил:

- Можно выяснить.
- Да. Но в моем лице вы имеете еще одну проблему. Они там, похоже, настроены против меня решили, что я помогаю повстанцам. Пара их истребителей на днях пыталась меня попугать. Так что, как бы ни встретили вас в Бартоломео, мне там могут быть не очень рады.
 - Не хотите туда лететь? прямо спросил Уитмор.
 - Не совсем так...

Может быть, поехать как раз стоило: появлялся шанс доказать свою лояльность властям Республики, предложив компанию Уитмора как источник солидных прибылей. Возможно, удастся вернуть Республику на мою карту. В чем, в чем, а в этом я очень нуждался.

 Не совсем так, — сказал я снова, — просто они могут решить, что я вношу дурной тон в вашу компанию.

— Думаю, они не запрячут меня в тюрьму, — сказал Уитмор, и лицо его стянулось в слегка кривоватую улыбку. Я знал это выражение: оно появлялось на его лице всякий раз, когда небритый тип у дальнего конца стойки бара объявлял, что не выносит, когда в заведении разит законом. — Держитесь, дружище, рядом, и все будет в порядке.

Поймав мой взгляд, директор глубоко и устало вздохнул. Он тоже знал это выражение — и следовавшую за ним сцену: драка

в салуне.

В кинокомпаниях, похоже, не возражали против того, чтобы вставать в часы опыления плантаций, так что в семь утра в воскресенье они уже ждали меня на взлетной полосе в Боскобеле. Одеты гости были разнообразно. Дж.Б. в накрахмаленном хлопчатобумажном костюме в бело-голубую полоску и темно-синей блузке. Луис в синем шелковом костюме с желтым шарфом на шее. Уитмор, выглядевший как охотник за крупным зверем, в бежевых пляжных брюках, рубашке армейского покроя и той же широкополой шляпе, в которой он вчера участвовал в съемках. Директор сохранял вид англичанина в рубашке с открытым воротом и твидовом жилете. А вчерашний молодой человек, оказавшийся режиссером, выглядел очень по-режиссерски в пиджаке в талию из крокодиловой кожи, плотно облегающих брюках и высоких ботинках.

Я усадил пассажиров на места, погрузил багаж, и в 7.30 мы взлетели. Меня немного беспокоило одно обстоятельство: надобыло объявить о нашем прибытии так, чтобы не дать при этом Неду возможности приветствовать нас ревом реактивных двитателей или чем-нибудь похуже. Я, конечно, мог просто появиться над их аэродромом — сделать это было не трудно, но тогда я дал бы повод для законных претензий: по правилам полагается заранее предупреждать о своем маршруте. В конце концов я просто послал вечером телеграмму, в которой указал, что прибуду около полудня, имея на борту несколько крупных американских бизнесменов, повторяю, крупных. Обычно сообщение о маршруте содержит одновременно и больше и меньше сведений, но я всегда мог сослаться на ошибки при передаче телеграммы.

Большую часть пути Уитмор провел рядом со мной, втиснувшись в кресло второго пилота и поднося к глазам огромный бинокль каждый раз, когда было на что посмотреть внизу. Я сообщил по радио предполагаемое время прибытия, только когда мы уже были над побережьем, за десять минут до посадки. Если Нед сумеет за это время, да еще в воскресенье, поднять в воздух пару «Вампиров», значит, он вкалывает даже больше, чем говорил.

Когда я повернул к северу, огибая город, слева появился темный крест пересекающихся бетонных взлетно-посадочных полос.

Уитмор заглянул через мое плечо.

— Это аэродром?

— Военно-воздушная база. Гражданский аэропорт — на другой стороне города, к востоку.

— Да? — он уставился в бинокль. — Что у них там?

— Эскадрилья истребителей «Вампир», два-три ДС-3 для грузовых перевозок, несколько легких тренировочных самолетов и обычные винтовые истребители, ржавеющие из-за отсутствия отдельных частей.

— Ага, я вижу истребители. Все выстроены в линию.

Я и сам видел их на пределе видимости — линия сверкающих серебряных точек. Я попытался их сосчитать, чтобы убедиться в том, что все они сидят на земле, но точки сливались друг с другом.

Уитмор предложил:

— Подлетим поближе.

Мне показалось, что он слегка переигрывает роль «мальчика-первый-раз-увидевшего-поезд».

 Нет. Здесь очень болезненно реагируют, когда посторонние заглядывают к ним через забор.

Я уже оставил город позади.

— Делаю правый поворот, — предупредил я его.

Неожиданно какая-то тень на мгновение накрыла кабину, и самолет тряхнуло, когда мы попали в горячую выхлопную струю реактивных двигателей, и тут же мы увидели «Вампир», набирающий высоту, выходя из пикирования.

Я машинально резко дернул штурвал, наводя нос «Ласточки» на цель. Если бы передо мной был прицел и пусковая кнопка на штурвале... Но их не было. У меня свело зубы от бессильного гнева. Черт вас побери! Никто не посмеет сделать это со мной!

Дверца сзади открылась, и режиссер спросил:

— В чем дело?

— Нас тряхнуло. Скажите, чтобы все застегнули ремни.

Он стоял в нерешительности, и Уитмор хладнокровно добавил:

— Закройте дверь, дружище.

Дверь захлопнулась. Я взглянул на него. Он затягивал свой привязной ремень. Заметив мой взгляд, Уитмор легонько улыбнулся.

— Вы здесь босс, дружище.

Мы были всего в 2000 футов над землей. Слева, тысячей футов выше, «Вампир» выходил после подъема в горизонтальный полет, заходя сзади нас для следующей атаки.

Нед тогда сказал: «В следующий раз мне могут приказать

стрелять».

И вот наступил следующий раз... Но этот «Вампир» вел не Нед. Его инстинкт летчика-истребителя не позволил бы ему разворачиваться прямо перед носом «Ласточки», даже если он и знал, что у меня нет оружия. Я потянул на себя рычаг управления дроссельной тягой и направил нос «Ласточки» вниз. «Вампир» это заметил и повернул вниз чуть раньше и круче, чем следовало. Нет, это был не Нед.

Я резко свернул влево — к нему и под него, вынуждая «Вампир» к еще более крутому повороту, если он котел выйти на линию огня. Но для такого спуска он шел слишком быстро. При попытке выполнить маневр крылья «Вампира» встали вертикально, но он тут же выровнялся и отвернул прочь, чтобы начать все сначала.

— Промахнулся, ублюдок, — Уитмор повернулся, следя за «Вампиром». — Думаете, он намеревался стрелять?

Думаю держаться подальше от его прицела.

Только ли об этом я думал?

Мы находились уже ниже 1500 футов, и все еще снижались по широкой спирали. Но «Вампир» уже кое-чему научился. Он занял позицию выше и, насколько я мог судить, значительно снизил скорость. Он шел по большому кругу вне нашей спирали, выжидая.

Не спуская глаз с «Вампира», я положил правую руку на

рычаг управления флетнерами.

— Возьмитесь за эту ручку, — велел я Уитмору. — Когда я скомандую: «Флетнеры!» — переведите ее до упора вниз, но не раньше. Не тренируйтесь.

Я почувствовал, как его большая лапа отпихнула мою руку.

Он хладнокровно сказал:

— Готов.

Я подождал, чтобы выйти в позицию, где солнце не будет ослеплять ни меня, ни «Вампира», в течение нескольких секунд повел спуск круче, затем выровнялся, как будто увидел место приземления и решил направиться прямо туда.

Ну же, ублюдок. Иди и попробуй клюнуть меня.

Он клюнул. Сделав разворот, «Вампир» стал снижаться по классической «кривой преследования», чтобы сесть мне на хвост.

Я снова повернул к нему и на него, но теперь он этого ожидал. Скорость его была достаточно мала, чтобы среагировать на мой маневр. «Вампир» повел спуск круче, легко удерживаясь за мной и гладко выходя на позицию огня.

Я выровнял «Ласточку» и потянул на себя рычаг дросселя. «Вампир» появился за моим левым плечом, почти прямо за нами.

Я крикнул:

- Флетнеры!

Ручка звякнула в тишине. Впечатление было, как будто я резко нажал на тормоз: «Ласточка» столкнулась с мягкой

подушкой из воздуха и вяло подпрыгнула вверх, прямо под нос «Вампиру», который и так уже почти сидел на нас.

«Вампир» взвился, как испуганный конь, дернувшись в беаумно крутой поворот. Крылья его потеряли четкость очертаний в тумане, сконденсировавшемся в разорванном в клочья воздушном потоке, потом он качнулся, теряя скорость ниже допустимого предела и выходя на закритические углы атаки. Весь трясясь, он прошел в нескольких ярдах слева, и на миг я увидел сгорбившуюся фигуру в шлеме, сражающуюся с рычагами управления, которые больше ничем не управляли. Нос «Вампира» неуклонно стал загибаться книзу.

Самолет типа «Вампир» может безнаказанно потерять около 2000 футов высоты при незначительном переходе нижней допустимой границы скорости полета. Этому до земли оставалось 1200 футов, и я еще никогда не видел самолета, так далеко перешагнувшего эту границу. Оставалось только следить за его агонией.

Чтобы выброситься из «Вампира-5», вы выпускаете парашют через люк в кабине и прыгаете вслед спиной вниз, — если самолет еще управляем.

Я направил нос «Ласточки» вниз, перевел вперед рычаг дросселя тяги (мы были близки к своему допустимому пределу минимальной скорости) и поискал взглядом «Вампир». Рядом с ним я увидел яркое пятно парашюта, — он, видимо, попытался в последний момент выпрыгнуть, — почти сразу вспышка и расползающееся на фоне земли облако дыма. В кабине «Ласточки» звук от удара даже не был слышен.

10

Пятью минутами поэже мы сели в Санто-Бартоломео. Диспетчерская служба аэропорта не устроила банкет в мою честь, но и приказа перерезать мне горло у них не было. И когда я пару раз обронил имя Уитмора, оно оказалось им очень даже известно. Они разрешили мне посадку, ограничившись несколькими ядовитыми замечаниями о том, как следует предупреждать о маршруте полета. Никто не проронил ни слова об аварии «Вампира».

В принципе, не исключалась возможность того, что о случившемся никто ничего не скажет. Если у пилота не было команды на перехват «Ласточки», он мог и не радировать на базу, что занимается этим по собственной инициативе. Тогда всю историю спишут как ошибку при тренировке. Нед должен

понимать, что подобные происшествия неизбежны, — возможно, у него уже имели место аналогичные случаи. А я слишком много раз принимал участие в комиссиях по расследованию причин аварий, чтобы бояться показаний свидетелей. От них Нед узнает только то, что пять «Боингов-707» одновременно взорвались пятью вспышками пламени в четырех футах над их крышами.

Что ж, будущее покажет, но все-таки планируемый мною дружеский визит можно было начать и получше. Я спустился вниз из диспетчерской башни, получил штемпель в паспорте и присоединился к остальной компании в грязноватом зале аэро→

порта.

Они стояли у захватанной пальцами витрины, за которой находился макет, демонстрирующий, каким великолепным и грандиозным будет аэровокзал, когда правительство перестанет тратить получаемые с населения налоги на американских блондиной и закрытые счета в швейцарских банках.

Директор фильма и режиссер одарили меня беспокойными и подозрительными взглядами. Уитмор и Луис просто кивнули. Дж.Б. промаршировала ко мне и свирепо прошипела:

- Что на самом деле произошло перед тем, как мы сели?

— Один тип попытался заигрывать с нами, промахнулся и расшиб себе нос.

— Это все?

Я пожал плечами.

— Мне казалось, что у мужчин с вами это обычная история. Ее глаза сверкнули.

— Из-за чего он расшиб нос?

 Один из тех редких пороков, никогда не складывающихся в привычку; недопустимая потеря скорости на высоте 1200 футов.

— И вы считаете это шуткой?

- Вы предпочли бы серьезный конец чтобы он нас сбил, например?
 - Вы не могли знать...

— Так — мог.

Еще несколько мгновений она с застывшим в тихом гневе лицом разглядывала меня, и вид у нее при этом был какой-то беззащитный и очень женственный. Я ухмыльнулся, она рывком опустила на нос солнечные очки, отвернулась и пошла прочь.

Зал начал наполняться улетающими пассажирами. Унтмор

опустил руку мне на плечо и сказали

- Тут кругом полно артиллерии, дружище,

Он был прав. С десяток пассажиров потолще и получше одетых, чем остальные, проталкивались через толпу с писто-летами, торчащими из карманов или висящими на широких замысловатых ковбойских поясах.

Я кивнул.

— Правительственные служащие. Начиная с определенного ранга вы получаете право носить оружие. Ну, а поскольку это и статус-символ, и секс-символ, да еще им кажется, что кажедый из них — вылитая копия Уолта Уитмора, они и не расстаются со своими игрушками. Тот же принцип, что в былое время в английской армии, — продажа воинских званий.

Он медленно покачал головой.

— Ну-ка, еще раз, а?

— Сто лет назад или чуть больше, когда армии восставали по всей Европе, англичане придумали продавать должности в своих войсках. В этом случае, рассчитывали они, армия будет управляться богатыми людьми, а богатые люди не стремятся поломать систему, сделавшую их богатыми. То же и здесь. Поскольку все в стране делается только через взятки, чиновники попадают в одну из самых высокооплачиваемых каст. Они не жаждут перемен. Вооружите их — и у вас под рукой самая контрреволюционная группировка.

— Понятно, — он задумчиво кивнул, прикидывая, вероятно, как втиснуть эту мысль в «Боливара Смита». Очевидно, ничего не вышло, потому что он повернулся и сделал один из своих знаменитых жестов: а-ну-орлы-за-мной!

— Шевелитесь, ребята, потопали.

Мы потопали в двух такси. Уитмор, Дж.Б. и Луис — в одном, директор, кинорежиссер и я — в другом. Эти двое все еще находились под впечатлением полета и мне не доверяли, так что поездка прошла в полном молчании.

В течение пятнадцати минут мы неслись очертя голову по узкому бетонному шоссе между переросшими плантациями с одной стороны и деревенскими лачугами с другой. Дальше дорога пошла, извиваясь, уже среди хижин пригорода Санто-Бартоломео. Название свое этот древний город, предположительно, получил в честь брата Колумба, хотя тот уж кемкем, а святым не был точно, — разве что по стандартам Республики. Предполагалось также, будто это самое веселое по духу и нравам место в Карибском бассейне. Может быть, так и было в разудалые дни чайных клиперов, когда за серебряную монету вы могли иметь бутылку рома, пару женщин и две-три пьяных драки в прибрежном трактире. Сейчас все иначе.

Сейчас это старый потрепанный городок, измотанный нолитическими ветрами. Пароходы размерами больше, чем клиперы, ходят они реже и на стоянках задерживаются меньше. Банки и склады сменились на берегу гостиницами и борделями, а остальная часть города представляет собою удивительную смесь испанских соборов бок о бок с викторианскими конторскими зданиями и современными оштукатуренными разновысотными домами, которые в течение трех месяцев выглядят новенькими, как завтрашний день, а через шесть — ветхими, как постройки Колумба.

Революции можно пересчитать по авенидам. Очередной президент захватывает власть, закладывает новую авениду, усаживая по обеим сторонам королевскими пальмами, называет ее своим именем, а новый штат служащих кладет в карманы полученные за преданность взятки и бросается строить вдоль нее современного вида различные резиденции. Но через пять лет — новый президент, новая авенида, новые служащие, строящие в новом стиле. Никто не перестраивает разваливающиеся дома на узких улочках вблизи авенид. Живущие там никогда не достигают ранга оруженосцев и, значит, не участвовали в прошлой и не будут участвовать в будущей революции. А потому никто ничего им не должен.

Такси держались авенид. Мы проехали по авениде Линкольна, потом Георга Вашингтона и дальше вверх по авениде Независимости. Большинство из них кончает подобными именами — героев слишком давних времен и мест, чтобы иметь современное политическое звучание, или отвлеченными понятиями вроде independencia (независимость) или libertad (освобождение), которые одинаковы на языке любой революции. Разницы, в сущности, нет. Новое освобождение приходит каждые пять-десять лет, но любое из них первым делом устанавливает на каждом перекрестке пару солдат с карабинами и дубинками, чтобы напомнить вам, что теперь вы действительно свободны.

При последнем освобождении решили, что их столица — новый Майами, и построили три современных курортных отеля. Мы пересекли весь город к самому большому и лучшему из них — «Американе», на западном берегу.

Он находился в конце длинной авеню, усаженной королевскими пальмами: пятиэтажная копия «Фонтенбло» в Майами-Бич. Каждый номер обеспечивал вас балконом и кондиционером, а каждый лифтер, коридорный или уборщица— девкой. Может быть, это и был рай для Уитмора, ко меня здешний уик-эид манил только возможностью ликвидировать наметившееся отставание по части выпивки.

Я бросил свой саквояж в номер на пол и спустился за пивом вниз, в патио, где был бар на террасе. Время — половина первого. Десятью минутами позже в бар заглянул директор фильма, увидел меня, поколебался, не притвориться ли, будго не заметил, решил, что не стоит, и подошел.

— Если бы у меня были песо, я бы поставил выпивку, —

объявил он.

- У меня есть.

Он позволил угостить себя шотландским, потом спросил:

— Как тут меняют деньги?

- Попытайтесь у коридорного. Официальный обмен производится из расчета доллар за песо, хотя должно быть полтера песо. Не соглашайтесь меньше, чем за 1,35 и не забудьте при отъезде обменять все назад: официально вы не имеете права вывозить валюту, поэтому ни один банк в мире ваши песо не возъмет.
- Бог мой! он присосался к стакану. Мы же не сможем здесь работать. Они обчистят нас дочиста, как только мы привезем всю команду, и они будут знать, что мы полностью от них

зависим.

- Скажите это Уитмору.

— Я говорил, — он искоса взглянул на меня. — Вы скажите

ему - похоже, вы приглянулись Хозяину.

Я пропустил это замечание мимо ушей и стал набивать трубку. Подождав для приличия несколько секунд, он добавил:

— Вы среди нас новый человек. Ваше мнение о Хозяине?

— Высокий мужчина.

Убедившись, что это весь мой вклад в разговор, он поинтересовался:

- И это все, что вы заметили?

- Крепкий к тому же.

 Олл райт, Карр. Понятно! Но только вот чего не забудьте: даже на мгновение не думайте, будто он не умеет играть.

Уитмор, Луис и Дж.Б. вошли в бар. Директор выдул остатки виски и сказал тихо и внятно:

 Проверьте ваш контракт. Мой предельно прост: я только руковожу.

Он сполз со стула и, кивнув Уитмору, пошел прочь. Тот положил обе лапы на стойку бара и заглякул в мой стакан.

 — Пиво, так? Так. Четыре, — он бросил пригоршию песо на стойку.

Удалось разменять доллары, — заметил я.

 Дружище, что мне здесь не требуется — так это менять монету. На этом острове у меня заморожено почти четверть миллиона долларов — выручка со всех моих картин, которые они показывали за последние двенадцать лет. Приятно поэтому разменять чек и кое-что истратить.

Я кивнул и поднес третью спичку к трубке. Опыт показывал,

что чаще всего именно ей сопутствует удача.

Уитмор спросил:

— Вам эта штука действительно нравится?

Спичка разочарованно погасла. Я вынул трубку изо рта и осмотрел ее.

— Мне говорили, будто со временем привыкаешь.

— А как быть другим? Может быть, для разнообразия сигарету?

— Если вы настаиваете, — я спрятал трубку в карман и

закурил его «Честерфилд».

Дж.Б. устало покачала головой.

Вот человек, который решил проблему стоимости сигарет.
 Еще я услышал:

-Олл райт, Кэйт, ты арестован.

Нед стоял, расставив ноги и выставив вперед короткий палец, словно дуло пистолета. Взгляд его был не более дружелюбен, чем у атакующей королевской кобры. Очевидным образом, он не терял времени даром — даже не снял с себа замасленный летный комбинезон, весь в молниях и карманах, только нацепил поверх кобуру с толстым револьвером. В хорошо продуманном полусвете бара он тоже выглядел персонажем из фильма Уитмора: когда герой вваливается без рубашки в бальный зал на юге Техаса.

Двое высоких полицейских в белых шлемах с тяжелыми кобурами у пояса тоже казались не из этого мира, что не помешало им двинуться прямо ко мне.

Дж.Б. соскользнула со стула и резко сказала:

 — Я — адвокат мистера Карра. Сообщите, пожалуйста, содержание обвинения.

Нед рывком повернул голову в ее сторону и подозрительно

нахмурился, потом мрачно заметил:

— Угу. Наверное, мне следовало ожидать чего-нибудь вроде этого. Что ж, можно начать с обвинений в убийстве и открытии военных действий, а дальше — в зависимости от того, как пойдут дела.

Она сняла солнечные очки и взглянула на Неда, как будто

тот вылез из щели в полу.

— А вы уверены, что имеете право на арест?

— А вы уверены, что имеете право практиковаться тут в законе?

Она бросила ему снисходительную улыбку.

— Я просто не хочу, чтобы вы строили из себя дурака — кем бы вы ни были.

Я решил, что не мешает представить их друг другу.

— Познакомьтесь — Нед Рафтер — полковник эскадрильи истребителей Республики. Мисс Дж.Б. Пенроуз и, — я махнул рукой в сторону, — ты, конечно, узнал Уолта Уитмора и Луиса Монтеррея.

Конечно, нет: Нед смотрел только на меня. Он медленно

поднес руку к голове; почесал затылок и сказал:

— Угу. Наверное, мне следовало ожидать что-то и вроде этого тоже, — затем добавил, повернувшись ко мне: — Ты неплохо подбираешь свидетелей своих штучек.

Уитмор протянул ему руку.

— Рад встрече, полковник. Пива?

Нед взглянул на его руку и покачал головой.

— Я пришел за ним, так что остановимся на этом.

Уитмор сказал:

- Что бы предположительно он ни сделал, я все время был рядом.
 - Угу. Эта мысль начинает доходить до меня.

Дж.Б. безукоризненно вежливым тоном спросила:

— Так какова суть обвинения, полковник?

— Мне нужны показания Кэйта перед генералом. Для след-

ствия. До этого я глаз с него не спущу!

— Мы уже скатились до следственного вызова, а? — поинтересовалась она. — Давайте поработаем еще. Может, сведем «акт военных действий» к штрафу за неправильный переход улицы?

Это решило дело. Нед стиснул зубы.

— Взять его!

Двое стражей двинулись ко мне.

Я ждал, соскользнув со стула. Та же злость бурлила, подступая к горлу. Никто не посмеет сделать это со мной! Но под руку
всегда попадают не те, кто нужен. Не тот тип в «Вампире»
решил, будто я представляю опасность для их государства. Эти
два стражника, может быть, и любили свою работу — в это
легко было поверить по их виду, — но действовали они все же
по чужому приказу. Никогда не удается добраться до тех, кто
отдает приказы. Но иногда приходит момент, когда вы вынуждены браться за тех, кто есть поблизости...

Решение было принято не мною.

Полицейский справа схватил меня за руку, и в этот момент огромная лапа хлопнула его по плечу и развернула с той же легкостью, как я бы щелкнул электрическим выключателем, другая одновременно ребром ладони ударила пониже белого шлема. Страж попятился назад и упал на бамбуковый столик.

Второй охранник рвал кобуру, вытаскивая револьвер с длинным дулом. Левой рукой я схватился за барабан револьвера; а правой ударил его в живот. Он буркнул, нажал на курок, но барабан не повернулся, и выстрела не последовало. Я ударил снова, и он медленно осел, повиснув на револьвере в моей левой руке.

Дж.Б. резко вскрикнула. Уитмор сделал три шага и с размаха ударил ногой. Рука у первого стража дернулась вперед, и

револьвер вылетел из бара на лужайку.

Раздался оглушительный выстрел: Нед стоял в кольце рассеивающейся струйки дыма, рука отведена в сторону (в направлении выстрела). Тут же рука с револьвером качнулась к нам.

 Олл райт, — сказал он мрачно, — если все заработали все «Оскары», давайте начнем сначала.

Уитмор повернулся к нему.

Рука Неда дрогнула.

— А вдруг мне хочется стать знаменитым?

Уитмор пожал плечами, чуть улыбнулся и подошел ко мне.

 День вышел, дружище, лучше, чем я сжидал. Мне нравится, как вы опускаете плечо вместе с ударом.

— Благодарю. Ваш пинок ногой был что надо.

Мы ухмыльнулись друг другу.

Луис пробормотал:

 Один за всех, и все за одного. И надо же, чтобы это была сцена, в которой он не играл.

Уитмор бросил на него взгляд и безмятежно сказал:

—О'кэй, пошли к генералу.

Дж.Б. вмешалась:

 Минуточку, полковник, — она побледнела и была очень серьезна.

— Вы в Республике, — оборвал ее Нед. — Если хотите набить руку в обвинительных актах, можете начать с меня: за дыры 11 калибра в ваших клиентах — если только они не двинутся с места прямо сейчас.

Я бросил револьвер полицейского в тазик с тающим льдом, и мы направились к генералу.

Я ожидал, что мы поедем на базу ВВС или, по крайней мере, в центр города, в здание суда. Но мы просто протолкалием сквозь толпу любопытных (туристы и обслуживающий персонал), собравшихся посмотреть — на соответствующем расстоянии, — кто тут стрелял, повернули налево из вестибюля и закончили путешествие в казино.

Здесь все выглядело куда лучше, чем в Сан-Хуане. Элегантный зал с высокими арками в стиле Людовика XV, или Онассиса I, или кого там еще. Во всяком случае — длинные красные шторы, белые стены с золотой лепниной и канделябры, словно облака из кристаллов, светящиеся мягким-мягким светом. В тропический полдень здесь царила нежная, соблазнительная атмосфера полуночи. Вы просто чувствовали, как ваши деньги рвутся из вашего кармана в бой.

Для середины дня народу, на мой взгляд, было многовато, но потом я вспомнил, что сегодня суббота. Белый вечерний жилет устремился к нам, в ужасе уставился на Неда (скорее, на его комбинезон, чем на револьвер), но тут же узнал владельца.

Генерал Боско, — бросил Нед.

Белый жилет склонил гладкую темную голову к столику для игры в кости, и мы цепочкой потянулись туда.

Или генерал не любил бросать кости в толпе, или у толпы хватало сообразительности держаться в стороне от человека, наполовину уже ставшего диктатором. Несмотря на массу людей в зале, у него был свой, отдельный, столик, рядом — адъютант в шитой золотом форме и пара типов в штатском, державших простой народ на расстоянии одними своими физиономиями, куда более очевидными, чем пистолеты под их жилетами.

Генерал бросал кости спиной к нам, но адъютант поймал мой взгляд и улыбнулся голодной улыбкой. Я тут же его узнал: капитан Миранда.

Нед вышел вперед и сказал:

 Генерал, насчет той аварии. Я задержал Карра, пилота «Ласточки».

Боско медленно повернулся и посмотрел на него.

Возможно, он и выглядел наполовину диктатором, но, честно говоря, в этом вопросе я был неважным судьей. Мои личные контакты с диктаторами до настоящего времени были крайне ограниченными. На мой взгляд, это был высокий, хорошо сложенный тип лет пятидесяти, с намечающимся животом, полным, но не рыхлым лицом, орлиным носом, аккуратными се-

дыми усами, седой же прической и густыми бровями над ленивыми темными глазами. На нем была лихого вида темноголубая форма с пятью золотыми звездами на общлагах, золотыми крылышками и всего тремя рядами орденских ленточек, что было признаком скромности, так как, вероятно, большей частью из них он наградил себя сам.

На почти безупречном английском он произнес:

— Поздравляю вас, полковник. Но... не уместнее ли было заняться этим делом во Дворце Правосудия?

Нед мотнул головой.

Тут его пассажиры. Они — свидетели.

Боско медленно обежал нас глазами. Меня он определил сразу. Уитмор потребовал второго взгляда, но он его узнал. Луис занял больше времени, но общую идею генерол усвоил. Дж.Б. оң игнорировал.

Помолчав, генерал кивнул и задумчиво сказал:

Ах-ах, да. Вы, полковник, поступили правильно.

Он вытащил из кармана тонкую длинную сигарету, и Миранда в духе Буффало-Билла выхватил и поднес ему серебряную зажигалку. Боско затянулся, откинулся спиной на крайстола и сказал:

— Не напомните ли мне, полковник, инцидент поподробнее?

Нед начал:

— Сначала Рамирес сообщил по радио, что заметил «Ласточку» и идет на сближение, чтобы получше ее рассмотреть. Далее — ничего, пока нам не позвонили несколькими минутами позже, что «Вампир» разбился в паре миль от базы. Я связался с Бартоломео и узнал, что Карр благополучно приземлился. Нашел его здесь. Он и Уитмор слегка повздорили с полицией.

Боско перевел взгляд с Неда на Уитмора. Тот улыбнулся

своей скупой, уверенной улыбкой.

 Два ваших фараона с базы пытались меня потормошить, но я не жалуюсь. Они, может быть, и пожалуются — когда очнутся.

Генерал немного грустно улыбнулся.

— Никто и нигде не любит военную полицию, сеньор. Но к сожалению, без нее не сбойтись, — он взглянул на Неда. — Какие указания были даны Рамиресу сегодня утром?

 Обычный тренировочный полет. Но мы знали, что Карр летит сюда, и поэтому он имел приказ сообщить нам, если его

увидит.

Я спросил:

А как насчет приказа атаковать меня?
 Нед глубоко вздохнул.

— Нет. Я велел ему держаться от тебя подальше.

Как ему ни хотелось усадить меня на весы Немезиды, он не пытался ничего приукрашивать. Пока.

Генерал повернулся ко мне.

- А вы, сеньор?

Я пожал плечами.

 Ваш парень пикировал на меня, проскочил мимо, начал второй заход. Чтобы не дать ему выйти на линию огня, я пошел по спирали. У него на повороте скорость упала ниже критической, и он пошел вниз.

Я чувствовал на себе взгляд Неда. Генерал обратился к Уитмору:

- Вы подтверждаете это, сеньор?

— Все произошло очень быстро, — протянул Уитмор, — но мне запомнилось именно так. Я сидел с Карром впереди.

Генерал Боско задумчиво присосался к сигарете, выдул струю дыма поверх наших голов и принял решение:

- Полагаю, сеньоры, что нам всем следует выпить.

Все еще не сводя с меня глаз, Нед произнес медленно и раздельно:

- Ты убил его, Карр. Намеренно.

Возникла некоторая суматоха — официант спрашивал: «Какие напитки?», а Дж.Б.: «Какого черта?» Когда волнение улеглось, официанта уже не было видно, а Дж.Б. тлела медленным огнем рядом с Луисом, рука которого крепко держала ее за плечо. Генерал пригвоздил Неда к месту пристальным взглядом. Немного спустя он махнул сигаретой в сторону стола.

— Может быть, пока мы ждем, сеньор Уитмор захочет сыг-

рать?

Уитмор нахмурился, пожал плечами, шагнул вперед и взял кости у крупье.

— Играем против заведения или друг с другом?

Сигарета сделала деликатный жест.

— Мне тут любезно разрешают играть с друзьями, так что...

генерал грустно улыбнулся.

Ему любезно разрешат снять крышу, расстрелять канделябры, призанять жену у распорядителя. Остановить его было некому. Он был генерал Боско.

Уитмор бросил на стол несколько банкнот.

Побейте меня.

Генерал кивнул Миранде, который произнес:

— Генерал Боско принимает ставку.

Боско повернулся к Неду:

— Полковник, мы говорили...

Нед бросил:

- Карр убил Рамиреса. Карр сам все затеял и сам закончил.
 Я сказал:
- Нед, я не затевал.

Уитмор плюнул на ладонь и натренированным движением пустил кости по столу. Крупье продекламировал:

Пятерка. Теперь выигрывает пять очков.

Генерал улыбнулся.

 Не победа, не поражение — пока. Продолжайте, пожалуйста, полковник.

Теперь Нед обращался ко мне:

— Согласен, что затеял, Кэйт, не ты. Но когда он начал, ты убил его. Заманил пониже и спровоцировал на потерю скорости. Как — не знаю. Может быть, тем старым фокусом с флетнерами. Но убежден, что ты это сделал. Ты и сам не хуже меня знаешь.

Дж.Б. вмешалась ледяным тоном:

— Невооруженный пассажирский самолет, полный пассажиров. И он убил вашего бравого пилота реактивного истребителя?

Уитмор бросил снова, крупье пропел:

- Восемь. По-прежнему выигрывает пять.

Нед быстро глянул на стол, потом покачал головой.

 Пушки — это еще не все, милая. Некоторым даже с ними кое-чего не хватает. А другие могут обойтись и без них. Важно, убийца вы в душе или нет. Кэйт — да.

— И все-таки, Нед, у него был истребитель, — я протянул руку: — Дай мне твой револьвер, я наставлю его на тебя, а ты гадай, выстрелю я или нет. Потом расскажешь, как тебе это понравится.

— Он не собирался стрелять!

Я почувствовал, как во мне растет волна холодного гнева.

— Да неужели? Как же это я не получил твою открытку: «Дорогой Кэйт, к тебе пристанет паренек на «Вампире», но ты не волнуйся из-за того, что он нарушает приказ, потому что он едва ли нарушит его настолько, что начнет стрелять». Очень жаль, что она до меня не дошла, и мне пришлось доставить тебе столько неприятностей.

Кубики попрыгали на сукне стола и замерли. Крупье пропел:

— Шесть. Выигрывает пять.

Генерал пробормотал:

— И снова не победа, не поражение.

Нед игнорировал и генерала, и кости. Его губы негодующе скривились:

- Ах, не хнычь так громко, Кэйт.

— Я хнычу? Я сбил твой истребитель на безоружной «Ласточке», и кто-то кричит об убийстве?

Воцарилась тишина. Кости протанцевали по столу.

— Семь. Бросавший проиграл.

Генерал тихо сказал:

— И я выиграл.

Дж.Б. холодно воззрилась на меня.

— Вы признаете, что с заранее обдуманным намерением сбили тот истребитель?

Последовала еще одна пауза, слышен был только шелест банкнот Уитмора, сгребаемых Мирандой с игорного стола.

Я пожал плечами.

— Почему-то во всех ВВС никогда не обучают технике пассив того боя, полагая, вероятно, что единственный надежный способ не быть сбитым...

Нед вмешался:

Сбить противника.

Генерал также мягко заметил:

— Или, разумеется, держаться подальше, — он затянулся сигаретой. — Если я правильно помню, у вас на этой неделе была встреча в Сан-Хуане с полковником Рафтером и он предупредил, что вы — нежелательный гость в Республике. Быть может, к предупреждению следовало прислушаться.

 Если вы закрыли воздушное пространство Республики, следовало объявить об этом официально.

Конечно, -- сигарета описала еще одну фигуру в воздухе.
 Но мы его не закрыли. Мы приветствуем деловые контакты савиалиниями и частными пилотами при условии, что они, как бы это сказать, — нейтральны.

- Я не замешан в политических делах Республики.

— Ах, простите, — сигарета проделала еще одну фигуру высшего пилотажа, — но нам говорили другое.

— Я так и подумал. Частично из-за этого я здесь и появился.
 Выяснить отношения.

Темные глаза внимательно изучали меня. Помолчав, он сказал:

 Неважное вы положили начало, мистер Карр, для таких переговоров.

Миранда произнес:

Генерал, вызов — ваш.

Боско улыбнулся двойному смыслу фразы, пожал плечами и протянул руку за костями. Крупье бросился с ними к нему.

Миранда продекламировал:

— Кто угодно ставит сколько угодно — генерал отвечает. Уитмор, не спуская взгляда с Дж.Б. и меня, бросил на стол еще несколько ассигнаций. Поколебавшись, Луис присоединил к ним две бумажки по 10 песо.

Дж.Б. наконец проснулась и сказала:

-- Если бы ваш пилот сбил Уитмора, все Штаты, весь мир

говорили бы об этом.

— Полностью согласен, — генерал потряс кости и бросил их на стол. Восемь — ничья. Теперь он выиграет, только повторив этот результат. — Полностью согласен. Но что в этом случае оставалось бы делать моему правительству? Мы бы извинились. Мы бы, конечно, осудили и наказали пилота. А более того, чтобы еще вы, демократическое государство от нас потребовали?

Я сказал:

— И все бы, читая между строк, усвоили: с ВВС Республики

шутки плохи

В награду за реплику мне достался колючий взгляд, потом он взял кости у крупье, потарахтел ими и бросил на стол: три — в начале игры проигрыш, но теперь — бросок впустую, решали лишь семь и восемь очков.

Дж.Б. взглянула на меня и сказала, тщательно подбирая

слова:

— Генерал, если вы подумываете о суде над мистером Карром, это тоже может стать предметом внимания газет. Хозяин будет отлично выглядеть как свидетель в зале суда.

Боско слегка поднял плечи и выбросил десять очков.

Уитмор одним махом настроился на волну:

— «Реактивный истребитель сбит невооруженным пассажирским самолетом», — да, это будет сенсация.

Кинозвезда против сторожевого пса, — пробормотал

Луис.

Уитмор улыбнулся Неду.

— И лихая же у вас эскадрилья, полковник.

Лицо Неда замкнулось, как дверца сейфа.

Генерал бросил — шесть очков.

Дж.Б. резко, пробивая каждое слово, сказала:

— Предъявите обвинение — и везде, где хотя бы иногда читают газеты, ваши ВВС одним смехом только сдуют с неба! Боско вздохнул.

 Да. У людей, незнакомых с тактикой воздушного боя, может сложиться неправильное впечатление.

Он бросил семь очков, и крупье застыл в ужасе.

Генерал пожал плечами.

— И я проиграл. Полковник Рафтер, приостановите акции против сеньора Карра. Иногда акт милосердия полезнее в широком смысле этого слова пристрастия к букве закона.

Элегантное отступление. В котором оставалась в тени другая сторона медали: в широком смысле при диктатуре часто летят

и невинные головы.

Нед бросил:

Вы — генерал, генерал.

Боско улыбнулся своей грустной улыбкой.

— Понимаю ваши чувства, полковник. Особо отличаю ваше усердие. Но... — грациозный взмах сигаретой.

— Авария при тренировке, — сказал Нед.

Боско кивнул.

 Да. Не надо забывать, что Рамирес все-таки действительно нарушил приказ.

Лицо Неда снова замкнулось. Затем он посмотрел на меня и произнес:

— Итак, четыре: три в Корее и один тут. Еще один — и ты, Карр, станешь асом. Но не советую пытаться стать им здесь.

— Я — пилот «Ласточки», Нед.

— А вот это, — заметил генерал, — нам, пожалуй, следует обсудить.

В последовавшей тишине был слышен только легкий стук костей на столе и затем голос Луиса:

— Неужели никому не нужны мои деньги? — он перебрасывал кости по столу из руки в руку, не обращая внимания на встревоженный взгляд крупье. Все остальные не сводили глаз с Боско.

Нед сказал:

- Вы не можете предложить ему работу после того, как он...
- Конечно, генерал остановил его жестом руки, это отрицательно сказалось бы на состоянии морали наших доблестных авиаторов. Хотя сеньор Карр более чем оправдал ваше, полковник, мнение о нем. Поэтому жаль, но сеньор Карр, он взглянул на меня, ваш самолет, кажется, довольно стар?
- Ему двенадцать лет, медленно ответил я, не понимая, куда он клонит.
- Служба аэропорта сообщила мне, что аэроплан в довольно плачевном состоянии, но раз так, это не удивительно...

Объяснений мне уже было не нужно. Я мрачно сказал:

- Продолжайте, генерал.

Сигарета дрогнула в воздухе.

— Наш долг — перед всеми, кто пользуется аэропортом, перед живущими поблизости от него... Мы бы нарушили свой долг, разрешив вылет, — лучше сказать попытку вылета самолету, не находящемуся в надлежащем состоянии, — он улыбнулся нисколько не грустно. Ничуть. — Я уверен, сеньор, что это не отнимет у вас много времени и денег — довести ваш самолет до требуемого стандарта, после чего никаких препятствий к вылету со стороны службы аэропорта, конечно же, не будет.

— Око за око, — сказал я, — самолет за самолет. Значит, я

теряю «Ласточку».

— Да нет же. Так вопрос не стоит. Всего лишь — как это называется? Ах, да — Контроль-4.

— До Контроля-4 еще не меньше сотни летных часов.

Он снова улыбнулся.

— Боюсь, что нельзя полагаться только на регламентирующие инструкции и голые цифры. В вопросе техники безопасности, да еще в воздухе, следует руководствоваться также и здравым смыслом — любая газета с этим согласится. Специалисты считают, что нужен Контроль-4, и поэтому...

Уитмор вмешался: .

- Я, генерал, летел на этом самолете. И вы утверждаете,

будто он небезопасен?

— Сеньор Уитмор, я убежден в ваших глубоких познаниях в авиаинженерном деле. Но, может быть, вы все-таки уступаете в этом отношении нашим дипломированным специалистам.

Дж.Б. вставила:

Конфискуйте самолет Карра, и происшествие с вашим истребителем все-таки может попасть в газетные заголовки.

Генерал удивился:

 Какое происшествие? — он посмотрел сначала на Неда, потом на Миранду. — Разве что-нибудь такое было, капитан? Миранда обнажил зубы в скромной улыбке голодной акулы.

— Припоминаю аварию на тренировке, мой генерал, — на прошлой неделе. Лейтенант, лейтенант... — он щелкнул пальцами, как бы пытаясь вспомнить, — Рамирес, да, правда.

Луис сказал:

 Кинозвезда против сторожевого пса. В это действительно трудно поверить — особенно, если вы не можете этого пса предъявить.

Дж.Б. попыталась что-то сказать, но я положил руку ей на

— Говорят, милочка, муж узнает последним. Но не в данном случае. Я теряю «Ласточку»,

Только и всего. Может быть, то же самое, что и уход жены, откуда мне знать? У меня жены никогда не было, один самолет, а теперь — лишь холодная злость в груди.

Генерал повернулся к Уитмору.

- Вам, сеньор, я, естественно, приношу извинения за причиненные неудобства. Но вы же понимаете исключительно забота о вашей безопасности... Билеты на вечерний рейс «Пэн Америкэн» до Сан-Хуана будут ждать вас в аэропорту.
 - Вечером? спросил Уитмор.
- Вечером, твердо сказал генерал. Он оглянулся. Мои сожаления, сеньоры, сеньорита... но... он повернулся, намереваясь уйти.

Миранда только и ждал, чтобы вставить:

Предатель!

Я сказал Неду:

— Единственное, о чем жалею, что тот «Вампир» вел не капитан Миранда. Правда, тогда ты засчитал бы мне не четыре, а от силы три с половиной — имея дело с ним, как с недочеловеком...

Может, это и не было «оскорблением сезона», но для Миранды ничего другого и не требовалось. Он сделал шаг вперед и выпад правой.

Я ушел вниз вслед за выпадом и ударил его снизу под ребра. Как мог сильно. Наверное, недостаточно за конфискованный самолет, но я старался.

Двое охранников отскочили назад, хватаясь за карманы. Но генерал бросил им пару слов, и они застыли на месте. Он посмотрел сверху вниз на Миранду, который, не вставая, пытался оторвать голову от коленей, потом что-то сказал, и стражники осторожно вышли вперед, чтобы поднять капитана.

Уитмор протянул:

- Могу, генерал, дать свидетельские показания и по этому поводу.
- Вечером, спокойно произнес Боско, для вашей же безопасности, сеньор.

Он двинулся к двери.

12

Я оглянулся в поисках моего стакана с пивом. Нед остался с нами. Луис все также играл костями. Уитмор и Дж.Б. хмурились друг другу под ноги, как будто прикидывали на вкус изменившуюся программу.

Я нашел стакан, осушил его и сказал:

- Похоже, я нагадил вам с поездкой, сеньоры.

Уитмор поднял на меня взгляд, затем покачал головой.

— Не тужите, дружище. Если они решили к нам придраться, то лучше сейчас, чем потом, — когда вся наша команда оказалась бы тут. И мне по-прежнему нравится ваша манера опускать плечо вместе с ударом, — он затянулся сигаретой. — И во что вам встанет Контроль-4?

— 3000 фунтов — 7500 долларов. Нет, больше: у них здесь нет специалистов по самолетам типа «Ласточки», поэтому мне придется приглашать их из Штатов с содержанием тут в течение двух недель, не меньше, — я покачал головой. — Да это ничего и не даст. Неважно, сделаю я что-либо или нет, генерал будет держать у себя мой самолет, сколько ему вздумается:

Нед чуть заметно кивнул.

Уитмор хмыкнул.

- Похоже, у вас, дружище, действительно неприятности. Но, может быть, попозже что-нибудь придумаем. А сейчас я намерен где-нибудь пожевать. До вечера, думаю, мы еще успеем посмотреть здешние места. Когда рейс?
 - Около одиннадцати, ответил Нед.

Уитмор его игнорировал.

- А вы, дружище?

Я, — сказал я твердо, — намерен слегка напиться.

Он понимающе кивнул.

— Будьте вблизи отеля, и мы проследим, чтобы вы не упустили рейс — затем, повернувшись наконец к Неду, — спасибо за все, полковник.

Нед, не шелохнувшись, только посмотрел на него без всякого

выражения на лице. Уитмор и Дж.Б. ушли.

Все еще перебрас ывая в руках игральные кости, Луис отошел от стола. Крупье бросился за ним, но Луис быстро и тихо сказал ему что-то по-испански, и тот остановился, как будто получил пощечину

Остались только Нед и я. Помолчав, он сказал:

-- Хочешь приступить к выпивке?

Ага. Шаг назад! Ты загораживаешь мне дорогу к бару.

Он не двинулся с места.

— Я не намерен извиняться, Кэйт. Правду сказать, я был всей душой за то, чтобы засадить тебя на несколько месяцев в тюрьму. Но я не думал, что он наложит лапу на твой самолет.

— Не лей слез, замочишь револьвер.

Можешь мне не верить...

— Я даже могу не тратить время, решая, верю я тебе или нет. А теперь — шаг назад!

- Я не думал, что он разденет тебя, - повторил Нед

упрямо.

Не ответив, я только посмотрел на него. Впрочем, в определенном смысле я ему верил. Одно дело быть в тюрьме — из нее выходят, но потерять свой самолет — это словно земля и небо смешались у тебя перед глазами.

— Олл райт, — сказал я. — Хорошо, я верю. Ну, а теперь

ты...

— Первая бутылка за мной — в расчет за Миранду: я давным-давно хотел вмазать ему как следует.

- И что мешало?

— Я же полковник, не забывай. Я не привык быть командиром — никого и пальцем тронуть нельзя.

Как-то незаметно мы вместе пошли к выходу. А почему нет? Если я не хотел в одиночестве напиться у себя в номере, то лучше уж в компании с Недом, чем с первым встречным в баре.

Мы вошли в лифт. По пути он спросил:

- Ты получишь страховку за самолет?

Я посмотрел на него.

— Хочешь держать пари? Конфискация входит в раздел: «бунт, забастовка, гражданские беспорядки», и обычная страховка это не покрывает. Да, и в любом случае мне надо будет доказать факт конфискации — не думаю, чтобы ты мне здесь помог. Самолет задержан по соображениям техники безопасности — какая страховая компания это оплатит? Особенно после моего обязательства содержать его в соответствии с техническими стандартами.

Он нахмурился.

- Да, ты действительно влип.

Мы вышли из лифта на верхнем этаже, прошли по коридору и свернули за угол. Как раз тогда, когда я уже хотел спросить, куда, черт возьми, мы идем, он остановился перед дверью без номера и вставил ключ в замок, куда более серьезный на вид, чем те, что обычно используются в отелях.

Комната оказалась большой и прохладной, с окнами, к моему удивлению, не на океан, а в глубь острова. На первый взгляд — обычное логово миллионера: низкие шкафы скандинавского происхождения, такой же бар, толстый зеленый ковер от стены до стены, настольные лампы с медными абажурами и ледяной кондиционированный воздух. Потом вы замечали кое-что, привнесенное Недом: игорный стол, покрытый зеленым сукном, вокруг которого стояли высокие кожаные кресла, три

телефона, планшет с приколотой на нем картой и радиоприемник «Браун Т1000 УНГ» на подоконнике.

Вот почему окна выходили к внутренним пейзажам острова: большая часть аэросообщений должна была идти оттуда.

Нед подошел к радиоприемнику, включил его, поиграл настройкой, но, кроме треска и шума, ничего не услышал. Взяв трубку красного телефона и, видимо, сразу получив ответ, сказал:

— Полковник Рафтер, у себя в «Американе». Буду на месте почти весь день, — он положил трубку и махнул рукой в сто-

рону бара: — Приступай. Мне — пива.

Бар оказался холодильником, отделанным деревом, в котором было все, что нужно на случай длительной осады, — если, конечно, вы могли находиться без пищи. Лично я был не в состоянии назвать напиток, которого бы там не имелось, включая несколько банок австралийского пива «Лебедь». Как Неду удалось переправить его за 9000 миль... Видимо, в должности командира были не только отрицательные стороны.

Я налил ему пива, а себе виски — достаточно крепкого, чтобы стоять на столе без стакана. Когда я отвернулся от бара, Нед уже успел сбросить на стол револьвер с поясом и снял с себя комбинезон, оставшись в полосатых трусах. Он взял стакан с пивом, сказал: «За тебя», выпил и вышел в боковую дверь. Я

услышал, как заработал душ.

Задавая тон вечеру, я сделал хороший глоток из своего стакана и подошел к радиоприемнику. Это был аккуратный квадратный ящик немного меньше портативной печатной машинки, поставленной на бок, оформление — строгое, без хромированных панелей и всяких финтифлюшек. Диапазоны волн хорошо запоминались, и я их запомнил. Затем я перешел к телефонам: красный, зеленый и белый. Поразмышляв, для связи с кем зеленый, я подумал, не взять ли трубку красного и не приказать ли всей эскадрилье подняться в воздух и в полном составе нырнуть в океан. В конце концов я просто еще раз выпил виски, подошел к столу и взял револьвер Неда.

Это был «Смит-и-Вессон», «Магнум-357» — тяжелая штука, предпочитаемая чикагской полицией, потому что способна просверлить насквозь автомобиль. Также — стандартное оружие пилотов в Корее: на случай встречи с китайской армией, если она выстроится в одну шеренгу. Изо всех сил ухватившись за рукоятку, вы и в самом деле сумели бы попасть в китайскую армию. Насчет попадания в авто спросите лучше у полиции в Чикаго. Я положил револьвер на место. Приемник

ожил и тихо произнес: «Ensayo. Uno, dos, tres, cuatro». Другой голос ответил: «О'кэй, cinco, cinco».

Нед высунул голову из ванной.

- Что там?

- Эскадрилья объявила забастовку на сорок недель в борделях.
 - Что там было?

— Просто проверка.

Он снова нырнул в ванную, а я подошел к карте. Это была стандартная карта, аэрографическая, масштаб 1:1000000, на которую были нанесены аккуратные отметки, обозначающие аэродромы и базы ВВС. Там числились гражданский аэропорт, местная база ВВС и еще один военный аэродром, расположенный неизвестно зачем на северном берегу. О них я знал, а вот о базе в шестидесяти милях к западу, у подножия холмов, мне ничего не было известно. Ее расположение, впрочем, было вполне логично: большая часть хлопот с повстанцами имела место в этих холмах, и взлетно-посадочная полоса там очень даже могла пригодиться. Как для доставки припасов, так и для размещения пары «Вампиров» в нескольких минутах лета от театра военных действий. Остальные отметки, по моему предположению, были небольшими посадочными полосами на местных плантациях. Слишком короткие для регулярного использования в военных целях, но полезны на случай вынужденного приземления.

Нед вышел из ванной в белом махровом халате, выглядевшем несколько легкомысленно на фоне торчащих из него больших ступней и волосатых рук австралийца. Он бросил на меня подозрительный взгляд, но не предложил отойти от карты. Я, впрочем, сам решил это сделать, сел на игорный столик

и начал первый раунд сражения со своей трубкой.

 Самое лучшее штабное помещение, какое я когда-либо видел. — объявил я.

- Только на уик-энд, - он кивнул на потолок, - там

апартаменты генерала.

Тоже логично, если подумать. Легче блокировать от покушений верхний этаж отеля, чем отдельный дом. А заодно решались все проблемы обслуживания.

— А генерал Кастильо?

Нед фыркнул.

- Живет в палатке, сражаясь с москитами и руководя до-

блестной армией на поле боя.

Я пригласил свою трубку погулять по комнате, чтобы набрать больше воздуха, поскольку она уже трижды задохнулась, и в конце прогулки обнаружил, что стою возле бара. Пришлось снова наполнить стакан, Нед от своей доли отказался. Я вернулся к столу и зажег третью спичку.

Как насчет провианта? — спросил Нед.

Спасибо, не надо.

Могу заказать сэндвичи.

— Если съешь их сам.

Помолчав, он предложил:

— Не нужно ли льда?

— Нет.

— Ты так в миг окосеешь.

— Верно. Но у меня нынче отняли самолет — разве ты забыл?

Он задумчиво кивнул. Красный телефон зазвозил, и Нед в два шага оказался у аппарата. Послушав с полминуты, он сказал:

— Поднимите первое звено, а армии напомните зажечь сигнальные огни после того, как увидят самолет, а не до того, — Нед положил трубку. — Эти вояки разжигают костры, чуть только наступят на что-нибудь. Повстанцы уже знают, что к чему, и скрываются еще до нашего появления.

- Как неспортивно с их стороны.

Он не ответил. Мой выпад повис в воздухе вместе с дымом от трубки, так же потускнел и зачах. В комнате стало очень тихо, только радио булькало что-то про себя.

Через какое-то время я встал, налил себе виски и вдругосознал, что передвигаюсь на цыпочках, а дверцу бара прикрыл тихотихо, стараясь не стучать. Я хотел что-то сказать, открыл рот, но передумал и остался на месте прислушиваясь.

Вас никто не заставляет любить человека в другом самолете, вы можете стремиться убить его, — не злобно, а холодно и спокойно, выучившись ждать, пока сойдетесь настолько близко, чтобы целиться не вообще в самолет, а в кабину. Но вы его понимаете. Потому что приборы и рычаги управления у него те же, что и у вас. Потому что проблемы скорости и высоты пролета, дистанции и горючего, местоположения солнца и облаков у него и у вас одни и те же. Вы понимаете его гораздо лучше, чем своего солдата на земле, отстаивающего ваши общие интересы.

Времени прошло немало. Кондиционер нагнал такой холод, что мороз продирал по коже. Нед застыл, усевшись на край игорного стола и не спуская глаз с радиоприемника.

Неожиданно приемник застрекотал по-испански. Нед схватил трубку красного телефона и заорал:

— Велите этим ослам говорить по-английски, Химинес может слушать на этой волне! — он бросил трубку на рычаг. — Бог мой, никому и в голову не придет, что у человека, раздобывшего трехдюймовую мортиру, хватит соображения приобрести и коротковолновый радиоприемник.

А заодно, может быть, и обучиться английскому.

Нед пожал плечами.

— Я пытаюсь научить их пользоваться кодом, но на это

требуется время.

Приемник слабо потрескивал, но непосредственно базу ВВС он принимать не мог: мешали холмы между ней и «Американой».

Вдруг — медленно и отчетливо, как декламация школьника:

- Зеленый лидер вызывает место назначения. Вижу дым.
 Это заграждение, куча повстанцев. Собираюсь открыть огонь.
 Пауза.
 - Второй зеленый. Ухожу влево, ухожу влево. Прием.
- Код, заметил я тихонько. О чем они рассказывают, когда говорят открыто, о своих родимых пятнах?

— Он же сказал — место назначения, разве нет?

Если это называется кодовым обозначением собственной базы...

Ни один из нас по-настоящему не слушал другого. Оба мы были там, делая поворот и длинный извилистый спуск, — когда пушки выводятся на линию огня, и наступают последние опасные секунды, в течение которых земля рвется вам навстречу, а вы направляете нос самолета вниз, вниз, потому что дистанция сокращается.

Это называют «гипноз цели», а парой дней позже закапывают ящик с песком и вкрапленными в него частицами пилота

Из приемника донеслось отдаленное потрескивание. Теперь они летели слишком низко, чтобы их было слышно на таком расстоянии.

- Они делают два захода? спросил я.
- На такую цель да.
- Все герои, как один.

Второй заход куда хуже первого. Если там, на земле, кто-то уцелел (а если нет, зачем повторная атака?), вы уже устроили перед ним репетицию, и он не успеет забыть ни ваш угол захода, ни вашу скорость.

Но не все ли мне равно? Если парни Химинеса сумеют сбить «Вампир» с его четырьмя двадцатьюмиллиметровыми пушками (и много ли у них с винтовками, даже с пулеметами,

шансов на это?), то меня это вполне устраивает. И тем не менее, я куда лучше понимал человека в кабине «Вампира», чем беднягу с винтовкой у заграждения.

Вдруг, сначала вдалеке, потом громче:

Расстрелял свои заряды. Заграждение разрушено. Многие убиты. Армия подходит. Прошу инструкций. Прием.

Нед посмотрел на часы и взял трубку.

Велите им вернуться в место назначения и скажите армейским, что у нас на сегодня все.

Он выключил радио. В комнате сразу стало холоднее. Виски жгло язык. Что ж, может быть, следующая порция покажется приятнее. Я наполнил стакан и открыл окно, чтобы впустить немного тепла, наклонился над подоконником и отпил из стакана, затем сказал:

— На этом мы заканчиваем нашу воскресную спортивную

программу из свсбодной Республики.

Нед взглянул на меня, пожал плечами и налил себе пива.

— Если ты профессионал, то должен знать, что не могут все бои быть решающими. Это новобранцы чувствуют себя храбрецами, если впереди их ждет «День-Д»*. Тебе-то, Кэйт, известно...

— Мне известно, Нед, что профессионалам тут не место.

 Да ну? Ты полагаешь, будто Химинес, придя к власти, продаст «Вампиры»?

Я скажу, что он первым делом продаст: тебя — мелкими

порциями.

Он уставился на меня, потом медленно кивнул. Никто не вызывает столько ненависти к себе, сколько пилот, работающий по наземным целям. Его самолет — это орудие террора, когда, всемогущий, он устремляется в атаку с неба и тут же, неуязвимый, взямывает ввысь. И потому, если вас накрывают наземным огнем, вы изо всех сил стараетесь сесть подальше от тех, в кого вы стреляли. Законы войны неприложимы к богу, слетающему с пьедестала.

 Да, так может случиться, — сказал он, помолчав. — Но меня интересует, кому тогда достанется мое место, тебе? Об

этом ты и хлопочешь?

- И не думаю, Нед. Я больше не профессионал.

Он пристально посмотрел на меня, кивнул и сказал медленно ѝ с недоумением в голосе:

^{* «}День-Д» — день высадки союзников во Франции во 11 мировой войне.

— Да, это так. Иначе ты бы взялся за работу, которую я тебе предлагал. Ты беспокоишь меня, Кэйт. Не знаю, работаешь ты на Химинеса или нет, может, и нет, но в любом случае генерал сделал ошибку: тебя следовало посадить в тюрьму. Тогда мы бы знали, где ты и как, и в конце концов тебе бы вернули твой самолет. А сейчас ты на свободе, но без самолета, и это-то меня и беспокоит, потому что в дуще ты все тот же пилот-убийца.

В кличке не было яда: просто определение профессии.

Он закончил свою речь, стоя передо мной и тыча мне пальцем в грудь.

— Я сделаю, что смогу, и попытаюсь вернуть тебе «Ласточку». Не думаю, что сумею, но постараюсь. Деньги у тебя есть?

— Можно было бы и потактичнее, Нед.

Он нетерпеливо дернул головой.

— Ты же знаешь, что у меня монеты сейчас — завались. Так может, уступить тебе часть? Устроишь себе тихий, спокойный отпуск на пару недель.

— Зачем тебе все это, Нед?

— Если я не могу держать тебя в тюрьме, то, может быть, сойдет и Майами. Убрать тебя подальше. В противном случае, — он пожал плечами, — я могу кончить тем, что убью тебя.

Он криво ухмыльнулся.

Я перевсл дыхание и ухмыльнулся в ответ.

— Для нас обоих этот городок слишком мал, так, что ли?

— Да, городок мал. И весь Карибский бассейн тоже. О'кэй, — он задумчиво потер плечо, — поживем — увидим. Хочешь продолжить болтовню о политике или будешь просто пить?

Я осушил стакан и протянул его Неду.

- Буду просто пить.

С этого момента воспоминания словно покрывались легким туманом. Около десяти вечера незнакомый, но добрый человек посадил меня в такси, а около половины двенадцатого я слегка пришел в себя и обнаружил, что направляюсь в Сан-Хуан на борту самой-повидавшей-виды-аэролинии, и передомной тарелка с цыпленком, а в руке стакан с пивом.

Луис сидел рядом, Дж.Б. и Уитмор — через проход, а режиссер с директором где-то сзади. Луис наклонился и бросил

пару костей на мою тарелку.

— Маленький сувенир от генерала Боско.

Я тупо моргнул, уставясь на них, и точки на гранях кубиков моргнули в ответ.

— И?

— Друг мой, это подделка, они утяжелены.

Я взял кости и бросил их в стакан с пивом — известный способ проверки фальшивых костей. Они медленно перевернулись, показав 2 и 6. Я выловил их ртом и бросил снова: 1 и 4.

— Мне они, как будто, ничего не выигрывают. Генералу

следует уволить своих мастеров.

 Друг мой, вы полагаете, будто эти кости принадлежат генералу?

- А вы считаете, что их дает ему «Американа»?

Он ослепительно улыбнулся.

- А что они теряют? Он не играет против заведения, только в кругу друзей. Они немного помогают ему, а его прекрасная улыбка скрашивает их яркую, но унылую жизнь. Крупье был вне себя, когда я ухватил эти кости, прежде чем он успел их заменить.
 - Я вспомнил, как они обменялись репликами.

— Но я все-таки не вижу, какая грань утяжелена.

Луис поморщился.

- Друг мой, теперь не утяжеляют грани костей это слишком примитивно. Теперь утяжеляют угол. И если все идет хорошо, то этот угол оказывается на столе, и только три грани из шести могут быть на столе и соответственно вверху. Сейчас я вам покажу, он протянул руку, я вытащил кости из стакана и передал ему. Он повертел их длинными загорелыми пальцами.
- Эти кости перегружены достаточно сильно, чтобы всегда поворачиваться определенным набором граней вверх, но, с другой стороны, в данном случае это сделано довольно хитро. Каждый кубик утяжелен в одном углу. Один может показать только 1,2 и 4, другой 2, 4 и 6. Приятные безвредные числа, но вы сами можете сообразить, что отсюда следует.

Черта с два я мог — в моем состоянии. Я тупо посмотрел на

него, он вздохнул и начал объяснять.

— Две обычные кости могут дать 36 сочетаний: одно — в 2 очка, два — в 3 и так далее до шести сочетаний из семи очков, затем в обратную сторону до одного сочетания в двенадцать очков. Но эти кости могут дать лишь девять сочетаний, включая всего лишь одно в 7 очков, одно — в 3 очка, но два — по 6 и два по 8 очков. И никогда, например, 2,11,12 очков. В результате в девяти первых бросках генерал выигрывает один раз с семью очками и один раз проигрывает с тремя — достаточно, чтобы не возникало никаких подозрений. Но чаще всего он выбросит другие числа и будет бросать снова. Тут у него шансов пятьдесят на пятьдесят, а

если это шесть или восемь очков, то шансы становятся в его пользу 2:1. В итоге получаем... — он нацарапал формулу на меню, — получаем, что он должен выиграть 31 раз из 54-х. Примерновотношении 3:2. Достаточно, нотолькодостаточно, чтобы люди говорили: «Генералу везет». А диктатору не повредит, если его считают везучим.

Он вернул мне кости. Я оглядел их, ища следы утяжеления. Чего захотел: в моем состоянии я не отличил бы пустого товарного вагона от утяжеленного индийским слоном.

- Как вы это заметили?
- Я поиграл ими на столе и обнаружил, что выбрасываю лишь эти цифры. И еще я родился в этих местах, а здешнего жителя не удивишь диктатором, который играет фальшивыми костями.
 - Очень хорошо вас понимаю.

13

Мы вернулись в Кингстон на следующий день прямым рейсом английской Вест-Индской компании. Дж. Б. заранее позвонила, и в аэропорту нас ждала пара машин, чтобы довезти до Охо Риос. Я расстался с ними возле Миртл-Банк Отеля.

Уитмор поднял в знак прощания тяжелую лапу и сказал:

— Не терзайтесь, дружище, понапрасну, Мы по-прежнему вместе. Ждите звонка.

Дж.Б. нырнула в свой пузатый саквояж и вытащила на свет пачку долларов.

— По-моему, мы должны вам за трехчасовой рейс — 244 доллара и 80 центов, так?

Я пожал плечами.

Уитмор сказал:

— Ровно 250. Не бог весть какая премия за сбитый истребитель, но нам ведь не протащить его по бюджету, — он улыбнулся. Шутка.

Я улыбнулся в ответ, сказал: «Спасибо», и они уехали, оставив меня у дверей отеля, в руке — букет ассигнаций и рядом швейцар, с любопытством разглядывающий эту сцену. Постояв, я прошел в бар.

На следующий день я проделал всю необходимую процедуру с ожидаемым результатом — ноль. В страховой компании покачали головой и выразили сожаление, что моя страховка не предусматривала конфискации. Остаток дня я обивал пороги

различных ямайских административных инстанций, заглянув по пути и в британское консульство на предмет выяснения, не отпустят ли мне там хоть малость дипломатической поддержки.

Ямайские власти просто не желали ничего знать. Республика для них была малознакомым понятием где-то там, за горизонтом. Они охотно верили, что в тех краях не только конфискуют самолеты, но едят детей и голыми среди бела дня танцуют на улицах. Что с этим поделаешь? Дикари!

В консульстве посочувствовали и сказали, что запросят Комитет межминистерских связей в Лондоне, чтобы те запросили министерство иностранных дел с просьбой запросить консула в Санто-Бартоломео. Я щелкнул в кармане фальшивыми костями и пошел звонить Диего Инглезу, чтобы сообщить о перерыве на неопределенное время в уроках по летному делу. Найти его мне не удалось, и к пяти часам вечера я был уже у себя, в баре Миртл-Банк Отеля.

Вторник — то же самое, только все меньше оставалось тех, кому я еще мог пожаловаться. Поэтому я заглянул в Клуб летчиков, чтобы спросить, не нужен ли им пилот, но у них тоже было межсезонное затишье. Диего по-прежнему нигде не было. Я вспомнил знакомых ребят из компании по опрыскиванию плантаций с воздуха, но для меня это было немалым решением: идти к ним — если, конечно, они вообще нуждались в моих услугах, — другой образ жизни, другая техника полетов. Я решил подождать, пока не развяжусь с Уитмором. Уже в четыре часа я был в баре.

Часом позже бармен пододвинул мне телефон, и я взял труб-

ку. Звонила Дж.Б.

— Хозяин хочет угостить вас пивом. Возьмите такси за наш счет. О'кэй?

Я хотел напомнить, что у меня есть «джип», но передумал: если предстояла серьезная выпивка, он мне там был не нужен.

— Олл райт, куда ехать?

— Знаете дом под названием Оранарис? Он его эрендует.

Я ответил, что знаю и буду через пару часов.

Ямайских таксистов шестидесятипятимильной поездкой не напугаешь, и швейцар без труда нашел одного для меня. Мы поднялись в холмы до Кастлтона, спустились в Порт-Марию и понеслись по северной береговой магистрали.

Оранарис, что на ямайско-испанском диалекте значит «Золотой нос», представляет собою цепочку фешенебельных современных коттеджей вокруг Оранабеса («Золотой рот») и возле Боскобельской взлетно-посалочной полосы. Вольшей частью там все названия начинаются с «Ора» — «Золотая голова», «Золотой глаз». Дом, снятый Уитмором, принадлежит писателю, достаточно богатому, чтобы жить в Лондоне, сдавая большую часть года в аренду свои ямайские владения. Кинозвезды на отдыхе часто здесь останавливаются...

Сам по себе коттедж был не велик — ничего похожего на большие просторные дома, построенные в холмах викторианскими плантаторами. Но все в коттедже было — высший класс: длинное низкое бунгало, расположенное по трем сторонам гаража на четыре машины, крыша — из модной деревянной плитки, на окнах — элегантные белые ставни от ураганов, снаружи просторный патио, выложенный мрамором. Главным плюсом было то, что ваше владение действительно было вашим: здесь имелись три акра огороженных джунглей с выходом в небольшую бухту и пляж, доступный извне только с воздуха или с моря.

Ворота были открыты, и Дж.Б. встретила меня в гараже. На ней оказалось прохладное на вид платье из белых кружев, в руке — обычная пачка долларов. Она расплатилась с таксистом

и провела меня через дом в патио, выходящий к морю.

Первое, что бросилось мне в глаза, — это холодильник сменя ростом, соединенный кабелем с розеткой через открытое окно. По обе его стороны сидели, развалясь в шезлонгах, Уитмор и Луис. Третьим в компании был Диего Инглез.

Я все еще дивился тому, как он попал в сей магический круг.

когда Уитмор обратился ко мне:

- Привет, дружище. Пива или виски?

- Пива, пожалуйста.

Луис вытянул руку и резко дернул на себя дверцу холодильника. Одновременно Уитмор просунул лапу внутрь и вытащил бутылку пива «Рэд страйп». Луис захлопнул дверцу. Сыгранность команды была безупречной, и главное, - ни тому, ни другому не пришлось даже на миллиметр шевельнуться в кресле.

Уитмор насадил край пробки на ручку кресла, хдопнул по ней своим могучим кулаком и бросил мне открытую бутылку. Не теряя вертикального положения, она по длинной дуге

прилетела мне прямо в руку.

Я отпил глоток, сел в ближайшее кресло и сказал Диего:

- Второй день пытаюсь вас отыскать. Он улыбнулся мальчишеской улыбкой.

— Я уже слышал печальные новости. Мне очень жаль. Fan 1 1 1 1 1

Уитмор сказал:

 Помните, вы говорили, что он может выправить испанскую часть сценария?

Диего махнул рукой.

— Сделаю, что смогу, сеньор Уитмор, но я не писатель...

— Черт возьми, это же ваш родной язык, разве нет? Только это нам и нужно. Кто нам не нужен — это еще один вщивый писака, — он перевел взгляд на меня. — Есть хорошие вести, дружище. Мы раздобыли для вас еще один самолет. Дж.Б., покажите ему телеграмму.

Она передала мне бланк со следующим сообщением:

«Нашел в Буэновентуре В-25 в хорошем состоянии точка просят 15000 но могу взять за 12000 с доставкой в Барранкулу в любое время тчк». Подписано какой-то испанской фамилией.

Я задумчиво вернул Дж.Б. телеграмму. Она сказала:

— Я телеграфирую согласие на сделку после нашего осмотра самолета в Барранкуле. Мы слетаем туда, как только сообщат о его доставке, о'кэй?

— Если цена двенадцать тысяч, ему должно быть не менее двадцати лет, — сказал я медленно. — Он никак не может быть

в очень уж хорошем состоянии.

— Но на нем можно будет летать? — спросил Уитмор.

Я пожал плечами.

— Если он долетит от Буэновентуры до Барранкулы — а это пятьсот морских миль — значит, он может все что угодно. Вы точно знаете, что самолет в Буэновентуре, а не сидит себе спокойно с самого начала в Барранкуле?

Последовала перестрелка встревоженных взглядов. Эти люди в свое время облапошили, наверное, немало народу, но покупать старый, износившийся самолет им, похоже, раньше

не доводилось.

Диего произнес:

— Вы, сеньорита Пенроуз, с этим агентом, видимо, не встречались, — он кивнул на телеграмму в ее руке, — но моя семья имела с ним дело. Он честный человек.

Атмосфера подозрительности рассеялась. Уитмор потянулся в кресле, почесался под рубашкой и сказал:

— Что ж, о'кэй. Вы, дружище, справитесь с В-25?

На краю патио, за спиной Уитмора, для удовольствия колибри в бетонном основании была установлена засохшая ветвь, на сучьях которой висело с дюжину узкогорлых кувшинов с подслащенной водой. Вокруг них несмотря на поздний час все еще вертелось несколько колибри, быстро-быстро машущих крылышками. Они то и дело совали длинные клювы в кувшины в надежде на последнюю выпивку. Для них

полет был просто полетом — и никаких забот о том, подойдет или нет новая пара крыльев...

Я пытался вспомнить все, что слышал о В-25, известных также под названием «Митчелл». Но вспомнилось только то, что после войны никто всерьез не летал на них уже двадцать лет, — разве что в Южной Америке. И еще: они, кажется, имели большую грузоподъемность, поднимали в воздух адский шум и при первом знакомстве были не просты в управлении.

Я сказал:

— Думаю, что справлюсь.

Уитмор откликнулся:

— Чудно-чудно. Й после воскресных приключений мы решили заключить с вами новый договор. Покажите его ему, Дж.Б.

Она протянула мне бумагу, где все было то же самое, кроме оплаты: теперь вместо двадцати доларов в день и еще десяти за каждый летный час плюс издержки я получал просто сотню монет в день. Благородный жест, если учесть, что не по его вине я потерял «Ласточку», хотя и не такой щедрый, как он, наверное, думал. Мне едва этого хватит на очередной взнос в счет оплаты «Ласточки», конфискована она или нет — не важно, да еще остается капелька про запас на Контроль-4, если таковой когда-нибудь будет. Тем не менее он по-прежнему ничего мне не был должен.

Я постарался улыбнуться повеселее и сказал:

— Могу я называть вас Дж.Б.? При ста долларах в день?

— Подписывайте бумагу!

Я подписал.

У Луис вздохнул.

— Только и делает, что подписывает контракты. Говорю вам, друг мой, вы и не заметите, как промочите ноги.

Уитмор бросил на него острый взгляд и повернулся ко мне.

— Когда у нас будет свой самолет, вам придется работать с той полосы, — он кивнул в сторону Боскобела. — Поэтому мы снимем вам комнату здесь в отеле.

Я кивнул. У меня было предчувствие, что на 3000-футовой боскобельской взлетно-посадочной полосе у нас с «Митчеллом» номер пойдет на пределе возможностей: как и другие американские средние бомбардировщики того времени, он был предназначен для 6000-футовых полос, которые стали стандартными к 1940-му году благодаря всемирному использованию «Дакоты».

Диего вежливо спросил:

— Теперь, когда появился другой самолет, могу я возобновить уроки, сеньор?

Насчет этого я отнюдь не был уверен. Я еще не знал, каков «Митчелл» в упряжке, но мне был известен его возраст и тот факт, что это был военный самолет, бомбардировщик, в котором удобно бомбам, а не пилотам.

Вмешался Уитмор:

 — А почему нет, черт возьми? Пусть мальчик побалуется, пока сам оплачивает горючее. Может быть, он вам пригодится в роли второго пилота во время съемок.

Мысль была неплохая. Если мне придется иметь дело в воздухе с кучей режиссеров и операторов, орущих друг на друга и дружно требующих невозможного, второй пилот, пусть даже и неопытный, вполне мог пригодиться.

Я пожал плечами.

- Хозяин вы.
- О'кэй. Значит, мальчик может летать.

Он заявил это как бы заглавными буквами. Очевидно, Диего был допущен в избранный круг, хотя и не мог понять почему. Он был приятным молодым человеком, но не типа «лей-пью-до-дна» и тем более не профессионал — ни в чем. А Уитмор, судя по всему, предпочитал профессионалов. Поэтому-то я и был здесь: когда-то я был профессиональным летчиком-истребителем. И поэтому в мужской в остальном круг была допущена Дж.Б. — как адвокат-специалист. И Луис, несмотря на нытье по поводу промоченных ног, безотказно лез в воду, когда того требовал сценарий.

Но Диего? Этого я не мог понять.

Я допил пиво, Уитмор и Луис повторили свой номер, и вторая бутылка оказалась у меня в руках. Последние отблески света исчезли с неба: восход и заход солнца в ямайских тропиках — дело мгновенное. У стены появилась пара ящериц, они заняли свою, видимо, постоянную сторожевую позицию и замерли в ожидании неосторожных насекомых.

— Как идут съемки? — спросил я, чтобы поддержать разговор. — Обновили чьи-нибудь чужие сценарии?

Луис улыбнулся, Уитмор покосился на меня.

— Дружище, значение имеет только боевой сценарий — тот, по которому идут съемки. И даже он — ничто по сравнению с самой картиной. Не можем же мы шататься по кинотеатрам с копией сценария и раздавать его, приговаривая: «Фильм вышел, может быть, и дрянной, но сценарий вам должен понравиться».

Дж.Б. сказала:

 Мы отстаем на три дня, и это стоит нам пятнадцать тысяч долларов. Уитмор махнул бутылкой.

— А кто не отстает при съемках на местности? Назовите того, кому это удавалось. Да, вот, — он обернулся к Луису, —

помнишь Дюранго?

Луис хихикнул и рассказал историю о фильме, который они снимали пятью годами раньше в Мексике, — когда Уитмор еще не был продюсером. Последний послал к ним популярного певца, чтобы тот сыграл роль ковбоя. Обнаружилось, что певец не знал, где у лошади голова, а где квост, и из какого конца пистолета стреляют.

Уитмор на четыре дня напрочь остановил съемки — продюсер и банки в Нью-Йорке лезли на стену, — все эти дни он обучал парня верховой езде и стрельбе из пистолета. В конце концов певец сломал себе большой палец, которым он играл на гитаре, но критики провозгласили, что Уитмор ему и в под-

метки не годится. Сборы от картины были огромные.

Диего вежливо посмеялся в конце, но я не был уверен, что он понял суть. Я сомневался, понял ли сам, — если только Уитмор не собирался предложить ему курс обучения выездке и стрельбе по мишеням наряду с моими уроками самолетовождения.

Вскоре Диего вспомнил, что в одиннадцать у него свидание в Кингстоне, И спросил, не хочу ли я поехать с ним в его «ягуаре»? Я не хотел, конечно, но это, похоже, был единственный шанс вернуться домой сегодня вечером, и мне пришлось согласиться.

Когда мы, вылетев из Порт-Марии, взвились на холмы, он спросил:

- Новый самолет, сеньор, он очень волнующ, да?

- Надеюсь, что нет.

Он ухмыльнулся.

 Ах, я забыл: вы не сторонник риска. Но для меня самолет, который участвовал в войне, это, так сказать, романтическая реальность.

Только не для меня. Я почти ничего не знал о «Митчеллах», но если это военный самолет, то темперамента и склонности к неприятным фокусам у него куда больше, чем у любой гражданской машины. Военный самолет — это скаковая лошадь, которую вы изо дня в день, из года в год холите, готовя для Дня Скачек.

Все будет очень не похоже на «Ласточку»,
 И опыт ничего вам не даст: если ваша компания полностью не свихнулась, в будущем вы будете имет дело с самолетами типа «Ласточки».

— Может быть. Но для меня это вызов — иметь право говорить: «Я летал на этом самолете».

-- Едва ли нас ожидает слава: несколько минут во время

съемок - только и всего.

— Поистине, вы не романтик, сеньор, — он дернул рычаг переключения скоростей, и мы чудом обогнули почти невидимую в темноте скалу.

Справившись с дыханием, я сказал:

— Если это романтизм, то я лучше пойду пешком.

Он был полон раскаяния.

Вы абсолютно правы. Надо быть живым, чтобы летать на

этом самолете, — он убрал ногу с педали.

Рассуждение было верным и для него неожиданным. Я только надеялся, что он не решил приберечь свой «романтизм» до встречи с «Митчеллом». Впрочем, в настоящий момент я был вполне доволен тем, что остальную часть пути мы проделали всего лишь вдвое быстрее, чем мне бы хотелось.

14

Дж.Б позвонила мне в Миртл-Банк через два дня, вечером: «Митчелл» в Барранкуле, и не буду ли я так любезен, чтобы протрезветь до утра и не опоздать на рейс Вест-Индской компании до Сан-Хуана, оттуда рейсом «Пэн-Америкэн» до ... оттуда ... —Барранкула лежит в стороне от главных аэролиний. Я предложил ей выбросить все это из головы, позвонил одному знакомому и заказал два крайне неофициальных места на венесуэльском грузовом самолете, направляющемся утром в Маракаибо. Оттуда до Барранкулы только 200 миль через границу.

На последнюю часть пути нам пришлось нанять частный самолет, но мы оказались в Барранкуле на 12 часов раньше, чем по ее графику. И там за последним ангаром нас ждал

«Митчелл».

Сегодня военный самолет имеет такую же обтекаемую форму, как и гражданский. Но — так было не всегда, и «Митчелл» родился в то время. Это была тонкая, с квадратными боками машина, с длинным, пренебрежительного вида прозрачным носом, высоко сидящими изогнутыми крыльями, огромными двигателями и винтами. Толстые большие колеса были похожи на гигантские богинки. У самолета был вид старого солдата, согнувшегося под тяжестью своего снаряжения.

Но этот солдат был действительно очень старым.

Дж.Б. уставилась на «Митчелл» с выражением болезненного

недоверия на лице. Помолчав, она сказала: «Ичсус!»

Я пытался уговорить сам себя. Прозрачный нос потемнел и покрылся сетью тонких прожилок, словно нос убежденного алкоголика. Неокрашенные алюминиевые части, даже пропеллеры, были покрыты твердыми белыми лишайными пятнами — результат окисления. Краска на двигателях (какой-то идиот, чтобы сделать незаметными места утечек, выкрасил двигатели в черный цвет — самый лучший способ перегреть их в здешнем климате) потускнела и отслаивалась. Система гидравлики текла, надо полагать, как старый башмак, так как флетнеры наполовину обвисли, а бомбовый шлюз был полуоткрыт.

Я отчетливо представлял себе все происходившее. Самолет уже минимум полгода не был в воздухе, когда кто-то, хорошо разбирающийся в авиаделе, но еще лучше в деньгах, приспособил его как раз к полету на 500 миль от Буэновентуры. В двойном смысле мне предстояло продолжать далее

самому.

Я глубоко вздохнул.

 Олл райт. Найдите, кто тут его представляет. Мне нужны: Сертификат полетопригодности, журналы технического обслуживания — их должно быть три, а также любые записи пилотов и инженерно-технического персонала. И не платите ему ни одного песо, пока я не проверю самолет и документацию.

Она с сомнением посмотрела на меня, кивнула и пошла в контору, встроенную в стену ангара. Я медленно обошел вокруг «Митчелла», лягая колеса, заглядывая в двигатели — конечно, ржавчина на головках болтов в цилиндрах — и откры-

вая контрольные панели.

Под кабиной я обнаружил надпись замысловатым шрифтом, почти смытую. Присев и чуть не вывихнув при этом шею, я разобрал: «Прекрасная мечтательница» и рядом — стилизованное изображение обнаженной девицы в духе сороковых годов. Значит, этот самолет и вправду воевал двадцать лет назад.

Что ж, чтобы там ни случилось, но они вернулись на нем домой — и ушли. Теперь они были генералами ВВС, фермерами или просто агентами по продаже подержанных автомобилей. И возможно, они с трудом вспомнят имя, данное ими

своей боевой машине.

Но постарайтесь, ребята, и вспомните: чем ваша «Прекрасная мечтательница» отличалась от тысяч других таких же машин. В чем она вела себя в воздухе лучше, а в чем хуже. Какие системы не ломались никогда, а какие то и дело приходилось ремонтировать. Как мужчины мужчине, ребята, — как она вела себя в постели? Потому что сейчас она — моя

девушка.

Я покачал головой, похлопал металл пониже кабины — и обжег себе руку: самолет весь день был на солнце. Прежде, чем попробовать на ощупь что-нибудь еще, я вынул из кармана кожаные пилотские перчатки и надел их.

Дж.Б. вышла из конторы вместе с маленьким человечком в солнечных очках, с черными усами и в белой шляпе с сальными пятнами. В руках у нее был ворох бумаг, а на физиономии выражение в духе: «я-бы-ни-за-что-не-стала-их-подписывать».

- Сертификат полетопригодности, продекламировала она нейтральным тоном, выдан Колумбией два года назад, и в нем стоит: Limitado ограниченного использования. Что это значит?
- Нельзя предоставлять его другим, по найму или за вознаграждение. Сам владелец может летать, как ему вздумается. Я этого ожидал. А где журналы?

Она протянула их мне, три невзрачных на вид книжки в

переплетах под кожу — вроде книжек для автографов.

В журнале, относящемся непосредственно к самолету, к первой странице была приклеена справка с заголовком: «Снят с военного учета», свидетельствующая о том, что «Митчелл» отлетал 6000 летных часов, прежде чем прошел капитальный ремонт в ВВС США, в результате которого, будто бы, стал как новенький, с последующим отсчетом летных часов с нуля. Но они быстренько сплавили его в Колумбию — чтобы не признаваться позже в своей ошибке.

В Колумбии «Митчелл» отслужил как бомбардировщик еще 1500 летных часов, после чего — какой сюрприз! — капитальный ремонт снова вернул его в первичное состояние полной боевой готовности и нулевого отсчета летных часов. Тем не менее самолет опять тут же продали — на этот раз торговой компании (900 летных часов), а компания — частному лицу (еще 300 летных часов). В этом году, однако, самолет не летал, если не считать доставку сюда, аккуратно отмеченную в журнале двумя часами и пятидесятью минутами.

Дж.Б. мрачно спросила:

— Ну, и как?

Я пожал плечами.

— Чего-то в этом роде и следовало ожидать. Может быть, все так и есть, как тут написано... Может быть, нет...

— Сможем мы подать на них в суд?

— Если к тому окажутся причины, мы и самолет в это время будем на пути ко дну океана. Скажите ему, что заплатите, когда я проверю машину.

Она очень внимательно посмотрела на меня и произнесла

тем же нарочито нейтральным тоном:

 Он не говорит по-английски — так он заявляет. У него есть еще и другой клиент, поэтому деньги ему требуются прямо сейчас.

Я ухмыльнулся прямо в жирную физиономию под гразной панамой. Насчет «другого клиента» мне все было давным-дав-

но хорошо известно.

-- Скажите ему, — произнес я, медленно и тщательно выговаривая слова, — что, если верить бортжурналу, эта машина так же, как и его сестра, уже трижды была девственницей. Эту ночь я пересплю с ней, а ответ он получит завтра.

Наш друг, агент по продаже подержанных самолетов, застыл, точно столб. Насчет «я не говорю по-английски» мне тоже все давно было известно. Любой человек, связанный с самолетным бизнесом, не может не знать английского языка.

Дж.Б. искоса бросила на него взгляд, убедилась, что перевод излишен, и спросила:

-- Почему завтра?

— Пока не испытаю как следует двигатели, взлетать я не стану. А гонять их лучше вечером, когда воздух будет похолоднее. Завтра.

Она кивнула и протянула мне остальные бумаги: пачка грязных разрозненных листов.

- Это все, что у него есть.

Верхний лист имел заголовок: «Бортжурнал регистрации полетов В-25 №... ВВС США, закончен 15 августа 1951г.».

Дж.Б. быстро сказала:

— Если пошлете все к черту и вернетесь на Ямайку, я никому

не позволю считать это нарушением контракта.

— Спасибо. Но... — я бросил взгляд на самолет: с давней поры, когда я еще только учился летать, мне котя бы раз в полгода снился один и тот же сон — будто я сижу в самолете, которого совсем не знаю и в который не верю, инструктажа со мной не вели, но лететь я должен. И вот этот кошмарный сон был прямо передо мной.

Возможность уйти есть всегда — уходи первым.

 — Спасибо, — сказал я еще раз, — но я — пилот, и другого самолета у меня нет. Я дам ответ завтра.

Она посмотрела на меня в упор, повернулась к тому типу в панаме и быстро-быстро заговорила по-испански. Я подощел

к машине и, нырнув под фюзеляж, забрался внутрь через открытый люк, находившийся чуть впереди бомбового шлюза.

Я оказался в узкой, душной и темной кабине, высокой — почти в мой рост, но уже размаха моих рук. Впереди, ступенькой выше, где находились кресла обоих пилотов, сияла полоса света, струившегося через прозрачный нос. Я сел, оседлав крышку люка, и медленно огляделся. Темно-зеленая пластиковая звукоизоляция кусками свисала с металлическик частей, поддерживаемая местами только щитами с переключателями и предохранителями. Над моей головой я заметил заделанный чем-то круг, в который прежде была заделана турель пушки. За моей спиной металлический корпус бомбового шлюза блокировал заднюю часть фюзеляжа, оставляя лишь небольшое пространство вверху. Возле моего левого колена маленький, квадратного сечения, туннель вел к месту установки бомбового прицела в прозрачной носовой части.

Отдаленный шум аэродрома доносился снизу из люка, и это отвлекало меня: мне хотелось остаться с «Митчеллом» один на

один. Я задвинул люк, и шум стих.

Я медленно и глубоко вздохнул. Пахло бензином, маслом, пластиком, кожей, гидравлической жидкостью и потом — смешиваясь в новый для меня странный запах, свойственный только «Митчеллам», потому что каждый тип самолета имел запах свой, и это казалось интересным и почему-то тревожным тоже.

Я поднялся на ступеньку и, согнувшись, протиснулся в левое кресло пилота, тщательно следя за тем, чтобы случайно не зацепить какую-нибудь ручку или переключатель, которые, сработав, могли бы посадить самолет на хвост. Такого не должно было быть, но кто после двадцати лет службы станет ремонтировать блокировки?

В прозрачной носовой части кабина напоминала собой раскаленную топку. Кожаное сиденье жгло зад, и я почувствовал, как по спине потек пот. Тем не менее я устроился, как мог

поудобнее, и начал детальный осмотр.

Все было плохо, как я ожидал, и даже хуже. Как я смогу понять, что здесь к чему, и разобраться в управлении? Этот индикатор скорости полета имеет шкалу до 700 миль в час. Наверное, снят с реактивного самолета: никакой «Митчелл» никогда не летал и с половиной этой скорости. И что за прибор, черт побери, должен находиться тут, в пустом углублении? Тут я понял, почему меня беспокоил запах. «Прекрасная мечтательница» была женщиной, против которой меня предупреж-

дали и здравый смысл, и все мои знакомые. И все же я оказался рядом — достаточно близко. Медленно и мягко я вытянул руки, чтобы к ней прикоснуться.

Я лежал на постели в гостинице, изучая страницу из документации «Митчелла», на которой описывались семь различных типов дыма и пламени, которые могли извергаться из его двигателей, и размышлял, с каким из них я встречусь в первую очередь, когда в мою дверь кто-то постучал.

Я крикнул: «Войдите!», дверь отворилась и вошла Дж.Б. в юбке и бюстгальтере, с таким выражением на лице, как будто ее самый отрег етированный свидетель сбежал из зала суда.

— Паук размером с лошадь пробрался ко мне в ванну через сливное отверстие, — сообщила она ледяным тоном, — а телефон не работает.

Я ободряюще улыбнулся.

- Приятно убедиться, что в Барранкуле все по-прежнему.
 Фокус в том, чтобы хлопнуть по тому и другому каблуком вашей туфельки.
- Слушай, приятель, этот паук носит туфли того же размера, что и я, только восемь сразу.

Тогда мойтесь у меня.

Она посмотрела на меня, затем перевела подозрительный взгляд на ванну. Установив, который кран исправен, она принялась обрызгиваться теплой водой. Я отложил в сторону «Схему опознавания дыма и пламени» и стал наблюдать. У нее была худощавая крепкая фигурка и острые груди, более или менее умещающиеся в узком лифчике. Она поймала мой взгляд, но это ее, похоже, мало интересовало. Она не ко-кетничала своим телом, но, может быть, открывала его слегка вызывающе — чтобы презрительно поставить на место всякого, кто подумает, что это и есть истинная Дж.Б. Пенроуз.

Закончив растираться моим полотенцем, она продолжала

стоять на месте, погом спросила:

— И что же?

Садитесь и побеседуем.

— Я просто думала, — сказала она, подчеркивая каждое слово, — должна ли я провести ночь с этим чертовым тарантулом, или как там его зовут? И что предпримет в связи с этим бравый летчик-истребитель?

 Об этом я и хочу побеседовать. Но как насчет бравого голливудского адвоката? Почему бы вам не влепить ему ордер

на арест?

 — А, идите, Карр, к черту, — но тут она неожиданно улыбнулась и села на край постели.

Я полез в саквояж за хранившейся там бутылкой шотланд-

ckoro.

— Выпьем?

Она кивнула, взяла отложенную мною страницу и начала читать: «Выхлопы черного дыма, тонкие струйки серо-голубого, разнообразный серый и яркое пламя... густой черный дым...»

 Бог мой, это похоже на статьи об ответственности за нарушение контракта, которые я сочиняю. Неужели все это

происходит с «Митчеллом»?

Я поморщился. В бортжурналах, конечно, больше реализма, чем в рекламных брошюрах.

Надеюсь, не все сразу, — я протянул ей почти чистый

стакан с виски.

Благодарю, — и вдруг серьезным тоном: — Слушайте,
 Карр, вы не обязаны лететь на этой развалине.

Я справлюсь.

Она изучающе разглядывала меня.

- А вы не пытаетесь... доказать что-то такое Хозяину, а?

— Нет. Это моя работа.

Она кивнула, и некоторое время мы молчали, потягивая виски. Затем я спросил:

А теперь поведайте о первых шагах в жизни и вашей борьбе...

Она улыбнулась.

 Первые шаги сделаны в Сан-Франциско, а первый раунд в борьбе с юнцом по имени Бенни Зиммерман.

— Кто победил?

- Я. Он, наверное, все еще ползает, держась за... ну, куда я попала коленом.
 - Не стоило: могло войти в привычку.

Она посмотрела мне в глаза.

- Так и есть, приятель. Лежа на спине, процесса в суде не выиграешь.
 - Я, как мог, изобразил дружески-ободряющую улыбку.

— Как вы вообще оказались в судейских кругах?

- Как все: четыре года колледжа в Лос-Анджелесе. Еще пара лет на юридическом факультете.
 - Мне, наверное, следовало спросить: «Почему?»

Она задумчиво сказала:

 Думаю... мне это просто нравится. О, я не выставляю себя борцом за справедливость или чем-то в этом роде. Мне импонирует сам механизм судопроизводства: аккуратность в делах, порядок во всем, — она ухмыльнулась. — Может быть, я просто люблю составлять контракты так, что комар носа не подточит. Не очень возвышенно, да?

— Вы беседуете с человеком, чьей первой работой было сбивать самолеты других пилотов. Продолжайте.

— И я не имею в виду обвести кого-то вокруг пальца на примечаниях мелким шрифтом... Нет, я стремлюсь сделать все, как надо. Так, чтобы каждый получил, что хотел, и никто не терял времени, уклоняясь, нарушая или оспаривая контракт, — вроде хорошей машины, когда все детали пригнаны и все колеса вертятся. Голливуд держится на контрактах. Любой другой бизнес, конечно, тоже, но мир кино без них невозможен. Там никто, если и захочет, не вспомнит, что обещал пять минут назад. А потому — кто-то должен следить за тем, чтобы колеса вертелись. Я пытаюсь,

Я кивнул.

- Дело того стоит. Могу удостоверить, что работаете вы хорошо.

— Забавно. Я ожидала от вас услышать другое.

Я поднял бровь.

— Я и себя привык считать профессионалом.

— Я не об этом. Я готовилась к: «Не лучше ли дом и семья с кучей ребятишек во дворе», — она нахмурилась. — Или: «Почему это она не хлопается на спину с криком: «Кто хочет?» Кроме этих двух вариантов, у девушки нынче маленький выбор.

- Или: «Если ей не хочется в мою постель, значит, она

лесбиянка». Так?

 Да. Слыхала я от всяких недоносков и такое. Я переставил бутылку с виски поближе к ней.

- Что ж, вы сами предпочли жить в цитадели викторианской морали, именуемой Голливудом.

Да, предпочла, — сказала она мрачно. — Спасибо за смог и коммунизм: только они и оживляют тамошние разговоры.

Я задумчиво созерцал верхнюю, почти обнаженную, половину ее фигуры.

— Вообще-то я не ставил целью оживить разговор.

Она бросила на меня быстрый взгляд.

— Вам нет нужды соблазнять меня только потому, что мы застряли на ночь в одной гостинице.

- Я не поэтому. У меня в отношении вас и себя какое-то

ощущение... Я даже немного боюсь...

Долго-долго мы смотрели друг на друга. В комнате было очень тихо, слышался только хриплый булькающий звук кондиционера.

Наконец слабым, дрожащим голосом она сказала:

- Знаю, Кэйт, затем покачала головой. Но я как-то говорила вам, что клеймо на боку меня совсем не устраивает. Так же, как и разовый ночлег в засиженной мухами гостинице.
 - Пауками, если не возражаете.
 Она нетерпеливо улыбнулась.

— О'кэй. Но я серьезно: свяжетесь со мной — не надейтесь, что сможете в любой момент от меня отделаться. Я вам не из тех девиц-туристок с Северного побережья: ночка-другая в тени манго с прислугой по найму и прости-прощай — через пару недель назад, к мамочке. Все — о'кэй, и никто никому

ничего не должен.

— Все, как нельзя более понятно о том, что вы думаете, будто я думаю.

Помолчав, она тихо сказала:

 Простите. Знаете, будучи адвокатом, да еще в Голливуде, поневоле становишься подозрительной. Вы нравитесь мне, Кэйт, вы и ваш независимый характер.

Пододвиньтесь поближе.

Она заколебалась, встала, сделала три неуверенных, осторожных шага и села рядом. Я приподнялся и положил руки на ее голые плечи.

— У вас тоже независимый характер, ничуть не меньше. И я не стремлюсь что-то выгадать или использовать этот факт. Тем более не тешу себя мыслью, будто смогу взять над вами верх или хочу этого. Просто характер мне нравится.

Она провела пальцем по моему лицу — по лбу, носу и под-

бородку, — словно разделив его на две половины.

 — А знаете, — сказала она задумчиво, — если вам получше и почище стричься и бриться, у вас был бы вполне приличный вид.

Я притянул ее к себе (или она наклонилась), и мы поцеловались.

Она отодвинулась, в глазах у нее мелькнула искра беспокойства.

- Я тоже немного боюсь, Кэйт. А вам еще лететь завтра.
- Мне всегда лететь завтра.

Но она не сдавалась:

 На этом самолете вы лететь не обязаны. Я поддержу вас, если при возвращении вы заявите, что он никуда не годится.

 Если эта машина не послушается меня, значит, она лесбиянка.

Она рассмеялась.

- Вы даже не знаете, как меня зовут. Что означает Дж.Б. Мне казалось, что англичании никогда не соблазнит девушку. если их сначала формально не представят друг другу.

Помолчав, я сказал:

— Вы всегда успесте сообщить мне ваше имя.

Она снова улыбнулась, но тут же встала.

- Кэйт, если это то, что нам нужно, тогда подождем. Немножко, по крайней мере. — и снова — искра беспокойства в глазах, чего я никак не мог понять.

Но настроение постепенно исчезало, как дымок на ветру.

- Придет день, и...

Надеюсь, Кэйт, — она наклонилась, поцеловала меня и

Чтобы вернуться через пару секунд.

— А как быть с пауком?

Я вздохнул и протянул ей бутылку с остатками виски.

— Побрызгайте на него, и он скрючится, как Бенни Зиммерман.

Она ухмыльнулась, коснулась пальцем моего носа и снова

Когда-нибудь я не забуду захватить с собой средство от пауков подешевле, чем виски.

15

На следующее утро в половине седьмого «Митчелл» и я замерли на взлетной полосе. Было затишье между бризом с берега и бризом с моря, между утренним туманом и дневной дымкой. Лучших условий не выдумать.

В открытое окно кабины врывался оглушительный сухой стук двигателей — в нескольких футах от каждого уха. Казалось, они пожирают себя изнутри. Но поскольку звук был тот же, что и при прогоне вчера вечером, вероятно, эти машины всегда поднимали такой шум.

Я внимательно оглядел кабину. Приборы контроля полета молчали. О них что-нибудь узнать я смогу только в воздухе. Передо мной был лист из полетной инструкции, где указывалась последовательность действий и проверок перед стартом и посадкой, но ни слова о тем, при какой скорости «Митчелл» отрывался от земли — или, по крайней мере, должен был оторваться. Что ж, не трудно предположить: больше 100 миль в час. Наверное, ближе к... Нет. Хватит гадать, Карр. На этой дорожке состоится самый

молниеносный урок пилотажа в твоей жизни, и нечего забивать свой крошечный умишко сомнительными догадками.

Голос с испанским акцентом произнес:

- «Митчелл», вам разрешен взлет.

Я нажал кнопку на штурвале.
— Благодарю вас, диспетчер.

Последний взгляд вокруг. Температура двигателей и масла растет, рычаг дроссельной тяги выведен, флетнеры полностью подняты — ими я буду пользоваться, когда научусь им доверять. Люки закрыты, ремни на месте. Парашюта нет. Но кому

рять. Люки закрыты, ремни на месте. Парашюта нет. Но кому нужен парашют в первом полете? Кто вписывает в брачный контракт статью о разводе? Или велит такси ждать, ложась спать с девушкой первый раз в жизни?

спать с девушкой первый раз в жизни:

Никто не прыгает с парашютом в первом своем полете. Вовремя, во всяком случае.

Тот же голос лениво повторил:

- «Митчелл», вам все еще разрешен взлет.

Толстый дуралей, я что, по-твоему, загораю на солнышке?!

Благодарю вас, диспетчер.

Но двигатели-то, можно сказать, действительно покрывались загаром: температура подошла к красной черте. И все же еще один последний взгляд вокруг... А, черт с ним! Какникак «Прекрасная мечтательница» — все-таки самолет, а я пилот, и оба мы давно потеряли девственность. Что-нибудь да произойдет. Я перевел рычагтяги на 30 дюймов ниже максимума и снял тормоза.

Мы помчались.

Никакой управляемости, совсем. Штурвал провалился, педали поворота болтаются в разные стороны. Тянет влево. Влево? Почему влево? Карр, проснись: это американская машина, а их, в отличие от английских, поворачивает влево. Немного тормозов... Еще... Рывок... Теперь идет прямо, но старт неважный.

И все еще нет управления. 50 миль в час и все еще... ах, вот, теперь есть! Чуть-чуть правой педалью. Очень хорошо, ты не новичок, Карр, — заметила ли это «Прекрасная мечтательница?» 60... еще педаль... 75. Переднее колесо должно бы уже оторваться от бетона... Штурвал назад... еще дальше. Бог мой, ну и тяжелая махина! Проснись ты, толстая шлюха! Нос неожиданно задирается в небо. Удерживай, Карр! Осторожно, не торопи события!

80...85. Сколько еще остается разбега? И где те дополнительные 4000 футов, о строительстве которых болтали последнее время? 90... подходит к 95... пора бы взлетать. Легонько беру

штурвал на себя — и ничего.

100... Я пробую штурвал — легкими, осторожными касаниями, пытаясь уловить отзвук, готовность среагировать... Впереди — конец полосы, заросли и за ними — крыши домов.

105... Я твердо берусь за штурвал...

110... Черт возьми, кто здесь хозяин?! Ну же, валетай, шлюха!

И неожиданно, но очень плавно — словно желая показать, что сейчас самое время, «Прекрасная мечтательница» взмыла в воздух.

Внизу мелькнули кусты, затем городские постройки. На скорости 175 миль в час я направил «Митчелл» в пологий подъем, и он весело понесся по восходящей спирали, чуть вихляя, не-

уклюже, но охотно подчиняясь управлению.

Набрав высоту, я выровнял машину, снизил тягу и с интересом огляделся. Картина была все та же — как в витрине старьевщика: набор разношерстных приборов, ржавые ручки, замотанные пристающей к пальцам лентой, и ободряющие надписи вроде: «Предельная скорость 349 миль в час» — зачеркнуто и сверху написано: 275. Но хотя сейчас «Прекрасная мечтательница» и выглядела накрашенной старухой, когда-то она была молода, полна сил и еще не забыла тех славных дней.

Где-то крылась причина, почему она продержалась двадцать лет, — дольше, чем весь мой летный стаж. Было в ней что-то такое, чего не купишь за деньги.

 Прошу прощения, — извинился я, — за то, что назвал тебя шлюхой.

Пока заправляли самолет, Дж.Б расплатилась по счетам, и в 9.30 мы взлетели, на этот раз втроем — она, я и «Митчелл» — рейсом до Кингстона. Я торопился взлететь до наступления

дневной жары.

Полный набор современного радиооборудования стоил бы в три раза дороже, чем сам «Митчелл», поэтому в этом смысле мы не были перегружены. Имелся десятиканальный приемопередатчик, причем в половине каналов транзисторы отсутствовали, еще — видавший виды радиокомпас, и все. Таким образом, пятисотмильная прогулка над морем оставляла щекотливую паузу на середине пути, где я не мог поймать ни одной станции. Не то чтобы меня волновали проблемы навигации (Ямайка слишком велика, мимо нее не пролетишь), но хотелось при случае иметь возможность с кем-нибудь попрощаться.

Но такого случая не представилось, и вскоре после полудня мы приземлились в «Палисадос». Мне хотелось день-другой подержать «Митчелл» тут, где имелась длинная взлетно-посадочная полоса (на предмет возможных ошибок с моей сторо-

ны), а также силы и средства для починки системы гидравлики. Я оставил самолет за торговыми складами и пошел звонить Уитмору.

Его не было на месте, но Дж.Б. удалось разыскать Луиса в Оранарисе. Поболтав с ним, она передала трубку мне для

технического отчета.

— Скажите Уитмору, — рапортовал я, — что самолет зовут «Прекрасная мечтательница». Что она пожилая, уставшая от жизни леди, но — леди, несмотря ни на что. В носу осталось что-то вроде платформы для бомбового прицела, там вы сумеете установить камеру. С другой камерой вы можете работать через люк для пушки, который находится позади бомбового шлюза. Починка гидравлики и коммуникаций связи обойдется еще в 300 долларов. Но это, пожалуй, и все.

— Отлично. Пусть Дж.Б. подпишет что нужно, и приступай-

те к делу.

 Еще передайте боссу, что я перелечу в Охо Риос, как только приведу все в порядок. Через два или три дня.

— Передам. Вы еще не видели Диего Инглеза?

— Нет. Он должен быть здесь?

— Думаю, да. Мы с ним вместе прошлым вечером приезжали в аэропорт, полагая, что вы прилетите вчера. Мне пришлось вернуться из-за съемок, но он очень хотел увидеть новый самолет и потому остался.

- Для него, пожалуй, еще рановато быть на ногах и на-

носить визиты. Хотите еще поговорить с Дж.Б.?

— Нет. Только пусть побыстрее возвращается. Один из дублеров в съемочной группе сломал ногу и поговаривает об иске в миллион долларов. Надо, чтобы она обломала ему еще и норов.

Я повесил трубку и передал просьбу. Глаза у Дж.Б. зло

заблестели.

— Черт бы побрал этих сопляков-дублеров! В жажде прославиться выкидывают фокусы перед камерой, вывихнут шею, а потом подают на нас в суд. Я прослежу, чтобы этот ублюдок больше в кино не работал.

Она уже рвалась в путь и в бой. Я смотрел, как она помчалась к выходу. Настоящий адвокат. Может быть, даже настоящая женщина — если только адвокат позволит ей быть ею.

Я пошел наверх за пивом и сосисками — мой обычный ленч, решив заняться «Митчеллом» после того, как поем. Вести о нем уже разнеслись по аэропорту (по скорости распространения сплетен аэропорт — это маленькая деревушка), и инспектор от горючего был со мною почти вежлив. Не трудно догадаться

почему: расход топлива у «Митчелла» был около 145 галлонов в час — в пять раз больше, чем у «Ласточки».

Употребив всуе имя Уитмора и его доходы, я без труда раздобыл пару механиков, тут же занявшихся поиском гидроподводов в системе управления «Митчеллом». Судя по их лицам, они не могли поверить тому, что находили, и никак не могли найти что-нибудь, чему могли бы поверить.

Впрочем, в «Митчелле» все было так. Выпущенный в конце войны самолет претерпел при изготовлении множество поспешных модификаций. Дополнительные бойницы для пушек были проделаны, где только можно. Тут и там наляпаны защитные стальные пластины, а в каждом углу — дополнительные баки с горючим. Стех пор большая часть бойниц была грубо заделана, еще один бак вделан в бомбовой шлюз, в кабину постелен коврик и поставлены три вращающихся кресла, прорезаны четыре боковых иллюминатора и проведена система подачи горячего воздуха, напоминающая двух металлических питонов в положении 69.

Сначала я расчувствовался и хотел ликвидировать все эти украшения, приведя «Прекрасную мечтательницу» в первоначальное боевое состояние. Но идея не привилась: самолет ждали новые «улучшения» и новая работа. А в его возрасте — это само по себе было заслугой. Я принялся за дело с беспокойным чувством, что это же суждение приложимо и к пилотам.

К пяти часам, когда мои механики начали проявлять симптомы неутолимой жажды, мы уже грубо представляли себе, как (если не почему) работают все системы. Мы нашли два текущих штуцера, дырявый клапан и расхлябанную помпу. За час работы по сверхурочным расценкам (для них, не для меня) мы разобрали помпу и установили, какие детали нам нужны. Я послал телеграмму Северо-Американской компании в Калифорнии с просьбой, если таковые есть, переслать их воздушной почтой, решив на этом закончить дневной труд.

Диего не появлялся, что было странно, если он хотел посмотреть «Митчелл», — но не очень, если по дороге ему попался объект тоже двадцати лет, в меру модифицированный. Секс всегда бил в пух и прах его тягу к аэронавтике.

К тому времени, когда мне удалось излечиться от жажды и разыскать свой «джип», уже наступили короткие тропические сумерки. Когда я проходил мимо погрузочной платформы, на высоких столбах вспыхнули яркие огни, в свете которых бетон казался голубым и холодным, резко контрастируя с теплотой вечернего воздуха. Вокруг было пусто — транспортные само-

леты, не имея забот с пассажирами, соблюдали часы работы, оговоренные профсоюзом, все торговые склады, за исключением последнего в ряду, были закрыты, а в нем, кроме моего «джипа» и погрузочных тележек, никогда ничего не было. Направляясь к воротам, я объехал ряд погрузочных платформ, задержав машину возле «Митчелла», чтобы бросить на него последний взгляд. Он стоял одиноко в темноте, но имел настороженный вид, свойственный самолетам, у которых посадочное колесо в носовой части, так что они не могут сидеть, отдыхая на своих хвостах. Обвешанный амуницией старик часовой на дежурстве.

Черт! Я начинал разводить сантименты вокруг этой металлической коробки. Правда, другого объекта для сантиментов у меня не имелось, а, может быть, дело было в том, что

«Митчелл» оказался настоящим боевым самолетом.

Я уже хотел ехать дальше, когда вспомнил о листе пластика, которым я накрывал кабину и двигатели «Ласточки», когда та стояла на солнце. Теперь он в сложенном виде уже неделю лежал на заднем сиденье «джипа», и я мог считать, что мне повезло, если до сих пор его никто не стянул оттуда. Здесь еще хватает местных жителей, для которых несколько футов пластика решают почти всю проблему постройки дома. Сейчас эта штука вполне подойдет для «Митчелла». Я вылез из машины и рывком потянул пластик с заднего сиденья. И увидел, почему Диего не пришел посмотреть на «Митчелл».

Он лежал там уже довольно давно, твердый, как доска от борта пиратского галеона, лежал, свернувшись между сиденьями. Не потому, что мне так хотелось, а чтобы выяснить все до конца, я перевернул его на спину, и в неясном свете неоновых прожекторов, находящихся в дальнем конце аэродрома, разглядел пятна крови на белой рубашке. Наклонившись поближе, я увидел не одно отверстие, а множество мелких.

Потом я начал долгую прогулку по освещенному холодным светом бетону к темным огням видневшегося вдали здания аэровокзала. Следует, впрочем, сказать, что большую часть пути я бежал.

16

Дробовик, — сказал инспектор. — Если подумать, это говорит с многом.

Их пришло двое: инспектор-англичанин и сержант из местных. У инспектора были светлые холодные глаза, маленькие усики, короткие волосы и такой жестковато-опрятный вид,

типичный для англичан, служащих в полиции чужой страны. В летнем штатском костюме он ухитрялся иметь куда более подтянутый вид, чем сержант в полицейской форме. Последний был высокого роста, с тонким худощавым лицом, большими печальными глазами и небрежными свободными движениями длинных рук и ног.

Было почти десять, и мы все еще находились в комнате полиции на верхнем этаже диспетчерского пункта: грязновато-белое помещение, увешанное географическими картами с разноцветными фишками и карандашными отметками на них. На столе стояла старая рекламная модель ДС-7С, и инспектор никак не мог оставить ее в покое — то вертел подставку, то крутил пропеллеры.

Сержант серьезным тоном заметил:

— На Ямайке, сэр, дробовик не часто встретищь.

— Именно. Это не местное оружие. А во-вторых, свидетельствует о заранее обдуманном намерении: случайно дробовик с собой не захватишь. И последнее — отсюда следует, что его убили не тут.

Он посмотрел на меня с оттенком высокомерной усмешки, ожидая, что я спрошу: «Почему?»

Я сказал:

— Вы имеете в виду звук выстрела?

Он нахмурился и покрутил пропеллеры.

Именно так. Аэропорт, конечно, место шумное, но дробовик-то не могли не услышать, если его убили поблизости вчера вечером, — он кивнул в сторону склада в двухстах футах отсюда.

В холодном неоновом свете там была видна кучка автомашин: полицейский «джип», мотоциклы, «скорая помощь», а вокруг них медленно передвигающиеся темные фигуры людей, измеряющих, ищущих, совещающихся, — может быть, говорящих друг другу, что дробовик должны были услышать в диспетчерском пункте.

Я сказал:

— Совсем близко — прекрасное место для убийства: дорога к Порт-Ройял, на протяжении пяти миль — ни одного дома. Почему не оставить его там в кустах или сплавить в море? Зачем рисковать и привозить его в аэропорт, да еще прятать у меня в «джипе»?

Инспектор опять крутанул пропеллер и бросил на меня лукавый взглял.

— Может быть, хотели, чтобы подозрение пало на вас, вам это не приходило в голову?

Я пожал плечами.

— Это мне тоже непонятно. Если тому типу было известно, что мой «джип» — безопасное место, чтобы спрятать тело, он должен был знать и то, что я уехал в Колумбию и имею алиби на вчеращний вечер.

 --- Ах, да, — он полистал свой блокнот, — алиби, подтверждаемое американской девушкой-адвокатом, которая должна

скоро подъехать.

Девушка-американка, адвокат — у него это прозвучало как оскорбление.

День был долгим и трудным. Мне захотелось зевнуть, я подумал, что не стоит, но все-таки зевнул — прямо ему в лицо.

— Вам, как будто, все это безразлично, — рявкнул он, — а мне казалось, что этот человек был вашим другом.

Я снова пожал плечами.

— Я учил его летать, он платил мне за это.

Сержант заметил:

У вас на днях конфисковали самолет в Санто-Бартоломео.
 Инспектор вздрогнул.

— Где ты это слышал?

Сержант сделал беспомощный жест тонкой длинной рукой.

— Кто-то рассказывал об этом.

Инспектор гневно посмотрел на него, потом повернулся ко мне.

- Значит, у вас уже не было своего самолета ко вчерашнему дню?
- Бесспорная истина. Но все равно в это время я был в Барранкуле.

Ха, — он опять занялся моделью, — а что ж, по-вашему,

тут произошло?

— Он ждал меня вчера вечером. Скорее всего, возле «джипа», поскольку сюда я обязательно бы пришел. Кто-то застрелил его и спрятал в машине, потому что поблизости не нашлось другого удобного места.

Инспектор вяло улыбнулся.

— Вы когда-нибудь слышали выстрел из дробовика?

Сержант вмешался:

— Он не мог не слышать. Летчиков-истребителей заставляют стрелять из дробовика по глиняным фигурам. Что-то вроде обучения девиации попаданий при стрельбе.

Инспектор переметнулся к нему.

— Полагаю, об этом тебе тоже кто-то рассказал?

Сержант виновато улыбнулся.

Я заметил:

- Может быть, это был не дробовик.

— Вы действительно так думаете? Врач, конечно, всегда не

прав, но даже врач не спутает ран от дроби с...

Я в очередной раз пожал плечами. Я мог бы кое-что добавить к знаниям инспектора по обсуждаемому вопросу, но его выпад против Дж.Б. продолжал меня злить. Кроме того, предполагалось, что детектив здесь он, а не я, так что пусть «подетектирует» сам. Или спросит у своего сержанта.

Я сказал:

Тем не менее это самое простое объяснение.

— Возможно, — согласился инспектор. — А как насчет

мотива? Можете что-нибудь предложить?

— Из его намеков следовало, что по части секса он был похлеще мартовского кота. Может быть, он связался с дамой, муж которой имел в своем арсенале... дробовик.

— Да, — он кивнул, — да, возможно. Плантатор... человек, живущий за городом. Которому дробовик нужен для охоты на

мангустов.

Странно, но мангусты — бич Ямайки. Кто-то в свое время привез их, скорее всего, из Индии, для охоты на змей. Со змеями они расправились, а на десерт принялись за цыплят.

— Но, — добавил инспектор, — зачем убивать его в аэро-

порту?

— Потому что последние несколько дней его нигде не было, он гостил у Уитмора в Охо Риос. Очень вероятно, по дороге в аэропорт они с Луисом заглянули в Кингстоне в одно из заведений, облюбованных Диего, — сам Луис Кингстон знал плохо. И если вы — разгневанный муж, то в поисках Диего вы, самое вероятное, последние несколько дней околачивались в его любимых злачных местах. Далее вам только и дела, что проследить за Диего с Луисом до аэропорта, подождать, пока он останется один возле темного заброшенного склада, тихо подойти — и хлоп! Предполагая, конечно, по-прежнему, что это был дробовик, — я устал, а детективом все-таки был он. — Не знаю.

Он улыбнулся. В диспетчерском пункте прогремел динамик, и я услышал вдалеке свист садящегося «Вискаунта», 10.30 из

Майами.

Зазвонил телефон. Инспектор схватил трубку, хмыкнул в нее несколько раз, потом положил на рычаг и встал.

— Ваша свидетельница здесь, мистер Карр. Мисс... ах,

Пенроуз. И мистер Луис Монтеррей. Я вас проведу.

Мы спустились по бетонным ступеням винтовой лестницы. Дж.Б. с Луисом в окружении небольшой компании полицей ских стояли на краю погрузочной площадки. Увидев меня, Дж.Б. немедленно сказала:

— Если они пытаются впутать вас в эту историю, не отвечайте, черт побери, без вашего адвоката ни на один вопрос. Если у вас его нет, то я знаю местные законы достаточно, чтобы помочь.

Инспектор уставился на Дж.Б., как будто она выпустила раздвоенный хвост и вдебавок плюнула на «Полицейский свод законов» Мориарти.

Прежде, чем он взорвался, я сказал:

 Оставим это. Просто скажите ему, где я был вчера вечером.

— В Барранкуле, — ответила она резким деловым тоном. — Если этому человеку недостаточно моего слова, он может справиться в гостинице, в аэропорту, у агента, продавшего нам самолет, пилота транспортного самолета, который доставил нас в Барранкулу. Продиктовать фамилии?

 Позже, позже, — инспектор откашлялся и повернулся к Луису. — А вы, мистер Монтеррей, насколько мне известно,

это вы привезли сюда пострадавшего?

Луис открыл рот, но его прервал шум «Вискаунта», прокатившего за его спиной к стоянке. Когда грохот двигателей смолк, он сказал:

- -- Мы проехали сюда мимо летного клуба в семь часов. После выпивки в здании аэропорта я уехал. Это было около половины десятого. Автомобиль я оставил там, он кивнул в сторону платформы, и Диего прошел к нему вместе со мной, заявив, что подождет. Он по-прежнему полагал, что сеньор Карр может вернуться в тот вечер.
- Понимаю, инспектор повернулся ко мне. Вы намеревались вернуться вчера вечером?
- Если бы самолет оказался в лучшем состоянии, возможно... Но при том, какой он...

Инспектор кивнул и объявил:

— Как я понимаю, вы все знали этого человека, поэтому прошу принять участие в формальном опознании. Позже, может быть, придется повторить на следствии у коронера.

Луис и я одновременно запротестовали в отношении Дж.Б.,

но та оборвала меня и его:

— Мне случалось видеть умерших клиентов.

Инспектор провел нас к группе людей у склада.

Когда мы выстроились около машины «скорой помощи», сержант выдал пару распоряжений на непринужденном английском диалекте, приберегаемом им для своих констеблей, кто-то отворил дверцы и включил свет. По очереди мы забрались внутрь и вышли наружу. Внутри было жарко и чем-то пахло. Спустившись на бетон, я почувствовал холодный пот на лбу.

Инспектор тихо сказал:

 — Я думал, вы видели трупы и раньше, мистер Карр, в Корее.

- Нет. Пилоты убивают людей, но они не видят их свер-

xy.

Он хмыкнул и повысил голос:

— Узнали вы его?

С этим человеком я была знакома как с Диего Инглезом,
 ответила Дж.Б.

Инспектор нахмурился, услышав осторожную юридическую формулировку, и повернулся ко мне. Я кивнул.

— Это Инглез.

Луис сказал: «Да».

Констебль в белом шлеме протянул инспектору пачку бумаг. Тот пролистал их и выбрал маленькую книжку. Помолчав, он пояснил:

 Это паспорт, обнаруженный при убитом. Полное имя у него, как будто, Диего Химинес Инглез.

Я сказал:

— Как?

Он удивленно посмотрел на меня.

— Это что, противоречит вашим умозаключениям?

Теперь нет, теперь не противоречит: мне следовало об этом помнить. Испанский обычай соединяет в имени сына фамилию отца и матери, но впереди ставится имя отца. Сын Хуана Смита Джонса — Роберто Смит Браун. Значение имеет только среднее имя — я должен был это помнить.

— Химинес, — медленно произнес я, — это слегка меняет

ваше расследование, так, инспектор?

- Прошу прощения, - он, казалось, был в недоумении.

Химинес, черт побери. Глава повстанцев в республике
 Либра. Диего, надо полагать, его сын.

Инспектор взглянул на сержанта.
— Это тебе тоже кое-кто рассказал?

Я слышал о Химинесе, сэр, — неохотно ответил сержант,

но я не видел паспорта.

Инспектор уставился на документ в руке, как будто там должно было быть написано: «Сын известного главаря бунтовщиков».

— Это же венесуэльский паспорт.

Я сказал:

— Семья его матери из Венесуэлы. Куча денег, наверное. Там-то Химинес, вероятнее всего, и находит поддержку. А вы пустили парня сюда и ничего не сообразали.

Я не учил его летать, — отрезал он в ответ.

Теперь я понимал, откуда все мои неприятности. ФБР было известно, кто такой Диего. Республике — тоже. Им просто не приходило в голову, что я могу быть настолько глуп, что не буду знать... И вот меня зачислили в повстанцы.

И я потерял «Ласточку».

Затем я вспомнил еще кое-что и повернулся к Дж.Б.

— У вас в контракте была его фамилия. Он же работал на...

Нет, он у нас в списках не значился: план Идди, помните? Он шел вне бюджета — знаете, накладные и другие расходы.

Я хмуро посмотрел на нее, потом на машину «скорой помощи», потом на инспектора.

Тот сказал:

- Что вы имели в виду; когда заявили, будто это меняет расследование?
- Бог мой, я же учил его летать на двухмоторном самолете. Он наверняка планировал завозить оружие или еще чтонибудь в Республику, а те догадались.

Инспектор издал какой-то неопределенный горловой звук и

спросил с отвращением в голосе:

— Так вы считаете, что с ним расправились?

— Что ж, это, по крайней мере, мысль. Он поразмыслил, затем улыбнулся.

— Но это значит, они послали наемника и, скорее всего, самолетом. А это, в свою очередь, значит, что дробовик пронесли через таможню. А как?

- Забудьте вы о дробовике. Неужели вы никогда не слы-

шали о змеином пистолете?

Он не слышал. Откуда? На острове, где проблема — мангусты.

Я вздохнул.

— Возьмите обычный револьвер, 38-го калибра или больше, спилит нарезку в стволе. Выньте пули из патронов, заполните патроны дробью, заделайте открытый конец мылом, и перед вами — змеиный пистолет. Кучность выстрела достаточна, чтобы прихлопнуть змею в двадцати шагах. На близком расстоянии можно убить и человека, даже если вы из тех, кто не способен попать с десяти футов в стену сарая. Эта штука вполне уместится у вас в кармане, и шума от нее не больше, чем от обычного 38-го. А Республика — страна змей.

Последовала долгая пауза, во время которой все смотрели на меня. Потом инспектор сказал:

— Откуда вы-то все это знаете, мистер Карр?

Дж.Б. быстро вмешалась:

— Вы не обязаны отвечать.

— К черту. Я переделал свой пистолет в Корее, потому что стрелок я никудышный. Со змеиным пистолетом я, по крайней мере, мог убивать змей.

Инспектор повернулся к сержанту.

— А о змеиных пистолетах тебе не рассказывали?

Сержант бросил на меня укоризненный взгляд и покачал головой.

— Нет, сэр, — грустно сказал он.

Инспектор снова удостоил меня вниманием.

 Кое-кто мог бы подумать, что вы немалое время скрывали важную информацию.

— Кое-кто мог бы подумать, что детективом здесь числюсь я.

Его глаза сверкнули.

— А в настоящее время у вас нет случайно змеиного пистолета?

Из ушей Дж.Б. пошел пар. Я просто приятно улыбнулся.

Луис быстро сказал:

— Инспектор, друг мой, разрешите сделать небольшое предложение. Может быть, вам поменьше волноваться из-за мистера Карра, а побыстрее сообщить какому-нибудь из ваших министров о том, что у вас на руках убийство, которым завтра заинтересуются венесуэльский консул, богатое семейство из Каракаса, очень вероятно — Республика и уж наверняка американские журналисты из Майами. И у каждого — букет неудобных вопросов.

Инспектор воззрился на Луиса. Международный аспект случившегося ему и в голову не приходил — типично для

местного жителя. Но не всегда остров — только остров.

Луис одарил его чисто испанской, бесконечно грустной улыбкой.

— Вы же знаете, мой друг, политика...

Инспектор знал. Он взвесил слово «политика» на кончике языка, с отвращением пожевал и неохотно проглотил.

— Ни один из вас не должен уезжать с Ямайки, — объявил

он официальным тоном.

— Мы тут снимаем фильм, — напомнила Дж.Б.

— Очень хорошо. Все свободны, — он развернулся и зашагал к зданию аэровокзала. Сержант бросил мне на прощание еще один грустный взгляд и побрел следом за ним, Луис посмотрел им вслед, потом сказал:

— Мы на машине кинокомпании. Вас подбросить?

Мой «джип» стоял внутри склада, и на нем кишели эксперты, поэтому я кивнул, и мы медленно пошли через ярко освещенную погрузочную площадку.

Дж.Б. неожиданно сказала:

 Надо подумать и о наших контактах с прессой. Нельзя допустить, чтобы Хозяин оказался замешан в революции.

 Тогда постарайтесь, чтобы он не вписал случившееся в сценарий, — предложил я.

Луис поморщился.

На полпути в Кингстон Дж.Б. напомнила:

— Скажите водителю, где вас высадить.

Но, развязавшись с полицией, я уже успел поразмышлять о том, о сем. Да и пора было.

Я сказал:

 — Я еду с вами. Мне надо перекинуться парой слов с Уитмором.

— Когда мы приедем, он уже будет спать.

Не думаю. А если да, что ж — придется его разбудить.
 Она была шокирована.

— Это невозможно!

— Ничего. Скажете ему, что я наконец проснулся тоже.

Помолчав, она наклонилась вперед и велела водителю ехать прямо на Северное побережье.

17

В Оранарис мы приехали в час ночи, но задние окна бунгало еще светились. Дж.Б. направилась вокруг дома в патио.

Уитмор сидел в том же кресле возле холодильника, одетый в причудливую смесь из пляжных принадлежностей и обносков Боливара Смита. Поверх всего на нем был старый, замасленный, вышитый бусами красный халат. Справа на столе — бутылка виски, а слева — куча отчетных ведомостей, сценариев и вестернов в бумажных переплетах.

Увидев меня, он удивленно прищурился, затем спокойно

сказал:

- Привет, дружище. Пиво или виски?
- И то, и другое.Так плохо, а?

Я только пожал плечами, Луис пересек комнату и открыл дверцу холодильника, Уитмор исполнил сцену открывания бу-

тылки «Рэд страйп» и бросил ее мне. Луис отыскал стаканы и налил в них виски для Дж.Б. и другой моей руки.

Дж.Б. плюхнулась в кресло, как-то сразу уставшая и поблед-

невшая, отпила виски и начала скороговоркой:

— Все так и есть. Его, должно быть, убили вскоре после того, как Луис уехал. Похоже, стреляли из зменного пистолета — Карр это вычислил. Пистолет...

 Я знаю, что такое зменный пистолет, — прервал ее Уитмор. Он посмотрел на меня, потом снова на Дж.Б. — И что

считает полиция?

 Они взяли у нас показания, пытались попинать Карра, но только отшибли себе ноги. Пожалуй, и все, за исключением одной новости: Диего, как будто, на самом деле был...

— Стойте, — вмешался я, — дальше я сам.

Теперь все смотрели на меня. Уитмор и Луис с профессионально непроницаемым видом, Дж.Б. с серией быстро меняющихся выражений на лице — скорее всего, просто упражняя физиономию. Потом она кивнуда и отпила виски.

Я сказал:

- Диего - сын Химинеса, и вы знали это с самого нача-

Я неожидал бурной реакции — не от этой тромцы, и эффекта от моей декларации был — ноль: оба актера продолжали сидеть, как собственные изображения на стоп-кадре, а Лж.Б. не отрывалась от стакана.

Уитмор хладнокровно спресил:

- Почему вы так думаете, дружище?

Внезапно то, что я намеревался сказать, показалось мне нелепым — в этом тихом дворике над темным морем, вокруг тишина, только бульканье холодильника и шлепки от ударов насекомых о плафоны ламп вдоль конька крыши.

Я быстро отпил из каждой руки и сказал:

— Эта поездка в Санто-Бартоломео...

Вы предложили ее сами, — возразил Луис.
О, да. Я помню. Знаете, в тот день на съемках я был как-то разочарован: мне казалось, что я так и не видел настоящей актерской игры. Как я был не прав! Я просто ее не понял: тот ваш вопрос тогда был чистой провокацией. Вы спросили, где поблизости есть постройки периода испанской колонизации. Вы знали, что я буду вынужден назвать Республику. Другая липа: вы спросили, не знаю ли я когонибудь с испанским языком. С Днего вы уже были знакомы, вам просто нужно было притащить его сюда, не удивив меня. A CONTRACT ELECTRONIC STATE OF THE STATE OF

- Почему, черт возьми, нас волнует, что вы подумаете? вежливо поинтересовалась Дж.Б.
- Доберемся и до этого. Сейчас я хочу сказать, что к вам я попал через Диего, а не наоборот. Вы с ним уже были знакомы и знали, кто он.
 - Вы делаете странные, даже дикие выводы, дружище.
- Вы забываете, я видел ее за работой, я кивнул в сторону Дж.Б. Нанимая меня, она знала все мои расходы, всю мою летную биографию. Может быть, даже разыскала отпечатки пальцев моей бабушки. Так что не рассказывайте мне сказки, будто она спуталась с Диего, даже не зная его имени. Я просто не верю, что она может допустить такой ляп в своей работе.

Последовала пауза, затем Уитмор так же хладнокровно

произнес:

- О'кэй, мы знали. Ну и что? Он был неплохой малыш и действительно знал испанский.
- Вы задали тогда и другой вопрос, сказал я, вы спросили насчет самолета для съемок: что-то о двухмоторном аэроплане, чтобы поставить камеру в нос. И этот вопрос тоже был липой ответ вынужденно приводил к бомбардировщику вроде «Митчелла». Очень кстати агент Диего тут же нашел его для вас, а вы разрешили Диего летать на нем вместе со мной. Скажите же, черт возьми, что вы и Диего планировали делать с этим бомбардировщиком?

Пауза. Луис вздохнул и сказал:

— Нам бросили вызов, Уолт. Пора раскрыть карты.

Уитмор нахмурился, фыркнул и медленно приподнял тяжелые плечи.

- О'кэй, вы догадались. Что ж, думаю, после того, как мы бы закончили съемки, а малыш научился летать на «Митчелле», я позволил бы ему использовать самолет в личных целях.
 - Каких?

Он опять пожал плечами.

— У него была мысль раздобыть горстку бомб, и, если истребители окажутся выстроены, как мы видели, он мог бы, — Уитмор щелкнул пальцами, — вот так, раздолбить их за один заход. Разом изменить соотношение сил в Республике.

— Вы хотели поддержать боевой рейд бомбардировщика? —

спросил я, не веря своим ушам.

— Черт! Вы же видели, какие ублюдки там командуют.

Я огляделся. Дж.Б. сидела, сгорбившись, в кресле, упорно созерцая виски в стакане. Луис, склонившись над холодильником, задумчиво открывал и закрывал дверцу.

— Вы все это знали? — спросил я.

Дж.Б., хватив виски, сказала:

— Я знала. Черт возьми, в какой-то мере я это посоветовала.

— Но это же, простите, не заштатный городишко с жуликом шерифом и пьяницей мэром. Это же чья-то страна, чья-то чужая страна!

Луис с шумом захлопнул дверцу холодильника.

— Когда-то это была моя страна. Давным-давно и под другим именем, конечно. Но я учился в школе вместе с Химинесом. Он — хороший человек. Так что можно считать, это моя вина, -- он очень грустно нахмурился.

Уитмор возразил:

- Нет, черт побери, я в любом случае поддержал бы малыша.
- Понятно, я кивнул. Понятно. Что ж, по крайней мере, отсюда следует, что не так уж важно, что его убили?

Луис бросил на меня острый взгляд. Уитмор нахмурился.

— Почему вы так думаете?

— Потому что бедняга так и так разбился бы, пытаясь справиться с «Митчеллом», и если даже нет, то это произошло бы с ним при атаке. Ему стоило бы пропустить только один истребитель, и через три минуты у него на хвосте сидел бы Нед Рафтер.

— Малыш был молодец, — возразил Уитмор.

— Он был шофером-любителем спортивных авто. «Митчелл» же — самолет для профессионалов, и воздушный бой — тоже их дело! Это не так просто, как выглядит в кино. Как по-вашему, почему, черт побери, Республика платит Неду тысячу долларов в неделю или больше?

Уитмор, похоже, был задет выпадом насчет кино. но промол-

чал и потом, вздохнув, сказал:

— Что ж, возможно, вы и правы. Но у нас была и другая идея. Мы как-то думали — может, вы возьмете это дело в свои руки. А что вы скажете?

Что я мог сказать? Что, похоже, мироздание действительно начало расшатываться, если я и в самом деле сидел здесь со стаканом в каждой руке в то время, как меня спрашивали, что я скажу, если меня попросят раздолбать вдребезги ВВС чужой

страны.

А что, собственно, в этом такого уж странного? Совсем недавно тебе предлагали 750 долларов в неделю за то, чтобы ты водил истребители против каких-то повстанцев в каких-то колмах. Тогда ты не считал это странным. Олл райт, теперь предложение делает другая сторона.

Что же, может быть, и так, но эти люди не повстанцы. Двое из них — звезды Голливуда, и одна — преуспевающий американский адвокат. Безумная затея — точно из одного фильма

Уитмора.

Так что? Возможно, как раз это ему и нужно. Последние тридцать лет он играл эту роль в кино, — быть может, ему захотелось испробовать ее в реальной жизни. Быть может, ему кажется, что это также просто. Разве тебе, Карр, не доводилось и раньше слышать актера, толкующего о политике?

Вы — профессионал, — сказал Уитмор.

— Нет. Это было давным-давно.

— Например. в прошлое воскресенье над Санто-Бартоломео? — заметил Луис.

Я посмотрел на него, потом медленно сказал:

- Послушайте, Диего уже убили. Это означает...

Ага,
 Уитмор кивнул,
 мне как-то противна мысль

бросить все теперь, когда малыша прикончили.

— Бомбардировочный рейс в память Диего Инглеза, — мрачно сказал я. — Но это означает, что им там кое-что известно. Я у них в черном списке. Может быть, и о «Митчелле» они уже знают?

Луис изящно повел плечами.

— Это действительно чрезвычайно трудно. Лично я не верю, что один бомбардировщик и один пилот, да еще пилот-

истребитель, могут справиться с таким делом.

— Черт возьми, я могу это сделать, — возразил я, — я тренировался в атаках по наземным целям, и если они там будут выстроены в линию так, как мы это видели... — тут я взглянул на него и медленно сказал: — Пройдоха, хитрющий пройдоха.

Луис мягко улыбнулся. Уитмор нетерпеливо бросил:

— Сделайте рейд, и получите назад свой самолет.

Помолчав, я спросил:

— Каким, черт возьми, образом, вы можете мне это обещать?

Мы можем получить от Химинеса письменную гарантию:
 захватив власть, он первым делом вернет вам самолет. О'кэй?
 Дж.Б. покачала головой.

— Давайте все начистоту, босс. У нас уже есть такая гарантия Химинеса. Мы получили ее в тот вечер в Санто-Бартоломео. Это и было подлинной целью нашей поездки, мы договорились встретиться с Химинесом в окрестностях города. Вы тогда уже остались без самолета, и поэтому мы попросили гарантийное обязательство. На всякий случай.

— На всякий случай, — повторил я задумчиво.

— Вы — свободный человек, Карр, — бросила она, но не взглянула в мою сторону, - и никакого контракта не подписывали. Логовор по части кино остается в силе, что бы вы ни

решили.

Но насколько я был свободен — без «Ласточки?» Я по-прежнему должен был платить за нее, а, как только съемки закончатся, денег для этого у меня не остается. И Лондон тут же начнет палить в меня шестнадцатидюймовыми адвокатами. Я это выдержу, но другого самолета у меня больше не будет. Тем не менее это еще не причина, чтобы ввязаться в чью-то войну.

Я сказал:

— Эта гарантия может ни черта не стоить...

— Я лично гарантирую обещание Химинеса, — резко сказал Луис.

— Да? Но вы не можете гарантировать его победу в революции, что бы я там ни следал. Он, возможно, никогда и близко не будет возле моей «Ласточки».

Луис посмотрел на Уитмора. Тот, выдержав паузу, сказал:

— Скажем так: вы делаете рейд и получаете какой-нибудь самолет. Если Химинес не захватит власть или нарушит обещание, вы оставляете себе В-25. Летайте на нем, продайте его — дело ваше. Должен же он чего-то стоить — может быть, даже те двенадцать тысяч, что я за него заплатил. Все ваше, дру-

Я улыбнулся.

 А если меня по ходу дела схватят, самолет окажется мой. а не ваш, так?

Он пожал плечами, медленным мощным движением.

— Дадите себя поймать, и думаю, генералов не очень будет волновать вопрос, чей это был самолет.

Тут он был прав, конечно.

— Он все еще не сказал, что согласен, — заметила Дж.Б.

Разве? О, я согласен, олл райт.

На этот раз она посмотрела прямо мне в глаза — спокойным сосредоточенным взглядом, может быть, даже слегка разочарованным. Потом глубоко вздохнула.

 О'кэй — тогда следующая проблема. К полудню из Майами приедут журналисты. Если они увидят бомбардировщик, то кто-то из них может натолкнуться на правильную мысль. Где мы его спрячем?

— Спрячем? — рот мой так и остался открытым, но я тут же понял, что она права. Теперь, когда я знал, зачем нам «Митчелл», цель его покупки казалась до жути очевидной.

Пулемет под подушкой, инспектор? Ах, да — это на случай, если в комнате окажется скорпион.

Поможет делу, если перебросить его сюда, в Охо Риос? —

спросила Дж.Б.

- Бог мой, а с одного двигателя снят гидравлический насос! я задумался. Впрочем, наверное, я смогу поднять его в воздух и в таком виде. Но не сюда. Ваши журналисты захотят взять интервью у Уитмора, так что я поведу «Митчелл» в Порт-Антонио. Туда им заявляться причин нет.
 - Сделайте это до ленча.

Я послушно кивнул.

— Когда газетчики доберутся до вас, не пытайтесь ускользнуть: им это покажется подозрительным. Расскажите, что можно, но не очень распространяйтесь о полете в Санто-Бартоломео.

Я снова кивнул, бросил взгляд на стаканы в каждой руке, вспомнил, что должен лететь, и поставил их на стол. Дж.Б., заметив это, встала.

— Вы, Карр, можете снять комнату в Зеленом парке. Я вас

провожу.

Уитмор встал и медленно-медленно потянулся — жест, от которого просторный двор стал на миг чем-то вроде пляжной кабины.

 Встретимся через пару дней, дружище. Тогда и обговорим все подробности.

Когда мы выходили, Луис вежливо кивнул.

В тусклом полусвете стоянки Дж.Б., прежде чем открыть дверцу машины, сказала тихим голосом, чтобы не разбудить водителя, спавшего за рулем:

Похоже, подрядились на новую работу. Карр?

Я задумчиво кивнул:

— Выглядит действительно так, а?

— Чисто из любопытства — почему вы согласились?

— Вы меня уговорили.

- Вы все еще свободный человек, Карр, оборвала она меня.
- Разве? Что ж, я получаю назад «Ласточку». И может быть, имеет значение, что Диего убит.

Она помолчала, потом тихо спросила:

— Вам очень не хватает службы в ВВС?

— Оттуда меня, между прочим, не уволили — тем более после Кореи. Сейчас я бы командовал эскадрильей, а может быть, летным крылом.

— Почему же вы ушли?

Я пожал плечами.

— Сколько бы нашивок ни было у вас на рукаве, у когонибудь их все-таки больше. Теперь, по крайней мере, я могу предложить всем и каждому укусить собственную задницу.

- Как, например, вы только что предложили Хозяину?

Я удивленно взглянул на нее.

— Но, по-моему, вы сами помогали планировать это дело.

— Да. Когда это было просто прихотью Диего. К черту! — похоже, она рассердилась, но сама не знала на что. — Всегда одно и то же: стоит Хозяину бросить клич в погоню за нехорошими людьми — и каждый прыгает на коня.

— Но коней покупает он. А теперь разбудите водителя и сообщите ему, что он удостоен чести вести танковый батальон

в Санто-Бартоломео.

Она бросила на меня быстрый, пронизывающий взгляд и резко дернула дверцу машины.

18

Я поднял «Митчелл» в воздух как раз перед тем, как сел первый самолет из Майами, и имел интригующий перелет в Порт-Антонио — почти 50 миль от Охо Риос вдоль берега — с отсоединенными трубами гидромагистрали, закупоренными с концов пробками, и опущенными в течение всего полета колесами.

Насчет журналистов Дж.Б. оказалась права. Когда я вернулся назад, они жужжали в Миртл-Банк, как исстрадавшаяся от жажды саранча, спихивая друг друга со стульев у стойки бара, чтобы пробраться к телефону и передать домой экстренное сообщение о том, какая захватывающая тут история, и пришлите, пожалуйста, больше денег.

И они были правы, котя лучшие сцены разыгрывались по дипломатическим каналам и почти не затрагивали Ямайку. Венесуэла брыкнула первой, выразив беспокойство за безопасность своих граждан и некоторое смущение в связи с тем, что они оказываются среди революционеров Республики. Семья Инглезов-Химинесов высказалась более непринужденно, обложив власти Республики нелестными эпитетами — скорее всего, справедливыми, но едва ли редкими для этой части света. Скорая на руку и бойкая на язык Республика, понятно, не осталась в долгу и поддержала свое реноме страны решительной и без глупостей: обдуманно перепутав, кто кого оскорбил, она предложила Венесуэле отойти в сторону и повторить свои

слова, — не забывая при этом, что «в сторону» составляет вполне безопасные пятьсот морских миль.

Это заняло первые два дня, после чего Министерство Международных Оскорблений в каждой стране передоверило дело клеркам на предмет поддержания скандала в течение обычного двухнедельного периода, с обычными нотами и обычной утечкой информации.

Со всеми этими разнообразными событиями никто и не пытался связать Уитмора с политическим аспектом убийства Диего. В конце концов вы не станете подозревать Голливуд в революционных тенденциях больше, чем католическую церковь. Конечно, у кинозвезд бывают друзья по темным углам, ну, а у церкви — в свое время? В Голливуде бунтовщик — это все еще тип, который предпочитает «порше» «ягуару» и приходит на вечерний коктейль в грязной ковбойке.

Даже я легко отделался. У журналистов относительно меня сразу родилась идея-фикс: при моем корейском прошлом я, очевидным образом, был неугомонным героем войны и искателем приключений, а следовательно, фигурой надоевшей и скучной — не один год они мусолили все ту же историю о пилотах, служивших за или против Кастро.

Со всей этой дипломатической суетой, семейными передрягами и Уитмором для меня так и так места не оставалось.

Никому не пришло в голову побывать в Порт-Антонио.

К полудню в воскресенье журналисты, сытые по горло местным колоритом, жарой и запахами Кингстона, уже убрались, кто домой, а кто на Северное побережье докучать Уитмору. Так что я без помех умывал свои печали в Миртл-Банк, когда вдруг позвонила Дж.Б. с просьбой встретить на машине кино-компании прибывающий в пять часов вечера самолет.

Кто-то из семьи Инглезов-Химинесов прилетал из Каракаса, чтобы отправить тело Диего на родину, а так как в этот день были съемки, то они решили, что будет хорошим тоном, если я составлю почетную охрану. Лично я не был в этом уверен, но Дж.Б. повесила трубку прежде, чем я смог придумать какуюнибудь отговорку. И поэтому ровно в пять я в выходном костюме относительно выбритый и настолько же трезвый ждал около таможни.

Сначала я не обратил на нее внимания. Точнее, не совсем так: чтобы ее не заметить, я должен был бы быть слепым, — мне просто не пришло в голову подумать о ней как о человеке, прибывшем за телом Диего. Хотя одета она была в черное: прямое, без рукавов, короткое шелковое платье обнажало ее

ноги почти так же, как руки, плюс черный шелковый шарф и

черная сумка из крокодиловой кожи.

Я смотрел на нее отвлеченно — как в ресторане смотришь на поданный соседу Caneton a l'orange*, когда знаешь, что самому придется обойтись бутербродом. Как вдруг она поймала мой взгляд, подошла и спросила:

- Капитан Карр?

 Уф... просто Кэйт Карр. Вы мисс... ах, — я попытался вспомнить фамилию Диего, но она протянула мне тонкую смуглую руку и сказала:

— Хуанита Химинес.

Я только мотнул головой. На расстоянии она казалась соблазнительной. Вблизи ее ударная мощь была, как у крупно-калиберного орудия. Я старался сообразить, как эта девушка могла быть сестрой Диего. Хотя у обоих были темные глаза и волосы, и если поднять его живот дюймов на восемнадцать и расщепить надвое... Ее центр тяжести определенно был смещен вперед, что хорошо смотрится на женщинах и аэропланах.

Я внезапно очнулся и сказал:

- Машина компании там, снаружи. Покажите, где ваш багаж, я погружу его в багажник, и водитель доставит вас, куда пожелаете.
 - В Зеленый Парк. Это, кажется, где-то за Кингстоном.

Дж.Б. могла хотя бы предупредить.

— «Где-то» — это 60 миль, — тут я спохватился, что лучшего дела на вечер, чем на протяжении шестидесяти миль показывать местные виды мисс Химинес, у меня так и так нет. Я кивнул и отправился за ее багажом. Похоже, что все это было приобретено специально для этого путешествия: два чемодана черной крокодиловой кожи, новенькие, с иголочки, с застежками нержавеющей стали стоили не меньше пятисот фунтов.

Вернувшись с ними, я обнаружил, что нас стало больше: инспектор и сержант. Имен их я по-прежнему не помнил,

поэтому бодро сказал:

- Познакомились, а?

Инспектор кашлянул и значительно произнес:

— Вы присматриваете за мисс... э... Химинес, как я полагаю?

— Вы угадали.

 Я как раз спрашивал мисс, что ей известно о ее брате и его... э-э... делах. Любая мелочь может навести нас на след.

^{*}Caneton a l'orange(франц.) — утенок с апельсинами.

— Насколько мне известно, полковник, — сказала она грустно, — он был убит гангстерами Республики. Вы их уже поймали?

Инспектор неловко кашлянул.

— Да... то есть, нет. Еще нет... не совсем. Загвоздка в том, что мистер Карр только через двадцать четыре часа нашел... вашего брата, — он бросил на меня взгляд, как будто во всем был виноват я.

Она проникновенно посмотрела мне в глаза.

— Вы учили его летать, капитан?

 Да, — я взглянул на инспектора. — Хотя и не знал, зачем Диего это было нужно.

Мисс Химинес пояснила:

Он был очень предан делу отца.

Возможно — после девиц и «ягуара» модели «Е», но вслух я этого не сказал.

Никто не отозвался, и мы позволили себе пару минут поиспански щедрой и глубокой печали. Потом инспектор сказал:

— Значит, вы не можете назвать ни одного человека, которого бы ваш брат знал в Кингстоне лучше других?

Только капитан Карр, полковник.

Инспектор хмыкнул. Я заметил, что звание «полковник» не вызвало у него протеста. Еще минута в печали, и инспектор спросил:

— Вы, наверное, хотите организовать вывоз... э-э... вашего брата? С нашей стороны возражений нет. Я уже имел беседу с коронером, и поскольку причина... гибели вашего брата не вызывает сомнений, его тело будет... В общем, можете организовать все, как захотите. Дознание, вероятно, будет отложено.

Почему — догадаться было не трудно. После трех дней водоворота международной склоки и осады американскими журналистами в связи с делом об убийстве, которое он, вероятно, считал неразрешимым, последнее, что ему было нужно, — это снова напомнить миру о случившемся, объявив о начале дознания.

— Если смогу быть полезен, прошу заходить в любое время, — закончил он, как мне показалось, с надеждой в голосе. Она улыбнулась ему долгой печальной улыбкой, он зашатался, поднял руку, чтобы отдать честь, вспомнил, что одет в штатское, и побрел прочь вместе с сержантом.

Она презрительно сказала:

Они их никогда не поймают.

Я так не думал, но ограничился несколькими сочувствующими междометиями и поволок ее вещи к выходу.

От «Палисадос» до Кингстона и на пути через город я непрерывно болтал, показывая местные достопримечательности, — главным образом, чтобы удержать руки от инстинктивных побуждений: плечом к плечу на заднем сиденье, при том, что подол ее тесной юбки даже во сне не видал ее голых коленей, — это, прямо скажем, была ситуация одной идеи.

Она слушала, кивала, вежливо улыбалась, пока не истощились мои знания здешнего колорита. И тут она спокой-

но спросила:

— И теперь полетите вы вместо Диего?

Я подпрыгнул и бросил взгляд на водителя. Но это был старомодный «кадиллак», из тех, что некоторые фирмы автопроката используют на Ямайке, — с глухой перегородкой между передним и задним сиденьями.

Тем не менее наша бдительность была не на высоте, если

новости донеслись даже до Каракаса.

Я осторожно спросил:

Почему вы так думаете?
 Она широко раскрыла глаза.

 Но, капитан, я сама догадалась: вы захотите отомстить за Лиего.

Что ж — это и вернуть «Ласточку» или еще кое-что. Я кивнул.

Она улыбнулась, потом задумчиво заметила:

— Это то, что надо. Классическое использование ВВС — как сказал ваш лорд Тренчард: «Уничтожить вражеский воздушный флот на земле».

Я сказал:

- A?

— Это действительно тактика чистейшей воды. Об этом писал капитан Лидделл Харт: «Привлечение внимания противника в сочетании с решающим маневром». Вы привлекаете на себя врага вашей фронтальной атакой, в то время как мой отец маневрирует на флангах, реализуя тем самым, можно сказать, «Решающее сражение» по Клаузевицу.

На этот раз я не сказал ничего, просто позволил моей нижней челюсти упасть на грудь. Через какое-то время, заметив, что жадная ухмылка, не покидавшая моего лица с момента нашей встречи, сменилась тупым и растерянным выражением, она

спросила:

- Вы, конечно, слышали о Клаузевице, капитан?

— Кажется, это немецкий генерал, который... Это было во

время Наполеона, не так ли?

— Он написал «О войне», — строго сказала она. — Вы не могли не читать его книг на военной службе. Клаузевица долго не признавали, но сейчас он — основа любой стратегии.

Я кижмул.

— Не сомневаюсь, что в верхах ВВС Клаузевиц — свой человек, но я-то был в самом низу. Со мной не очень-то советовались насчет стратегии.

Она нахмурилась.

— Из-за этого вы и ушли из ВВС?

Я беспомощно махнул рукой.

— Видите ли, я же был только пилотом — пулей. Маршалы авиации нажимали на курок, и я несся туда, куда меня нацеливали. Не более.

Получалось, правда, не совсем то впечатление, какое мне котелось произвести. А черт с тобой, Клаузевиц! Надеюсь, палатка твоя протекала, а издатели надували с гонорарами.

— А это, — сказал я, показывая пальцем, — подлинная церковь старого Испанского Города. Вам стоило бы прочитать некоторые надписи на стенах со времен эпидемий чумы.

— Ваш лорд Нельсон был здесь еще до того, как стал лордом,

объявила она.

Да. Это дальше, в Порт-Ройял.

— Он, конечно, не стратег, но тактик — очень неплохой.

Я было хотел спросить, имеет она в виду Трафальгар или леди Гамильтон, но передумал. Я сказал:

Одно время Испанский Город был столицей.

Она продолжала:

 Конечно, его настоящими сражениями были только Нил и Копенгаген, и в каждом из них он крайне интересно использовал фактор неожиданности...

В течение следующего часа я узнал немало нового не только о Нельсоне, но почерпнул также кучу ценных сведений о Мальборо, обоих Мольтке, Фоше, Ганнибале и плане Шлиффена.

19

Мы приехали в Зеленый Парк уже в сумерки. «Аванти» Дж.Б. и фургон Уитмора стояли на стоянке, и поэтому я позвонил в звонок «С»-апартаментов. Дверь открыл Луис. Его улыбка, едва возникнув, тут же сменилась ошеломленной миной, когда он узрел видение за моей спиной. Было приятно увидеть, что это может случиться и с профессионалом.

Но он быстро оправился и сделал элегантный жест рукой,

которым как-то между прочим отодвинул меня в сторону.

— Сеньорита Химинес? Меня зовут Луис Монтеррей. Я знаком с вашим отцом. Могу я выразить вам свое соболезнование в связи с трагической смертью вашего брата? Мне следовало бы быть в трауре, — на нем все еще была киноформа, и он с отвращением одернул рваную и грязную рубашку, — но актер вынужден носить траур в сердце. Это — я делаю. Но вы, должно быть, устали. Прошу, — неожиданно я остался один на пороге.

Да, он был профессионалом, олл райт.

Чтобы освободить водителя для других обязанностей, я вытащил багаж из машины и вошел в двери «С»-апартаментов — прямо под дуло винтовки. С этим оружием я уже был знаком по сцене переправы через реку, лицо у приклада тоже казалось смутно знакомым по той же съемке.

— Холостые, полагаю? — поинтересовался я.

— Можете убедиться на собственном опыте, — выражение лица было мрачным и решительным, — а теперь пару слов, кто вы и почему.

Из-за угла появилась Дж.Б.

— Олл райт, Дуг, он наш.

Винтовка опустилась на пол — слегка разочарованно, как мне показалось.

— После Диего, — объяснила Дж.Б., — Хозяин решил принять некоторые предосторожности. У него есть разрешение на боевую амуницию — на случай, если вздумается поохотиться на аллигаторов. Пошли.

Когда я вошел в гостиную, выходящую окном в патио и на пляж, Уитмор как раз предлагал мисс Химинес что-нибудь выпить, а она отказывалась, говоря, что сначала предпочитает помыться и почиститься. Дж.Б. повела ее в ванную.

Уитмор махнул мне рукой и развалился на кушетке.

— Раздобудьте себе выпивку, дружище.

Комната была заставлена бутылками, стаканами, грязными тарелками (надо полагать, они только что обедали) и желтыми страницами сценария. Я приступил к поискам.

 Черт, — сказал он задумчиво, — ну и штучку вы отхватили.

Луис нарочито болезненно поморщился.

Уитмор ухмыльнулся.

 Если рветесь на скачки без лошади, то пожалуйста, я не конкурирую.

Грязный гринго.

Уитмор растянул рот до ушей, затем повернулся ко мне.

— Как аэроплан?

Луис покачал головой.

 Появляется такая девушка, а этот человек думает о каких-то аэропланах.

Вернулась Дж.Б.

- Вот не знала, на что толкала вас, Карр. Ну и штучку вы отхватили...
 - Бог мой, простонал Луис, американцы!

Дж.Б. удивленно взглянула на него и злорадно улыбнулась.

— Если вас так жжет, могу устроить ключ от ее комнаты.

— Что с аэропланом?! — проорал Уитмор.

К этому времени я нашел нераспечатанную бутылку «Рэд страйп» и полтарелки не совсем холодных креветок с рисом.

Сделав глоток, я ответил:

- Двое техников возятся с ним в Порт-Антонио. Если вы не против, я оплачиваю им каждый день дорогу из Кингстона. А вчера Северо-Американская компания прислала необходимые детали, так что... я продолжил, изложив подробно состояние дел, и закончил, выразив надежду, что «Митчелл» будет готов к летным испытаниям завтра во второй половине дня.
- После этого, сказал я, вы можете начать киносъемки, как только установите камеры. Но для бомбардировочного рейда кое-что придется доделать если, конечно, вы еще не передумали.

Уитмор уставился на меня.

- Черт возьми, конечно, нет В чем дело?
- Ни в чем, я покачал головой. Просто чем больше я об этом думаю, тем более нереальным все это мне кажется.
 - Но дело выгорит?
 - Да. Думаю, да.

— Тогда — о'кэй. Что надо будет сделать с самолетом?

Я перечислил. Я хотел снять весь лишний вес: дополнительные кресла, систему отопления, бомбовой отсек. Из разговоров в аэропорту я выяснил, что эти отсеки появились на «Митчеллах» уже во время войны. Поэтому я полагал допустимым обойтись подвесными консолями на направляющих перилах. В этом случае мне нужно было только убедиться в исправности механизмов и сделать электрооснастку для устройства сброса.

Луис задумчиво заметил:

- Придется, друг мой, работать потихоньку. Если генералы услышат, что мы восстановили бомбардировщик... он пожал плечами.
- Самолет у нас в сценарии, возразил Уитмор. Под этим прикрытием мы можем делать все, что захотим.

Луис, похоже, не был убежден.

Я сказал:

— Честно говоря, не думаю, что мы можем как-то обезопасить себя в этом отношении — разве только не устраивать все в открытую. В Республике, конечно, знают, что мы купили «Митчелл», и если они думают, будто он предназначен для использования против них, кто запретит им так думать? Тем не менее как только вся первоначальная работа будет выполнена, я сам займусь оснасткой самолета для рейда. Большего на предмет предотвращения огласки все равно ничего не сделаешь.

Спор на этом, наверное, не закончился бы, но в этот момент вернулась мисс Химинес, на вид, может быть, посвежее, — хотя я и раньше в этом отношении не видел заметных упущений.

Уитмор, как сидел, развалившись на кушетке, так и остался в той же позе. Я согнулся, полувстав, как делают англичане, когда хотят показать свою вежливость. Луис, словно тигр, прыгнул через комнату и принялся втискивать ее в кресло — точно ногу в ботинок.

— Что-нибудь выпить, сеньорита? — предложил он. — Или показать вам вашу комнату? И я тут же распоряжусь насчет обела.

Она пронзила его улыбкой и стазала, что ограничится джином с тоником.

Разговор увял. За открытым французским окном небо постепенно темнело, море деликатно лизало пустой пляж. Толстая ящерица вылезла нести караульную службу в лучах света, льюшегося в патио.

Я сказал:

— Есть соображения, когда планируется рейд?

Луис повернулся ко мне и резко бросил:

— Мы больше это не обсуждаем!

Я криво ухмыльнулся, очень хорошо представляя себе, что будет дальше. Так и вышло. Мисс Химинес встрепенулась, окинула нас ясным взглядом и спросила бодрым голосом:

— Вы имеете в виду бомбардировку генеральских самоле-

TOB?

— Сеньорита, вам нет нужды... — начал Луис успокаивающе. — Но именно для этого я здесь!

Луис как будто был сбит с толку. Уитмор медленно произнес:

- Я думал, вы приехали за телом брата.

— Я приехала отомстить за него! Его тело отправят завтра. Я останусь тут.

Луис жевал ни - нюю губу. Уитмор недоумевал. Дж.В. метнула на меня острый взгляд, но ничего не сказала.

Я повторил вопрос:

— Что ж — когда?

Как только самолет будет готов, — объявила мисс Химинес,
 я сообщу моему отцу. После этого он предупредит за один

Я кивнул и спросил:

день.

- когда прибудут бомбы и какие?

— Этим занимался Диего, — ответил Уитмор, — мы были не в курсе, хотя сейчас я пытаюсь войти в контакт.

Луис оставил губу в покое и сказал:

— Четыре пятисотфунтовки.

Я снова кивнул. «Митчелл» выдержит 2000 фунтов, олл райт. По сути дела, при достаточно длинной дорожке «Митчелл» — я был уверен — потянет все, что вам удастся в него втиснуть. Это был грузоподъемник что надо — при достаточно длинной дорожке. Но в этом-то и заключалась проблема: я не мог представить, чтобы руководство «Палисадос» или «Монтегю Бэй», где имелись взлетные полосы соответствующих размеров, зажгло бы зеленый свет нашему маленькому предприятию.

Я перевел взгляд на мисс Химинес.

 Ваш отец должен знать, что я не могу произвести атаку в любое время дня и ночи. Это может быть...

Она одарила меня улыбкой, ожог от которой я чувствовал еще с неделю.

— Конечно! Как сказал ваш Китченер из Хартума: «Войну приходится вести так, как нужно, а не так, как хочется». Это может быть рассвет или сумерки.

Все уставились на нее. Я потряс головой и пробормотал:

— То ли вы еще услышите, — затем сказал вслух: — Совершенно верно. Они там в течение дня делают вылеты на базу в горах.

В Кордильерах, — сказала она.

— Так они называются, да? Но на ночь самолеты, как будто, возвращаются. Думаю, Нед боится партизанских вылазок и не доверяет армии...

— Генералы не верят друг другу, — прервала она меня. — Генерал Боско набирает войсковые отряды для своей базы ВВС — как ваши подразделения Королевских Военно-Воздушных Сил, - - чтобы иметь на ней пехотный заслон. Часть офицеров — бывшие полицейские.

Луис смотрел на нее во все глаза, потом тряхнул головой, желая убедиться, что не спит, и спросил:

- Откуда, сеньорита, вы все это знаете?

Она удивилась.

- Сеньор, вы забываете, кто мой отец.

Уитмор сказал:

— Ваш отец в полтысяче миль от Каракаса.

Сеньор Уитмор, Республика не закрыта на замок. Работает почта, летают самолеты.

Луис не унимался:

— Но ваш брат ничего этого не знал.

Мой брат был сыном моей матери, — отпарировала она,
 — а я — дочь своего отца. Диего знал только то, что я ему сообщала.

Нечто в этом роде я уже начал подозревать. Диего никак не подходил на роль неутомимого паука в центре паутины. Да и связи между Республикой и Венесуэлой ввиду общности языка и, в какой-то мере, истории были значительно теснее, чем между Республикой и Ямайкой.

Но, главным образом, меня заинтересовала информация о трениях между ВВС и Армией. Я понимал теперь, почему Нед предпочел устаревшую и неудобную систему управления атаками по наземным целям с основной базы вместо того, чтобы позволить Армии направлять самолеты непосредственно с передней линии, — так, как Неда учили в Корее.

Впрочем, главным сейчас было не это. Я сказал:

 Верно. Я проведу атаку на заре или в сумерках. Если подумать, лучше всего...

 В сумерках, — деловито объявила мисс Химинес, — больше шансов застать все самолеты на аэродроме.

— На рассвете, — твердо сказал я и получил в награду слегка

удивленный острый взгляд.

— Чисто с военной точки зрения, — заверил я. — С полными баками и бомбами самолет будет слишком тяжел для короткой взлетной полосы в Боскобеле или Порт-Антонио. Поэтому мне нужно, чтобы окружающий воздух был как можно холоднее: большая тяга двигателей, большая подъемная сила. Если я атакую в сумерках, взлетать придется в середине дня. Если на рассвете, то взлечу где-то около двух часов ночи. Все очень просто.

Она нахмурилась.

— Капитан, даже Клаузевиц считал, что чисто военное суж-

дение — это роскошь, которую нельзя себе позволить.

— Прежде, чем делать такие безответственные высказывания, ему бы следовало сначала попробовать поднять перегруженный «Митчелд» с взлетной полосы в 3000 футов длиной, да еще в разгар жары.

— Никто не может исключить весь риск. Как говорил Клау-

зевиц...

— Клаузевиц никогда не говорил, будто один конь составляет кавалерию. Если я упущу пару «Вампиров», атака все-таки на восемьдесят процентов будет успешной. Но если я сяду на верхушки деревьев при взлете, вы сядете в лужу на все сто никакой атаки не будет вообще.

Не будет также никакого Карра, если я начну стричь кроны пальм с грузом 500-фунтовых бомб. Но на этот случай у Клаузевица наверняка имелось что-нибудь ободряющее, и потому я

решил промолчать.

Уитмор решительно сказал:

— О'кэй. Значит, вы ударите по ним на восходе солнца. Если коть один истребитель успеет подняться в воздух, вам придется

удирать изо всех сил и при дневном свете.

Я только кивнул. Против «Вампира» с его двукратным и более запасом скорости по сравнению с «Митчеллом» исход побега выглядел малообещающим. И, как всегда, на рассвете — ни одного облачка.

 По крайней мере мне не придется в середине ночи делать посадку на дорожке, не имеющей ни одного сигнального огня.

Об этом, конечно, никто и не подумал. Уитмор изогнул брови и заметил:

— Но взлетать-то придется в темноте. Как быть с этим?

 Намного легче, чем садиться: повещу противоураганную лампу на дереве в конце дорожки, и все в порядке.

Последовала пауза, в течение которой каждый придумывал

новые трудности.

Дж.Б. неожиданно спросила:

— А как радиолокаторы? Они-то вас обнаружат.

Я уже открыл рот, чтобы ответить, когда вмешалась мисс Химинес:

 Кроме Пуэрто-Рико и Кубы, в Карибском бассейне нигде радаров нет. Такие-то вещи вам бы следовало знать, если вы действительно хотите нам помочь.

Лицо Дж.Б. замкнулось — как будто захлопнулась мышеловка. Луис сказал:

— Сеньорита Пенроуз ведает легальной стороной дела. Она

не претендует быть генералом.

 Она составляет контракты для моего отца, — презрительно бросила мисс Химинес.

На помощь пришел Уитмор:

— Олл райт, дети. Мы пока что на стадии планирования. Настоящая схватка будет позже — и это дело Карра, — он посмотрел на меня. — Что-нибудь еще, дружище?

Следовало сказать еще об одной детали, но я не решался сделать это в присутствии мисс Химинес. Чтобы иметь время подумать, я достал трубку и принялся набивать ее табаком. Уитмор вздохнул, хмыкнул и бросил мне сигарету.

Я закурил и решил, что лучше все-таки сказать:

— Еще одно. Мы имеем дело со старым аэропланом. В любой момент в нем может отказать что-нибудь серьезное. Поэтому и атака тоже может быть отменена в любой момент, — я повернулся к мисс Химинес. - Если ваш отец очень зависит от успеха рейда, лучше посоветовать ему не двигаться с места, пока он не убедится в его результате.

Тепла в ее взоре не осталось и следа. Взгляд стал твердым и

пронизывающим.

- Капитан, атака должна состояться! Вы должны пойти на любой риск!

В моем взгляде особого тепла тоже не было.

— Капитан, вы примкнули к благородному делу! — вспыхнула она. — Сейчас поздно вспоминать, что вы трус!

— Фига с два я к чему-либо примыкал! Я просто наемник. Я

сделаю рейд, если...

— За деньги! — она вскочила, широко расставив ноги. Руки на бедрах, в глазах негодующий блеск. - Научите меня летать! Я проведу атаку!

Я не сводил с нее глаз: великолепная, как рассерженная тигрица, она словно бы заполнила собой комнату. Уитмор в сравнении с ней сейчас был точно маленький мальчик в уголке

Я покачал головой.

— Не в этом дело. Может отказать стартер, лопнуть покрышка, и я не смогу поднять самолет в воздух — никто не сможет. Поэтому сообщите отцу, что мы не можем дать гарантий. Она продолжала стоять в той же позе, а Луис рассудитель-

ным тоном предложил:

— Может быть, самая тщательная предварительная проверка...

— Никакие проверки не помогут, — возразил я устало. — Самолет слишком изношен. Весь. Если мы начнем проверять, то увидим, что нам нужны новые крылья, фюзеляж, хвост, двигатели — новый аэроплан. Я испытаю самолет во время съемок и починю все, что смогу, но он тем не менее держится в воздухе на ржавчине и силе привычки больше, чем на чемнибудь другом, и даже ржавчина уже не та. Что ж, может быть, привычка окажется сильнее и послужит дольше. Тогда я совершу рейд.

Уитмор кивнул.

— О'кэй, звучит неплохо, — он посмотрел на мисс Химинес. — Лучше сообщите вашему отцу о положении дел. Он может начинать, когда узнает, что Карр в пути.

Она не сводила с меня глаз.

— Может быть, — холодно сказала она, — но раз капитан держит свою храбрость в кошельке, ему надо добавить туда еще немного храбрости.

Уитмор твердо остановил ее.

— Планирование закончено. У нас завтра съемки.

Она бросила мне последний взгляд, объявила: «Я иду есть» — и вышла из комнаты,

В наступившей тишине слышался только дробный стук ее каблуков.

Луис тихо сказал:

— Это ей следовало быть ее братом.

Дж.Б. изумленно уставилась на него.

— Только в отношении политики, разумеется, — и Луис поспешил вслед за мисс Химинес.

Когда дверь захлопнулась, Уитмор покачал головой и сказал:

— Он уже прыгает под ее дудочку, а?

 — Луис, наверное, репетирует главную роль в «Истории жизни Клаузевица», — кисло заметила Дж.Б.

— Да? А я буду играть маленького толстого парня Наполео-

на?

— Что ж, почти все сцены вы сможете провести на коне, — возразил я.

Он молча посмотрел на меня, сказал: «Спасибо, дружище», допил содержимое своего стакана, закурил сигарету и потянул-

ся за листами сценария.

 Итак, — сказал он немного погодя, — если за пару дней вы подготовите самолет, мы сразу же отснимем все кадры с его участием, чтобы вы были свободны, когда Химинес позвонит в звонок. Мы еще строим церковь Родди, — вставила Дж.Б. —
 Должна быть завтра или послезавтра готова.

— Вы и в самом деле строите испанскую церковь? — спро-

сил я.

Уитмор посмотрел на меня.

— Конечно. Неужто нам перетаскивать всю лавочку в Мексику и всего-то на три минуты съемок?

Дж.Б. добавила:

 В кино всегда легче приволочь гору к Магомету — во всяком случае, когда Магомет на ставках кинопрофсоюза.

Я покачал головой. Видимо, было бы глупостью спросить, не проще ли вычеркнуть вообще эту церковь из сценария. Приятно, впрочем, лишний раз убедиться, что есть бизнес, в котором накладные расходы больше, чем в авиации.

Уитмор сделал пометку на листе сценария, встал и потянул-

CЯ.

— Раз вы возитесь с самолетом в этой части острова, лучше бы вам здесь и жить, — он посмотрел на Дж.Б. — Снят для него номер?

Она кивнула.

Я сказал:

— Чтобы сократить ваши расходы, я готов устроиться у Дж.Б. Места хватит, — я обвел руками большую комнату.

— Не раздувайте свой горловой мешок, — осадила она меня.

Уитмор ухмыльнулся.

- -- Не возражаю, дружище. Но если она во сне начнет цитировать законы о контрактах, то меня не вините, а ее не останавливайте. За это ей и платят.
- Вон отсюда, старый конокрад, разбитый подагрой! ее гнев, кзалось, был не только шуточным.

Но Уитмор лишь снова ухмыльнулся, сделал один из своих прощальных киножестов и вышел, посвистывая, в коридор.

Дж.Б. взглянула мне в глаза.

- Ваш номер семнадцатый.
- Отлично.
- В «Плантации».

Я поморщился. Это было рядом, в нескольких сотнях ярдов, но какого черта...

 Под одной крышей со мной вы себе не доверяете? осведомился я.

Она продолжала смотреть мне в глаза. Вечер незаметно переходил в ночь; прибой нежно целовался с пляжем, ящерицы-часовые дремали на своих постах.

Помолчав, она тихо спросила:

- Карр, почему вы согласились на этот рейд?

 Извлекаю из него пользу: так или иначе снова буду иметь свой самолет.

Она нетерпеливо дернула головой.

— Вы же не дурачок, Карр. Я о вас все выведала. А как вы раскусили нас с бомбардировщиком? Вы-то знаете, что могли попытаться другими путями вернуть самолет. Дипломатическое давление... обратиться в газеты... подать в суд. Я была бы морально обязана вам помочь. А теперь вы рискуете не только остаться без самолета, но и тем, что вас с треском выгонят из Карибского бассейна.

Серый список. Я пожал плечами и спросил:

— Такова моя позиция перед лицом закона, а?

— Ах, да, с властями у вас, может быть, все и не так плохо. Похоже, развязывание войны тут не преступление — если только вы развязываете ее не на Ямайке. Вы могли бы попасть под закон об иностранной вербовке, но для этого нужен специальный указ... И с бомбами вы можете выйти сухим из воды, если поклянетесь, что на Ямайку они попали транзитом. Но настоящие-то ваши неприятности совсем в другом.

— Знаю.

Она внимательно смотрела на меня.

— Нет, вы — не дурачок. Не в таком деле, — она швырнула стакан на заполненный посудой стол. Два других стакана перевернулись, покатились и разбились об пол. Она смотрела, как они падают, без всякого выражения на лице, затем тихо сказала: — Когда вы первый раз здесь появились, я подумала — вот человек, который может постоять за себя. Человек, который тут же пошлет Хозяина к черту, если так будет нужно. Но вот Хозяин издает призывный клич — и все вокруг прыгают на коней, на ходу нацепляя на рукав полицейские бляхи, и вы в том числе, чтобы потом хвастаться: «Я скакал вместе с Уитмором». Мне случалось видеть такое и прежде.

— Думаете, я потому и согласился?

— Разве не так? — вспыхнула она. — Самолет вы себе не вернете, а на Химинеса вам наплевать — это уж точно! Что ж, вас приняли в шайку. Хозяин считает, что вы — свой в доску. Просто замечательно!

Я встал. Вечер себя исчерпал.

 Номер семнадцать, вы говорили? В гостинице меня ждут?

Она кивнула, и я ушел. Я ничего не чувствовал, и это само по себе было больно.

На следующее утро я привез техников в Порт-Антонио, чтобы снять с «Митчелла» дополнительные сиденья и бомбовой отсек. Потом, выпросив у кинокомпании машину, я отправился в Кингстон за своим «джипом» (полицейские уже устали находить в нем свои собственные отпечатки пальцев) и саквояжем с грязными рубашками, которые я накапливал, ожидая, когда можно будет пристроить в стирку за счет кинокомпании.

К тому времени, когда я, оставив «джип» в Боскобеле, вернулся в Порт-Антонио, работа была уже почти закончена. Сиденья, система отопления, бомбовой отсек — все находилось снаружи, и ребята заделывали открытые концы труб системы подачи горючего, которая, казалось, была проложена котен-

ком, гоняющимся за клубком шерсти.

Поблагодарив, я расплатился с ними из пачки уитморовских долларов и предоставил им самостоятельно искать способ добраться до «Палисадос». Когда они ушли, я взял фонарь и нырнул в бомбовой отсек на предмет личного знакомства с ним.

Стоя внутри, я до бедер был как бы под колпаком в жарком темном металлическом ящике, полном масляной слизи и запаха бензина, размерами восемь футов в длину, четыре в ширину и почти шесть в высоту. И первая же вспышка фонаря показала

мне, что атака отменяется: крыша отсека была голой.

Я вынырнул на свежий воздух и задумался. Честно говоря, будучи летчиком-истребителем, я, насколько помнил, никогда раньше не видел бомбовых консолей; для меня это просто были выученные понятия. Но я ясно видел, что ничего такого под крышей бомбового отсека нет, и так же ясно отдавал себе отчет в том, что устройство для размещения 500-фунтовой бомбы не сделаешь досужим вечерком из ящика из-под сигар и пары шпилек для волос.

И это не тот предмет, о поисках которого можно дать объявление в «Дэйли Глинер».

Я глубоко вздохнул и, чтобы снова убедиться в увиденном,

вторично нырнул в бомбовой отсек.

На крыше отсека за время моего отсутствия ничего не появилось. Но когда я осветил фонарем стены, то увидел, что вдоль них тянутся тяжелые металлические балки, слишком массивные, чтобы быть частью крепежа самого отсека. А между ними, по два с каждой стороны, размещались четыре неправильной формы стальные коробки. Я пытался их рассмотреть в тусклом свете фонаря. Каждая была около фута в длину с двумя плоскими крючками на концах. Окунув палец в

лужицу бензича на бетонированной площадке, я потер им одну из коробок. И увидел, что атака состоится:

Неожиданно четко, хорошо сохранившаяся под налетом слизи, выступила надпись: «Бомбовой карабин Мк № 5».

— Они, должно быть, подвешивали бомбы по бокам отсека, одну над другой, и спускали их по очереди, — произнес я. — Мне, наверное, следовало догадаться: зачем нужен отсек в шесть футов высотой, если подвешивать в нем бомбы прямо под крышей? И в общем-то их система, надо полагать, работала — конечно, пока вы не забывали нажимать кнопки в надлежащем порядке. Тем не менее...

— А сейчас это сработает?

Когда я приземлился на «Митчелле» около пяти часов вечера, Уитмор и Луис ждали меня у посадочной полосы в Боскобеле. Дж.Б. уехала с визитом к заболевшему актеру, а мисс Химинес решила, что ей все-таки следует проследить за тем, как тело Диего будут погружать в венесуэльский транс-

портник.

— После кучи доработок, — ответил я, протянув ему карабин, который мне удалось снять с консолей. — Эта штука в хорошем состоянии и, думаю, потому, что пару лет назад самолет все еще был в штате бомбардировщиков Колумбии. На такой вот карабин прицепляли бомбу — на два крючка, чтобы она не болталась в полете, поднимали все вместе вверх и закрепляли карабин на консолях, установленных вдоль стен бомбового отсека. А эти, - я потрогал пальцем пару маленьких рычажков, торчащих наверху карабина, - использовали в каком-то спусковом механизме. Проблема в том. — продолжал я, — что этих спусковых штучек давным-давно нет. Они работали, вероятно, от электромагнитов с пусковой обмоткой для увеличения мощности. И все цепи, надо полагать, для надежности были дублированы. А сверх того — еще и система взвода с предохранителей: вам едва ли захочется отправиться в полет с заряженными и готовыми взорваться при первом толчке бомбами. А в полете до них не доберешься.

Уитмор кивнул, протянул руку и замкнул крючки, потом щелкнул по рычажкам здоровенным пальцем. Крючки со зло-

вещим лязгом раскрылись.

Несмотря на жару, меня пробрал холодок. Уитмор посмотрел на Луиса, и рот его растянулся в улыбке.

— Звучит довольно просто.

Просто? — я уставился на него.

— Черт побери, дружище, кого у нас полно, так это электриков. В общем, я завтра же прикажу ребятам заняться этим делом. Черт возьми, «Митчелл» у нас в сценарии, так почему бы ему не сбросить несколько бомб? Консервных банок или еще что-нибудь. Высыплем их вдоль реки, и бам-бам-бам — взорвем на берегу заряды. Кадры будут что надо! — и он ушел посмотреть на мой «джип».

Луис вздохнул.

— Еще одна сцена, где мне придется промочить ноги.

Я усмехнулся, затем спросил:
— Они у вас с этим справятся?

Друг мой, разве вы забыли, что мы строим даже церковь?
 Такая мелочь, как наладить спусковой механизм... Да, они справятся.

Вернулся Уитмор.

— Тот «джип ваш», дружище?

Я сказал «да» прежде, чем понял свой промак: им же для съемок возле церкви как раз и нужен старый, потрепанный «джип».

На следующее утро парни Уитмора принялись за дело. Были они действительно электриками или просто хорошими актерами, но в любом случае они больше понимали в электроделе, чем я. Поэтому я только указал, где установить спусковые кнопки: в пустых гнездах панели управления, — и оставил их в покое.

Появились также режиссер в крокодиловом пиджаке и пара художников-сценаристов или маляров с намерением слегка загримировать «Митчелл». Их работа заключалась в том, что они облили самолет серебряной краской из пульверизатора, выставили из носа и хвоста в качестве пулеметов пару половых щеток и изобрели для крыльев и фюзеляжа эмблему ВВС «Амазонии». В этом я сделал попытку помочь, заметив, что все возможные комбинации цвета, которые им приходили в голову, уже использованы странами американского континента.

В конце концов режиссер сообщил мне, что они изобразят смесь малайских и конголезских символов: необыкновенно восхитительную желтую звезду на абсолютно божественном квадрате ультрамарина — как только он вернется домой, он тут же намерен раскрасить свою ванную в точно такие же цвета, а пока что не мог ли бы я убраться куда-нибудь подальше?

Я пошел и проверил сводку погоды: ветер 15 узлов со слегка подозрительным завихрением к северу от Барбадоса, после чего отправился в таверну «Золотая голова», расположенную

135

В это время в маленьком баре было тихо и почти пусто. Единственный посетитель сидел спиной ко мне у стойки.

Я подошел и попросил «Рэд страйп». Посетитель тихо сказал:

— Могу я вас угостить?

Узловатое загорелое лицо, короткие седые волосы, молочнокофейного цвета костюм. Я узнал его не сразу — настолько он был тут неуместен. Наконец, сообразив, я спросил:

- Агент Эллис, если не ошибаюсь? Разве вы не на

территории ЦРУ?

Он небрежно улыбнулся.

— Я в отпуске. Но знаете, Бюро здесь когда-то несло ответственность кое за что, — перед тем, как они придумали ЦРУ. Контрразведка во время войны.

Опять сплетни ФБР.

Мое пиво прибыло, и я сказал:

— За ваш отпуск. Надеюсь, вас не отзовут с него на работу.

— Ничего похожего, — он выпил. — Слышал, что вы сейчас здесь, и вспомнил, что кое-что вам обещал, — он пошарил в боковом кармане и протянул мне маленький медный четыре-хугольник.

На нем аккуратными буквами было выгравировано: «Это вышибет меня повсюду из Карибского бассейна». Я тут же вспомнил фразу, произнесенную в баре «Шератона» в Сан-Хуанс.

Я улыбнулся и повернул пластинку в руке: в каждом уголке по маленькой дырочке — хоть сейчас прикрепляй к панели управления. И гораздо элегантнее, чем всякие надписи, которые мне попадались в кабинах у пилотов. Работа была выполнена профессионально и стоила ему денег.

— Зачем, черт возьми, вы сделали эту штуку? — спросил я.

Он заглянул в свой стакан и задумчиво нахмурился.

- Вы высокотренированный боевой пилот, Карр. В Корее вы хорошо поработали, и я, между прочим, считаю это большой заслугой. Но на такое ремесло, как ваше, спрос ограничен. Что ж, раз ему научили вас мы, то, наверное, мы у вас в небольшом долгу, он кивнул на пластинку, в размере этого, во всяком случае.
- Вы не правы, возразил я тихо. хороший летчикистребитель всегда работает только на себя.
- Может быть. Но тем не менее вы поработали неплохо, и с этим, жест в сторону пластинки, мы квиты. Если, конечно, еще не поздно?

Я изогнул брови.

— Что вы имеете в виду?

 Я слышал, вы пару недель назад потеряли в Республикесвой самолет.

— Верно.

— А теперь у вас старый бомбардировщик.

Не у меня, а у Уитмора.Но вы на нем летаете.

Я кивнул. Если новости о «Митчелле» разнеслись так далеко и широко, то следовало, наверное, выложить карты на стол. Я имею в виду — сделать вид. Я сказал:

— И? Вы считаете, что Уитмор жаждет встрять в дела Рес-

публики?

Он отпил пива, нахмурился, отпил еще и сказал:

— Не-ет. Этого-то я и не могу понять... В его досье нет и намека на то, что он способен на что-либо столь альтруистическое. Черт, в его досье нет и намека, что это слово ему вообще известно. А личной причины у него явио нет. Но...

— У вас есть досье на Уитмора?

— Безусловно. Как и на любого с такой кучей денег. Жуликов создают две вещи: одна — желание иметь миллион, другая — его наличие.

— Меня устроит и меньше.

— Например, вернуть ваш самолет, да? Вы ведь не столкнулись с Химинесом, не правда ли?

— Я не отличу его от бабушки вашего кота.

— Но вы были знакомы с его сыном.

— Я не знал, что это его сын, — во всяком случае, пока его не застрелили. И именно те, кто так вам нравится в Республике.

Он задумчиво посмотрел на меня.

— Это, кстати, интересный момент, потому что обычно политические убийства — дело рук непрофессионалов: превращает человека в мученика. Знаете, в тюрьмах Санто-Бартоломео люди пишут имя Диего на стенах. Лично мне кажется, что он этого не стоит — насколько я его знал.

Я только пожал плечами.

Он продолжал, не обращая на меня внимания:

— Диктаторы особенно не склонны к покушениям, после Трухильо в частности. Может подать мысль, понимаете? — он встал из-за стойки. — Мне пора дальше в отпуск.

Медная пластинка осталась на прилавке, я подтолкнул ее к

нему.

— Вы кое-что забыли.

Он посмотрел на пластинку и вздохнул.

— Я так и думал, что уже поздно.

— Нет, просто у меня уже есть сувенир, — я выбросил кости на стойку. — Мы утащили их у генерала Боско. Можно сыграть на следующую выпивку, но только если я буду бросать:

У моего локтя материализовался бармен.

 Никакой игры, сэр. Вы-то это знаете, — добавил он с упреком.

— Мы не играем. Это кости для розыгрыша. Мой друг имеет долю в фирме, которая их производит.

В награду я удосточлся взглядов как бармена, так и Эллиса. Постояв немного, бармен с подозрительным выражением лица растаял в воздухе.

Эллис перетряхнул кости.

- Кости диктатора, а? Что ж, это меня не удивляет. Любой, кто играет в азартные игры с диктатором, заслуживает всего, что с ним потом случится. Не поймите меня неправильно, Карр: я не считаю Боско и Кастильо ангелами, но фальшивые кости никого не убивают. Другое дело революции, те убивают многих. Но никогда диктаторов. У них всегда наготове сумка с золотыми брусками и быстрое авто, чтобы успеть на последний рейс. Это бедные, голодные оборванцы на улицах, вышедшие в лавку за банкой бобов, вот кого убивают революции, он облокотился на стойку. Я говорил вам, Карр: 150 революций за 150 лет, а еще больше тех, что потерпели неудачу. А сколько настоящих демократий и стабильной экономики можете вы назвать к югу от Мексики? И почти во всех революциях кто-то был убит.
- Чуть понежнее на скрипках, заметил я кисло, и к следующей неделе будет само совершенство.

Лицо его замкнулось и стало жестким.

- Олл райт, Карр, олл райт. Я всего лишь фараон, и мне выдают пистолет, чтобы убивать людей. Но главная моя задача их защищать. Теперь расскажите о летчиках-истребителях.
- Вы кое о чем умолчали насчет своей работы: если ваш послужной лист чист и приятен для взора начальства, то вас ждет пенсия. Вы полагаете, что, носясь по Ямайке и Пуэрто-Рико и размахивая вашим серым списком, вы останавливаете революции? Вы просто украшаете ваш послужной лист.

Мгновение я думал, что он ударит меня, но для этого он слишком долго служил в ФБР. Помолчав, он тихо сказал:

— Только профессионалы, Карр, убивают по-настоящему. Дайте винтовку прохожему на улице, и он при всем желании не скажет, куда попадет, — в сарай или прошлый вторник, он подобрал медную пластинку. — Наверное, с самого начала было уже поздно. Может быть, пригодится для кого-нибудь другого, — он положил пластинку в карман.

Чтобы уязвить его, я сказал:

— Вы рискуете и ошибиться, между прочим. Если Химинес одержит верх, ваш Госдепартамент может вдруг решить, что он — хороший человек, и все, кто ему помогал, тоже.

— Верно. Или они могут сообразить, что те, кто ему помогал, будут делать то же самое в любой революции. И Госдепартамент никогда не выбрасывает свои списки, Карр. Им платят по числу сейфов, которые они могут заполнить.

На это возразить было нечего, и я промолчал. Он с десять секунд еще разглядывал меня, а затем бесшумно вышел в яркое

полуденное солнце.

К моему возвращению художники-сценаристы уже все закончили и удалились, а «Митчелл» сверкал серебром в солнечных лучах и выглядел в таком наряде, как ни странно, еще потрепаннее. Может быть, потому, что краска не столь скрыла все морщины и вмятины, сколько подчеркнула попытку их скрыть. В кино самолет, очень вероятно, будет казаться чистым и новеньким, но вблизи, на земле, он напоминал пожилую шлюху под густым слоем косметики, наложенной молокососом-сутенером в розовой рубахе.

Электрики продолжали свою возню, поэтому я раздал направо и налево пару-другую высказываний вроде: «Делоторит, а?» и «Вы, ребята, свои железки на зубок знаете. Так?» — стандартный набор у любого пилота для авиамехаников, занятых абсолютно непостижимой для него работой, — после чего

снова отправился погулять.

Я, впрочем, действительно надеялся на то, что они знают свое дело. После семнадцатилетнего стажа пилота я твердо усвоил самое главное об электрооснастке самолета: это первое, что выходит из строя.

Я еще раз проверил сводку погоды, позвонив в метеослужбу «Палисадос». В смысле ветра на завтра обещали то же самое, что и сегодня, но замеченный ранее круговорот стал закручиваться еще сильнее. Тем не менее он пока не дорос до крещения.

За ночь ему это удалось: ураган «Клара».

21

Это оказалась третья безобразная сестрица сезона — «Аннетта» и «Белинда» пришли и исчезли обычным порядком порычав пару дней в окрестностях Барбадоса и Мартиники, обе

унеслись на северо-восток, чтобы сгинуть в каком-нибудь необитаемом углу Атлантики. Сначала «Клара» повела себя так же. Но этой ночью она почти застыла на месте в двухстах милях от Антигуа, затем закрутила себя в бешеный вихрь и направилась на запад. Утром в девять, когда я впервые услышал о ней от метеослужбы «Палисадос», она была уже к северу от Пуэрто-Рико и по-прежнему приближалась.

Раздумывая о новостях, я выпил еще одну чашку кофе, потом попросил вызвать такси (режиссер еще вчера конфисковал мой «джип») и отправился к месту постройки церкви, где они предположительно начали съемки. Так и оказалось: по крайней мере, вся компания была в сборе и при деле — сиеста и игра в покер шли полным ходом. Повсюду царила тишина, к которой я уже привык, в единственный звук, ее омрачавший, на равных паях вносили вклад передвижной генератор и звукорежиссер, клянущий свое оборудование.

Церковь Родди производила впечатление: пятьдесят футов высотой, с двумя колокольнями, вся из векового камня, заросшего мхом по трещинам. Только с расстояния нескольких футов становилоь видно, что камни — это доски, грубо покрытые цементным раствором, мох сделан из зеленого пластика, а вся конструкция имеет только фасад, растянутый на опорной

раме.

Дж.Б., Луис, Уитмор и мисс Химинес сидели в тени пальм возле моего «джипа» и пили кофе из бумажных чашек. Уитмор как будто был рад меня видеть. Дж.Б., похоже, вполне могла без меня обойтись.

— Все готово? — спросил Уитмор.

— Идет к концу.

Дж.Б. протянула мне чашку кофе.

— Спасибо.

Я котел было рассказать о появлении здесь агента Эллиса, но передумал. Если он, с моей точки зрения, представлял собой дополнительный риск, я должен был решить вопрос сам — и отменить рейд. Как заметила Дж.Б., я по-прежнему был свободен в выборе.

Я сказал:

— Мне надо осмотреть бомбы, прежде чем я приступлю к последней части работы. Слышали о них что-нибудь?

Уитмор хмыкнул.

- Должны были отплыть вчера. Мы их получим завтра...
 может быть.
- Вполне современные штучки, не заржавевшие, с гарантией взрыва в нужное время и в нужном месте?

Он пожал плечами.

Дружище, подождем и увидим.

Я кивнул и бросил взгляд на церковь.

- Как долго вы намерены здесь снимать?
 Сегодня. Может быть, пару сцен завтра.
- Стоит попытаться закончить сегодня. Есть вероятность, что сюда направляется ураган.

Режиссер крикнул: — Уолт, мы готовы!

Бросив мне: «Поболтайтесь тут», Уитмор забрался в «джип». Несколько голосов прокричали: «Тихо!» Съемочная группа побросала карты, Уитмор направил «джип» к фасаду церкви, остановил машину, вылез из нее, огляделся по сторонам и закурил сигарету.

Режиссер скомандовал: «Стоп!», и они повторили сцену еще

три раза.

Луис протянул мне сценарий, чтобы я знал, что происходит. Боливар Смит приезжает на церковную площадь с грузом оружия (заднее сиденье «джипа» было завалено пустыми ящиками из-под винтовок) для встречи с вождем повстанцев, но там никого нет, кроме симпатичного старика пастора, который очень кстати пускается в пространный диалог со Смитом, из которого следует: а) что Амазония бедная, но очаровательная страна, управляемая жестоким диктатором, и б) что Уитмор — безнравственный торговец оружием, готовый продать свой товар диктатору, если у повстанцев нет достаточно песо, чтобы за него заплатить.

Все это, понятно, происходит до того, как любовь деревенской девушки (сцены с которой Уитмор в спешке снял месяцем раньше, так как терпеть не мог актрису) обращает его в друга повстанцев, в результате чего он не только отдает им винтовки бесплатно, но и становится во главе их восстания.

И в конце концов они счастливо живут в стране подлинной

демократии со стабильной экономикой.

Он вернулся к нам, оставив «джип» перед церковью, в то время как съемочная группа в небывалом приливе энергии передвинула камеру на несколько футов вперед.

— Что вы там говорили об урагане?

— «Глаз» урагана будет здесь не раньше, чем через два дня, если он вообще здесь будет, но фронт урагана, по слухам, довольно широк, и его краевые вихри могут сюда добраться. Помните «Флору» пару лет назад? Она налетела на Кубу — это двести миль к северу, но и у нас тут были порывы ветра до 60 узлов и несколько дюймов осадков. Тогда ветром смыло

половину горных дорог, повалило кучу телеграфных столбов, а водоемы, снабжающие население водой, оказались полны грязи. И, — я кивнул в сторону церкви, — не думаю, что эта штука выдержит 60 узлов.

- Черт возьми, вы правы, дружище, - он нахмурился,

задумавшись.

— И еще я, может быть, уведу «Митчелл» с острова, он тоже не выдержит 60 узлов.

— Ara. Что ж, сообщите нам, если решите уехать. А так, вам еще что-нибудь нужно для того полета? Оружие?

Я пожал плечами.

- Если сможете найти пару «Браунингов-50» и несколько сот зарядов к ним, то не откажусь.
- Ничего себе! он поморщился. Пару пулеметов или автоматов это я бы сумел...
- Не надо: бесполезный груз. Да, я в общем-то в этом смысле ни на что и не рассчитываю.

Дж.Б. спросила:

- Вы намерены сражаться голыми руками?

•• «Вампир» вооружен четырьмя 20-миллиметровыми пушками. Если я попаду к одной из них на прицел, пулемет мне не поможет. Еще никто не сбивал самолет пулеметной очередью, — тут я вспомнил, что Уитмор планировал как раз такой подвиг в фильме, — за исключением мистера Уитмора, понятно.

Луис улыбнулся и сказал:

— Плотность огня — вот что важно в воздушном бою. Пушки на самолетах обычно раза в два скорострельнее обычных артиллерийских орудий.

Увидев выражение моего лица, он объяснил:
— Во время войны я служил стрелком в авиации.

Мисс Химинес вздрогнула и уставилась на него: этого он ей не рассказывал. Она считала его всего лишь актером, как вдруг — каррамба! — он неожиданно обернулся воином. Жаба, превратившаяся в принца.

Я спросил:

— На чем вы летали?

В-20. Раз или два даже на «Митчеллах».

— Гле?

Он улыбнулся мисс Химинес извиняющейся улыбкой принца, готовящегося снова обернуться жабой, и сказал — мне:

 [«]Браунинг-50» — скорострельная мощная автоматическая винтовка.

— В Техасе. Меня назначили инструктором, Решили, наверное, что таким дарованием нельзя рисковать. А может быть, было приказано лучших солдат оставить для защиты Техаса. В конце концов, ведь Техас все же избежал вторжения. Возмож-

но, это моя заслуга.

Я сочувственно ухмыльнулся. Как и большинство летчиковистребителей, я был невысокого мнения о пользе, приносимой в бою стрелками, но испытывал искреннее уважение к их проблемам. Летчик-истребитель должен всего лишь нацелить на врага нос самолета и нажать на спуск и то мало кто справлялся с этим хорошо. Тогда как стрелок ведет стрельбу вверх, вниз, вбок, вслед — да еще по быстро перемещающейся цели и находясь на подвижном основании, располагая к тому же только четвертью огневой мощи, имеющейся на истребителе, по которому он стреляет.

Но мисс Химинес кое-что упустила из виду: Луис должен был быть классным стрелком. Его могли оставить в тылу как киноактера, но никто не стал бы просто так доверять ему должность инструктора: кому нужен кадровый стрелок, обучен-

ный спустя рукава?

За кожурой голливудско-испанских манер прятался твердый орешек.

Режиссер крикнул:
— Уолт, мы готовы!

У входа в церковь стоял пожилой актер, с которым я еще не встречался, одетый в пыльное церковное облачение. Но я легко

его узнал по другим фильмам Уитмора.

Уитмор подошел к нему и встал рядом. Кто-то сунул в его руку окурок сигареты. Режиссер попросил Уитмора сдвинуться на пару дюймов, помчался к камере и скомандовал начать съемку.

Священник вежливо произнес:

— Вы кого-нибудь ищете, сеньор?

Уитмор:

- Так, одного парня, отец.

- По делу, сеньор?

Да. Он кое-что заказал... и я притащил это через горы.
 Священник кивнул.

— Это ваш конь там... Черт! Я хотел сказать — «джип».

Режиссер прорычал: «Стоп!»

Священник покачал головой и грустно сплюнул.

Черт побери, босс, я так и знал, что перепутаю с вестерном.

За моей спиной Дж.Б. тихонько заметила:

- И мы все тоже.

Я попал в Боскобел сразу после одиннадцати, и на этот раз местечко кипело энергией. Механики и летчики, занятые на плантациях, втаскивали самолеты в единственный наличный ангар. Другие толпились в хижине у стойки, изучая карту погоды, слушая радио и крича служащему, чтобы тот еще раз позвонил в метеослужбу «Палисадос».

Я поинтересовался новостями, и пятеро в один голос сообщили мне, что «Клара» все еще движется более или менее в нашу сторону, слегка к юго-западу, последний раз ее зафиксировали в двухстахпятидесяти милях на северо-восток от Рес-

публики.

— Неугомонная стерва, — добавил один из пилотов, — порывы ветра до пятидесяти узлов в трехстах милях от «глаза».

- А что нам удастся об этом узнать из Республики, Ганти

или Кубы? — кисло бросил служащий у радио.

Тут-то и была загвоздка — точнее, три загвоздки: «Клара» теперь, наверное, уже над Республикой, а к полудню доберется и до Кубы с Гаити. Но все три страны славились плохой репутацией в отношении своевременных и точных метеосводок. Куба и Республика — в силу присущей им скрытности. А Гаити — потому что это Гаити. И хотя американские воздушные метеорейды проследят за «глазом» урагана, они едва ли уделят большое внимание его краям. А именно края, точнее, передний фронт урагана меня и интересовал.

Один из пилотов с плантаций весело сказал:

— Жаль, что для вас, Кэйт, в ангаре нет места.

— Я пошлю вам открытку из Каракаса, — отпарировал я, — светит солнце, на море свежий ветерок. Как жаль, что вы не с нами.

Человек у радио фыркнул.

— Как раз тогда, когда он поселил девушку из Каракаса в Зеленом Парке. Видели ее, ребята? — он оторвал руки от приемника, чтобы обрисовать в воздухе контуры мисс Химинес.

— Я ее видел, — ответил пилот. — Знаешь, Кэйт, бог не оставляет тебя вниманием. Ты привозишь сюда девушку, а он, как испытание, посылает тебе ураган. Если это настоящая любовь, никакой ветер тебя не остановит.

Как одна актриса сказала епископу, — добавил радист.

Я подощел к двери и посмотрел на небо. Остальные присоединились ко мне. Но все было тихо, небо чистое, только на

Голубых горах висело большое белое облако. С востока дул

мягкий ветерок. Пока — ничего.

«Глаз» урагана невелик. Вихри в 150 миль в час, вращающиеся вокруг него, в поперечнике обычно не превышают 40 миль. Но именно они и причиняют наибольший ущерб: ломают дома, выбрасывают на главную улицу пароходы, переворачивают самолеты. Впрочем, как я уже говорил, — это только желток яйца. Белок распространяется далеко и широко. «Клара» гоняет облака в тысяче миль от «глаза», на пятьсот миль впереди себя, завинчивая потоки воздуха в крутящиеся против часовой стрелки спирали.

Именно в этом и крылась проблема: если «Клара» не изменит направления движения, то первым ее знаком будет перемена ветра, он подует с севера. А на взлетной полосе, протянувшейся, как и везде на Ямайке, с востока на запад, это будет ветер сбоку, и он может быть чересчур сильным для взлета. Тогда я

и «Митчелл» окажемся пригвожденными к месту.

Кто-то спросил:

— Улетаете?

Имело полный смысл это сделать. Однако смену ветра следовало ждать не ранее трех часов утра. И ее может вообще не быть. Рано или поздно «Клара» повернет — на север или на восток. А Каракас или любой другой безопасный аэропорт к югу означал прорву горючего.

— Буду ждать, — решил я.

— Это любовь, — объявил радиет.

Один из пилотов фыркнул.

- Если у него в голове есть коть капля мысли, эту ночь он

проведет в самолете.

Я кивнул. Было бы приятно, если бы мне позвонили в отель из метеобудки, чтобы сообщить, что ветер сместился к северу и достиг уже, скажем, 15 узлов. Но... я буду спать с «Митчел-

лом». Командиром самолета был я.

Я направился к стоянке «Митчелла», чтобы посмотреть, как дела у электриков, и предупредить их о том, что вечером следует все прибрать и подчистить. Но они уже заканчивали работу. Новый жгут блестящих с разноцветной изоляцией проводов тянулся по стенке кабины, а на панели управления был установлен щиток с переключателями и четырьмя кнопками.

— Работает хорошо, — заверил меня главный электрик. — Когда закончим съемки, мы все это снимем, электромагниты еще пригодятся. Если, конечно, вы не подумываете стать

профессиональным бомбардировщиком.

Шутка. Все весело рассмеялись.

Перехватив выпивку в «Золотой голове» и купив по пути бензиновую противоураганную лампу, я вернулся в отель, чтобы слегка поспать. В семь я проснулся и позвонил в метеослужбу «Палисадос»: «Клара» по-прежнему двигалась в нашу сторону. И уже были сведения о том, что она наделала в Пуэрто-Рико: деревья и телефонные столбы повалены, всюду потоп, оползни — обычный набор удовольствий. И это по крайней мере в трехстах милях от «глаза» урагана. Республика, должно быть, днем испытала то же самое. Что ж, мне бы хотелось, чтобы генерал Боско оказался в это время на улице без плаща.

Я же никоим образом не хотел связываться с сестрицей «Кла-

рой». Она, похоже, стала уже совсем взрослой.

Я помылся под душем, в одиночестве выпил виски в баре, не торопясь пообедал и в 9.30, хочешь не хочешь, наконец отправился в Боскобел.

22

Сегодня вечером взлетно-посадочная полоса была в полном моем распоряжении. Служебная хижина наглухо заперта, ан-

гар с самолетами — тоже.

В этой части острова ураган «Клара» был теперь только моей проблемой. Я пошел к восточному концу полосы и повесил справа от нее на дереве штормовую лампу. На расстоянии 3000 футов будет видна лишь мигающая искорка, но для взлета ночью ничего больше и не нужно, только ориентир — конечно, при условии, что я не забуду держать направление чуть левее его.

Я вернулся к «Митчеллу». Подумав, я решил снять замки с педалей управления, чтобы первый же порыв северного ветра ударил по ним и разбудил меня, — в том маловероятном случае, если я засну. Затем, поскольку формально нельзя приступить к ночному бдению, не попытавшись сначала заснуть, я сел, прислонившись к переднему колесу, и закурил,

пуская дым в вечернее небо.

Постепенно я задремал. Ночь обещала быть спокойной, ясной и очень темной — той всеобъемлющей, звучащей эхом темнотой, с какой вы сталкиваетесь только в тропиках. Но не тихой: кусты и деревья по обеим сторонам взлетной полосы шелестели и жужжали, иногда, нарушая монотонное ожидание, раздавались отдельные вскрики или свист. Хотя тропическая ночь в отличие от северной никогда не несет в себе оттенка колдовской жути — не здесь, на острове, по

крайней мере, где вы можете пострадать только от скорпионов иотелей.

Я курил, глядел на тысячи ярких звезд и размышлял — нет ли где-то там далеко среди других квадратноглазых чудин одного бледно-зеленого чудища, которое сидит сейчас возле потрепанного, старого бомбардировщика и ждет, когда разразится аммиачный шторм, размышляя о том, нет ли где-то там...

Учитывая число звезд и вероятностную статистику, я решил, что такой шанс есть. Может быть, даже, это чудище сейчас соображает, как это оно встряло в чуждую ему войну, и пытается понять свои ощущения в связи со случившимся. Помня при этом, что бомбардировочного прицела у него нет, а потому лететь придется низко, как истребителю-бомбардировщику, и размышляя, насколько низко оно рискнет лететь с 500-фунтовыми бомбами. Даже предполагая, что взрыватели исправны, несмотря на то, что пролежали не один год в удушающей жаре какого-нибудь центральноамериканского военного склада.

Я выбил трубку об тормозной башмак и залез в самолет

поспать.

Не знаю, что меня разбудило, — разве только то, что я и во сне прислушивался к первому порыву северного ветра. Но вдруг я осознал, что сижу в задней части фюзеляжа, сбросив с себя защитные чехлы и напряженно прислушиваясь.

Ничего.

Я разыграл обычную шараду, уверяя себя, что все ерунда и надо спать, после чего пробрался к одному из иллюминаторов.

К самолету шли двое.

Пара друзей-пилотов с плантаций, чтобы сообщить, что «Клара» свернула на север, и я могу прекратить свое ночное бдение? Черта с два! Сон слетел с меня в мгновение ока. Пришельцы обогнули крыло и вытащили ножи. На момент я подумал, не запереться ли в «Митчелле», — всего-то и дела, что заклинить входной люк. Но тут же понял, что придется спуститься вниз.

Спуститься, да. И с чем? — против двух ножей.

Искать по углам в непроглядной тьме — никакого смысла. Я подумал, не осталось ли под рукой какого-нибудь инструмента. Нет, не осталось: все стащили бы. И тут я вспомнил про хвостовую «пушку» — крашеную палку от половой щетки, выставленную в задний боевой люк. Быстро и — я хотел верить — бесшумно я пополз туда.

На секунду палка застряла, затем освободилась: ее держала изоляционная лента. Трех футов длины, гладкая по ощущениям в ладенях, которые, казалось, стали влажными. Я осторожно

глянул в боевой люк: они стояли неподалеку, разглядывая самолет. Я застыл на месте, подумав, что меня услышали, но, похоже, они просто что-то обсуждали. Потом один из них достал клочок бумаги, осторожно огляделся и зажег спичку, чтобы прочесть написанное на нем. Другой наклонился через его плечо.

Две испанских физиономии с резкими чертами, у одного маленькие черные усики. Рубашки с открытым воротом, больше ничего не видно. Спичка погасла, они снова поглядели на

самолет, что-то обсудили и двинулись под крыло.

Я пополз к входному люку, он был открыт — на предмет вентиляции и северного ветра. Я соскользнул по раздвижной лесенке вниз, надеясь, что маленькие ступеньки не скрипнут, но лестница насквозь проржавела и составляла теперь одно монолитное целое, так что я и половая шетка приземлились на бетон, никого не потревожив.

Один из незваных гостей стоял наклонившись у правого заднего колеса, другой — у переднего. Я сделал три длинных осторожных шага, затем побежал. Человек у носа самолета увидел меня и закричал. Его компаньон круто повернулся, выпрямившись и выставив нож перед собой.

Я взмахнул палкой, точно бейсбольной битой. Она прошла по его рукам и ударила по груди, он отлетел назад, ударившись

о двигатель, но ножа не выпустил.

Я сделал выпад палкой, как штыком, он согнулся пополам, нож звякнул о бетон. Но тут из-за винта появился второй. Я быстро нагнулся, схватил нож и резко махнул им, чтобы показать, что мы с ним теперь на равных началах. Он замер на месте.

- Avanze, amigo*, предложил я. Мне надо было заманить его под крыло. Если он и умел драться на ножах, то при свете и на открытом месте. Мое же знакомство с этим искусством ограничивалось американскими фильмами о жизни подростков в зажиточных пригородах. Но под крылом самолета был мой мир. Здесь я инстинктивно чувствовал высоту, дистанцию и препятствия.
- Я мог бы продать вам билеты на рейс, начал я непринужденным тоном, но завтра от них не будет никакого толку. Все полеты отменены. Идет ураган, так что вы тут застрянете: в зале ожидания в ожидании полиции. Это все равно, что подобрать деньги в канаве. Apurese, amigo.

Он «сапуресил» что надо! Быстрый финт в сторону — и сразу выпад ножом. Я принял выпад на палку и попытался одновре-

^{*} Avanze, amigo (ucn.) - sneped, dpyc.

менно выбить нож из его руки. Не вышло. Я сделал выпад сам, он отскочил назад.

Он стал кружить вокруг меня, направляясь к концу крыла, так, чтобы я оказался спиной к его другу, который котя и ловил все еще ртом воздух около колеса, но в любой момент мог прийти в себя и присоединиться к нашей компании.

Что ж, если его приятель решил, что ему следует играть более активную роль, пусть так и будет. Я шагнул назад и в сторону, отбросил палку, рывком под подбородок поднял голову лежащего и, повернув нож, ударил под ребра рукояткой. Оба разом вскрикнули.

— Вы должны понимать, — обратился я к тому, кто был на ногах и с ножом, — если нам предстоит продолжить, то мне придется сначала прикончить вашего коллегу. Нет?

- Как хотите.

Но не настолько безразлично, чтобы я поверил. Человек, свисавший с моей руки, беспокойно заерзал.

Я взмахнул ножом.

Мой противник крикнул: «Нет!»

Я остановился. Свет автомобильных фар пересек бетонную дорожку. Две машины. Я крикнул: «Policia!» — котя не думал, что это она.

Человек с ножом бросил взгляд на машины, на меня, на деревья по краям взлетной полосы и, сделав выбор, исчез в кустах.

Я опустил руку, и его товарищ упал, пробормотав нечто нецензурное, но легко запоминающееся о матери сбежавшего.

Я посоветовал ему полежать и не спешить, затем вышел вперед, чтобы встретить машины. Когда они затормозили, я их тут же узнал: фургон Уитмора и «аванти» Дж.Б. Всябанда была в сборе, включая мисс Химинес.

Уитмор вылез из машины, увидел нож в моей руке и сказал:

— Мы друзья. Зачем это, дружище?

 Не мой. Принадлежит паре субъектов, нанесших мне визит, — я кивнул в сторону человека под крылом. — Второй мчится в направлении холмов.

Они застыли на месте. Мисс Химинес нырнула в свою большую крокодиловую сумку и вытащила отделанный серебром автоматический пистолет.

— Где они? Это они убили моего брата!

Ствол пистолета качнулся по такой чересчур всеохватывающей дуге.

— Не с ножами, не они, — успокаивающе сказал я.

Унтмор и Луис прошли под крыло и появились, таща пришельца к свету фар. — Что вам тут нужно? — спросил я. Мне наконец-то удалось посмотреть на часы. Было начало второго ночи,

Дж.Б. ответила:

— Есть новости, но они могут подождать.

В свете фар было видно, как мисс Химинес нацелила пистолет на трио из Уитмора, Луиса и незнакомца.

Уитмор бросил:

— Уберите эту чертову игрушку.

С видимой неохотой она осознала, что в оружии нет необ-

ходимости и засунула пистолет в сумку.

— Но он должен все рассказать! Мы должны его заставить! На свету наш гость выглядел сорока с небольшим, умеренно высок, умеренно толст и более чем умеренно напуган.

Уитмор сказал:

Слышали леди? Начинайте.

Человек пожал плечами и пробормотал:

— Не понимаю.

Уитмор опустил лапу на плечо незнакомцу и потряс его, как заклинившую дверь. Мисс Химинес продолжала настаивать:

— Мы должны заставить его говорить. Какая-нибудь пыт-

ка... — она оглянулась в поисках вдохновения.

Я предложил:

 Почему бы не завести двигатель и не запустить его руку в лопасти винта? К тому времени, когда дойдет до локтя, он, наверное, уже все выложит.

Дж.Б. вздрогнула.

— Вы это серьезно?

Я пожал плечами.

— Не больше, чем остальные из присутствующих. Что вы хотите от него услышать? Откуда он взялся? Мы это знаем. Кто его послал? И это известно. С какой целью? Очевидно. Спросите, какая погода в Санто-Бартоломео, и пусть убирается ко всем чертям.

Уитмор отпустил непрошеного гостя и шагнул назад.

Верная мысль, дружище.

Мисс Химинес уставилась на меня.

— Позволить ему просто так уйти?

— Если он не нужен вам как сувенир, — ответил я.

Она нахмурилась, попыталась свыкнуться с мыслыю, столь для нее необычной, затем медленно сказала:

— Но принцип любой хорошей контрразведки — никогда не давать врагу никакой информации, даже о его неудаче, — если, конечно, это не специально, с целью обмана. Мы хотим, чтобы он сообщил о своей неудачной попытке?

— Но его коллега так и так удрал. Его отчету мы помешать не можем. Только и надежды, что он достаточно знаком с диктаторами, чтобы промолчать о своем фиаско, — я подошел к незнакомцу и обшарил его карманы. Как я и ожидал, там оказался паспорт.

Я посмотрел ему в глаза и увидел в них угрюмую ненависть.

— Слушай, — сказал я тихо, — я только что спас твою жизнь. Может быть, не твою работу, но нельзя иметь все. Не пытайся вернуть свой паспорт — я его сожгу. И не пытайся найти меня: ты не годишься для таких дел. Vamos, amigo *.

Он побрел прочь, сначала медленно, еще не веря, потом все быстрее. К тому времени, когда он достиг деревьев, он уже

развил максимальную скорость.

Я постучал ножом по паспорту.

— Даже если он рискнет вернуться домой, это его задержит. Да и вообще, стобрать паспорт — это как-то по-детски. Ему будет стыдно в этом признаться.

Дж.Б. сказала:

— Не пойму, почему они пришли без пистолетов. Я имею в виду... если они рискнули выстрелить в таком людном месте, как аэропорт Кингстона, что могло их удержать на заброшенной взлетно-посадочной полосе в час ночи?

Логика адвоката.

Я сказал:

— Их интересовал не я, а только самолет. Хотели порезать шины. Они вообще не думали, что я здесь: целую вечность стояли у крыла и спорили, тот ли это самолет или нет. Думаю, их сбил с толку весь этот камуфляж, — я кивнул на эмблему Амазонии, красовавшуюся на борту.

Уитмор спросил:

— Это бы решило дело? Порванные шины?

— Запасных нет. Они, должно быть, это сообразили. Но через несколько дней я бы нашел замену. Это они тоже должны были сообразить.

— Им и надо несколько дней.

— Что вы имеете в виду?

Он сделал движение головой.

— Хуанита, она получила радиосообщение от отца. Он начнет атаку через... — Уитмор посмотрел на часы, — тридцать часов.

Помолчав, я медленно сказал:

Что ж, если бомбы прибыли, я мог бы заняться подключением взрывателей...

^{*} Vamos, amigo (ucn.) — прощай, друг.

Уитмор бросил:

— Бомб нет. Расскажите ему, Дж.Б.

Дж.Б. развернула «Майами Герольд» и скороговоркой прочитала:

- «Вчера в заливе Гондурас морской патруль обнаружил у рыбаков под сетями четыре авиабомбы. Место назначения бомб неизвестно, но предполагают, что они направлялись антикастровским мятежникам на Кубе или во Флориде»... Что ж, по крайней мере, им неизвестно...
- Им не так уж долго будет неизвестно. Что произойдет, когда выбаки заговорят?

Уитмор ответил:

 Рыбакам рассказывать нечего. У нас контакт с одним типом в Кингстоне, он хотел выйти в море навстречу их судну.

Тут я вспомнил агента Эллиса и его «каникулы». Если у ФБР здесь когда-то были контакты, Эллис должен быть в курсе дела, и ему хватало соображения, чтобы их использовать. Надо полагать, в эти каникулы ему оплатят дорожные издержки.

Я кивнул и сказал:

— Что ж, с этим, видимо, все. Химинес не может выступить. И в любом случае завтра здесь может быть ураган.

Луис тихо заметил:

- В нем-то все и дело, другмой, в урагане. В Республике весь день разгуливали дождь и ветер. Телефонная связь нарушена, на дорогах обвалы. Все коммуникации на нуле. Армия застряла в холмах, а истребители привязаны к земле. Как раз то, что нужно Химинесу: он может захватить Санто-Бартоломео прежде, чем кто-либо об этом узнает, Луис вздохнул. В этом есть смысл... Поэтому ночью он выступает. Через двадцать три часа.
- В этом есть смысл, если «Вампиры» разметало ветром, или Нед увел их с острова.
- В сообщении, вмешалась мисс Химинес, говорится, что они на базе, целы и невредимы.
- Тогда скажите ему, чтобы он не двигался с места. Бог мой, если «Вампиры» поднимутся в воздух...
- Капитан, сказала она хладнокровно, мы решили задачу. Вместо бомб вы сбросите артиллерийские снаряды.

Уитмор добавил:

Похоже, что груз снарядов направлен к Химинесу. Мы могли бы его перехватить.

Мисс Химинес продолжала:

При том же весе вы можете взять почти двести снарядов.
 Это, наверное, даже лучше бомб.

Я пристально оглядел всю компанию.

— Артиллерийские снаряды, говорите? Двести штук? А как я их привяжу к четырем консолям? И они должны быть на взводе до того, как я взлечу. Если же хоть один из снарядов оторвется... Я действительно хочу взлететь с очень короткого разбега, но не без самолета.

Из взгляда, брошенного на меня мисс Химинес, мне стало ясно, что Клаузевиц не снизошел бы до участия в одной войне

со мной. Даже на стороне противника.

Дж.Б. заметила:

— Что ж, как говорится: «Нет коня — нет и патруля». Придется, Карр, вернуть шерифскую звезду.

Уитмор пожал плечами и прорычал:

- Только и остается, что бросать в них камнями.
- Да уж, черт возьми, придется, если Химинес действительно намерен выступить, огрызнулся я в ответ. И тут меня осенила идея. Хотя кирпичи были бы лучше.

Все уставились на меня. Уитмор сказал:

- Кирпичи? Вы серьезно?

— Да.

— Кирпичи... Но что они могут против истребителей?

— Видели когда-нибудь, как истребитель налетает на кирпичную стену со скоростью 150 миль в час?

Помолчав, он сказал:

— Да... то есть нет. Но я начинаю понимать.

— Можно сделать наоборот: мы бросим на «Вампиров» кирпичную стену со скоростью 150 миль в час.

Дж.Б. спросила:

— Думаете, кирпичи выведут истребители из строя?

— Черт возьми, при такой скорости встречная птица пробивает дыру в металлическом фюзеляже. А фюзеляж «Вампира» даже не из металла, а из клееной фанеры. Кроме того, внутри куча хрупкого оборудования: радио, гидравлика, сервоприводы. Мы не распылим их в щепки, как это сделали бы бомбы, но никто не сядет за штурвал самолета, в котором несколько дыр и каждая размером с кирпич. Некоторые выйдут из строя совсем, другие — на несколько дней, а это ведь и нужно, так?

Луис сказал:

- Один день, этого достаточно.

Уитмор тихо спросил:

— А как насчет загрузки кирпичей на те же четыре консоли?

— Да... — об этом я еще не подумал. Последовала пауза, они ждали, пока я решу проблему.

Неожиданно я вспомнил, что решил бросить курить.

— У кого есть сигареты?

Уитмор молча протянул мне сигарету, а Лунс щелкнул зажигалкой перед моим носом.

— Спасибо, — я снова погрузился в размышления. В холодном застывшем свете фар царила тишина. Существам в зарослях надоело пищать и квакать, а может быть, они пошли спать. Звезды были на месте, но казались плоскими и тусклыми, как будто их уже касался луч рассвета. Знакомых там у меня не было.

Уитмор мягко подтолкнул:

- Ну как, дружище?
- Сети, решил я, рыболовные сети.
- Что?
- Когда я только появился в этих местах, тут подвизался пилот, транспортировавший на старом бомбардировщике нитроглицерин для развивающихся компаний в Андах. Они тогда начали там добычу руды. Так вот, он подвешивал к стенкам корпуса самолета груз нитроглицерина в рыбацкой сети получался как бы гамак, предохранявший от воздушных ям. Ну, а если бы он попал в очень плохую погоду, что ж, только и дела: открыть дверцу шлюза, нажать на кнопку спускового механизма и никаких забот из-за нитроглицерина.

— И это работало? -- спросил Луис.

— Отлично. Пока какой-то осел не нажал на кнопку во время заправки самолета горючим на стоянке. Это было пять лет назад, но в ясный тихий день можно все еще услышать эхо. Впрочем, мы никогда не были с имм друзьями.

Короткая пауза, потом Луис заметил:

Друг мой, вы что, подбадриваете себя этими маленькими рассказами?

Я ухмыльнулся.

— Извините. Но думаю, идею эту можно использовать. Только надо будет натянуть вдоль бомбового шлюза несколько сетей с кирпичами. Тогда я смогу сбросить их по очереди: раз, два, три, четыре — одну за другой.

Уитмор нахмурился.

- Полагаете, этого хватит на одиннадцать самолетов?
- Да. Кирпичи будут падать из одного края сети и потому распределятся на большой площади. Кроме того, форма у них не обтекаемая, поэтому часть будет падать торцом вниз, а часть плашмя, что их задержит. Я полечу на высоте не более 100 футов, поэтому все они почти сохранят продольную скорость движения. Дажете, которые упадут на землю, будут отскакивать и могут повредить колеса, при 150 милях в час.

Уитмор посмотрел на каждого из нас.

— Что ж, — сказал он, — наверное, это лучшее, что можно сделать.

Мисс Химинес повернулась к нему.

— Вы и в самом деле намерены сбросить на эти самолеты

всего лишь какие-то дурацкие кирпичи?

— Ничего другого у нас, милочка, нет. Вы слышали, что говорил Карр. Даже если он ликвидирует половину, мы будем наполовину ближе к цели. Ваш отец ведь в любом случае намерен выступить, да?

Она нахмурилась.

— Он идет на осознанный риск, полагая, что больше выиграет с ураганом, чем потеряет с мистером Карром.

Я сказал:

— Благодарю.

— Олл райт, — вмешался Уитмор, — скажите Дж.Б., что вам

потребуется, и она утром этим займется.

— Мне нужно четыре сети. Крепкие, но не очень большие. Их можно найти в Кингстоне или Мо-Бэй. Пригодятся также остатки кабеля, который ваши ребята использовали при оборудовании «Митчелла». И кирпичи. Скажем, две тысячи фунтов. Не знаю, где вы их достанете.

Луис сказал:

 Родди использовал кирпичную кладку для фундамента церкви.

Уитмор щелкнул пальцами.

 Верно. Мы так и так ее завтра разломаем. А кирпичи просто пошлем сюда.

Луис улыбнулся, немного устало.

— Где-то здесь, Уолт, есть нечто философское. Иллюзия церкви используется для реального бомбардировочного рейда.

— Черт возьми, ты что, обратился к религии?

 Нет, — Луис покачал головой. — Если подумать, это не новая философия.

23

Огни фургона Уитмора исчезли за поворотом дороги. Дж.Б. проводила их взглядом, держа руку на дверце «аванти», затем сказала:

 Итак, ваш длинный язык опять втянул вас за уши в ту же войну. Кто другой подумал бы о кирпичах и о сетях? Вся затея была бы отменена. — Хороший помощник должен подавать идеи своему шерифу, так?

Не уверен, но, может быть, она поморщилась.

— Я, возможно, была не права по отношению к вам. Вы действительно всерьез взялись за это дело и хотите лететь туда. Почему?

Я глубоко вздохнул.

— Наверное, потому, что там — Нед Рафтер.

— Хотите сказать, это просто ваши личные счеты? — она удивленно смотрела на меня, лицо казалось застывшим в полусвете фар.

Я пожал плечами.

- В какой-то мере.
- Только потому, что он побил вас? Отобрал ваш самолет? Поэтому теперь вы рветесь побить его?

— Нет.

- Он назвал вас убийцей.
- Он просто насмотрелся кинофильмов. В истребителях никого другого и не должно быть.
- Тот юноша в «Вампире» возле Санто-Бартоломео... ее голос был холоден и далек, как высокий ночной горизонт.

Я кивнул.

— Безусловно. Думаете, я в Корее воевал случайно? И по ошибке сбил три «МИГа»? Это — моя работа. И только так я могу сражаться — если предстоит сражаться.

Личные счеты.

Я взорвался:

— А ваш друг-верзила — Уитмор? Я знаю, почему заинтересован Луис, но Уитмор-то не очень тянет на великого либерального освободителя.

Она уставилась на меня.

- Хоть в этом вы правы. Когда он начинает говорить о политике, то оказывается на три гусиных шага правее нацистов.
- Так я и думал. И при этом он поддерживает Химинеса это ли не личные счеты?
 - Вы не знаете?
 - Чего не знаю?
- Но я же сама слышала, как он вам говорил: у него в банке Республики заморожено двести пятьдесят тысяч долларов доходы от фильмов. И еще у него имеется клочок бумаги, на котором написано, что, придя к власти, Химинес первым делом «разморозит» эти деньги. Вместе с вашим самолетом.

Я растерянно кивнул. Он, действительно, еще в Санто-Бартоломео говорил мне об этих деньгах. Помолчав, я добавил:

— А я-то думал, будто ему кочется изобразить Боливара

Смита в реальной жизни.

 Да, может быть... Но при обычном для него гонораре за роль.

Я почувствовал, что непроизвольно смеюсь.

— Это как-то возвращает веру в человека. Что хорошо для Уолта Унтмора, то хорошо и для Республики.

Она обожгла меня взглядом,

— Вы-то тоже не такой уж защитник правого дела Химинеса.

— Мне наплевать на Химинеса. Это меня не касается, и это не моя страна.

— И вы согласились на рейд только для того, чтобы оста-

новить Рафтера?

- Кто-то же должен это сделать.

Пауза. Затем она с недоверием спросила:

— Что вы имеете в виду?

— Когда Химинес выступит, кто-то должен остановить Неда и «Вампиры». С наименьшей охотой я остановил бы Химинеса, но не могу. Кого-нибудь там, понятно, убьют, кто-то начнег стрелять на улицах, кого-то поставят к стенке. Что ж, это — в порядке вещей. Но «Вампиры» — нет.

Она нахмурилась.

— Не понимаю.

— И не поймете. Ни вы, ни Уитмор, ни Химинес, ни даже генералы. Никто из вас не видел, как профессионал вроде Неда ведет эскадрилью в атаку. А я видел. Я видел, как Нед в составе звена из пяти самолетов сделал налет на деревню з Корее. Напалм и артиллерийский огонь. 45 секунд — и деревни как не бывало. А теперь вообразите его и еще десяток самолетов над такой приятной и кучной целью, как Санто-Бартоломео. Никаких зениток, и шесть-семь полетов в день. База — на расстоянии каких-то нескольких миль. Когда все закончится, город останется в книгах по истории только грязным словечком. И победа, ничья или поражение — разницы не будет! Пожинать окажется нечего: не останется ни домов, ни людей.

Помолчав, она спросила:

— Генералы пойдут на это?

— Я же сказал вам, они не знают. Только я и Нед понимаем. Да, Боско на это пойдет, ему придется: при армии, застрявшей в горах, Нед и «Вампиры» — его единственные козыри, и он ими воспользуется.

— А вы хотите его остановить?

— С разрешения урагана.

Она кивнула, затем медленно и задумчиво пересекла полосу света, подошла к «Митчеллу» и принялась рассматривать сверкающий помятый фюзеляж.

— И это единственная причина?

— Можете считать это просто коммерческим предприятием, — прорычал я, — для пилота-транспортника мало с кем останется торговать в Санто-Бартоломео после того, как Нед и его парни поработают над городом.

— Ваши благородные побуждения, Кэйт, мне нравятся больше, — голос ее стал серьезным. — Но это точно... не ваш

конфликт с Недом?

- Это дело я бросил десять лет назад, не забыли?
 Потому что... потому что оно вам не по душе?
- --- Возможно. А может быть, потому что оно затягивает. Начинает нравиться наблюдать, как человек на другом самолете в огне падает вниз, я пожал плечами. Почему нет? Большинство людей, хорошо знающих свое дело, любят его. А я это дело знал, олл райт. Но я не обязан приходить в восторг от того, что мне нравится, а заставить себя измениться я не мог— продолжать сбивать самолеты, но по другим побуждениям, внушая себе: «Это за свободу и демократию», «Это чтобы спасти жизнь товарища». Все равно я каждый раз делал бы это потому, что я Кэйт Карр, великий и непобедимый, потому что мне это нравится.

— А завтра?Я улыбнулся.

— Те, что на земле, в счет не идут. Старая боевая традиция.

Она взглянула мне в глаза.

— Простите меня, Кэйт, я ошибалась... — она поежилась, как от порыва ветра или воспоминания, но ветра не было. — Дайте сигарету.

- Извините, но...

— Ах, да. Вы курильщик, но без сигарет. Поищите в машине. Я нашел пачку сигарет над панелью управления и заодно выключил фары, потом вернулся к ней. Вокруг темно, тихо. Вверху тускнеющие звезды.

Мы закурили и надолго замолчали. Далеко впереди мигал огонек — словно падающая звезда: моя лампа в ожидании, когда ей придется стать маяком. В ожидании северного ветра.

Я протянул руку и погладил ее длинные, спутавшиеся шелковистые волосы. Она застыла.

- Подождите, Кэйт. Вам известно, что это я все организовала? Я имею в виду чтобы получить подпись Химинеса под его обещаниями Хозяину, в ту поездку в Санто-Бартоломео.
- Я догадался, Маленький симпатичный контракт комар носа не полточит.
- Но послушайте, ведь я адвокат Уитмора, и в ее голосе звучала почти паника, я обязана была сказать, что дело стоящее. Он выкладывает двенадцать тысяч за самолет и еще несколько сотен вам, причем, как расходы по фильму, это почти не облагается налогом. Все это за шанс и неплохой получить четверть миллиона. Я обязана была сказать, что дело стоящее. Но не для вас. Вам-то оно ни к чему.
 - Знаю. Я, как вы и говорили, свободен в своем выборе.

— Кэйт, тебя могут убить!

- Не меня. Я же говорю я знал свое дело. Тот тип, который атакует только сзади и ожидает, когда высота и солнце на его стороне. Мы не рискуем, не ставим все на карту. Мы стараемся обмануть.
- Корея была так давно, возразила она, ты мог забыть.

Я положил руки ей на плечи.

- Как, например, тогда над Санто-Бартоломео?

И вдруг она оказалась в моих объятиях, прижимаясь ко мне, залепляя волосами мне глаза и нос.

- Кэйт, не дай им убить тебя, только не дай...

И тут тусклый звездный свет и лампа в конце бетонной полосы и даже северный ветер, если бы он подул, — все стало чем-то далеким, словно в другой стране, за морями.

Много позже сонным голосом она сказала:

- А ты начинаешь сдавать... Даже не спросил, что значит Дж.Б.
 - -- Верно. Обязательно расскажи, когда нам не о чем будет

поговорить.

— Непременно. Я настаиваю на этом. И к тому же тебя могут лишить британского гражданства, если будет установлено, что ты даже не знаешь моего имени, — ее голос зазвучал по-другому. — А как будет с полковником Рафтером?

- Что будет?

- Если ты завтра сделаешь налет, он не станет потом преследовать тебя?
- Не думаю. Нед тот же служащий. Он совершает бомбардировочные рейды, как «Пэн Америкэн» перевозит пассажиров. Он не будет от меня в восторге, но гоняться за мной

не станет — если только не заключит с кем-нибудь маленький комар-носу-не-подточит контракт, по которому ему за это заплатят.

Она замолчала. Я бросил поиск пачки сигарет среди авиачехлов и лежал, созерцая тусклый светящийся четырехугольник — боевой люк.

Тем же сонным голосом она сказала:

- Меня еще никогда не соблазняли в самолете. Интересно, если бы он летел...
 - Любопытство сгубило кошку.

Она засмеялась.

- Как-нибудь потом... Койт, мие что, придется бродить с тобой?
 - **—** Где?
- Везде, наверное. Когда тебя на шесте провезут и вынесут из этих мест.
- Гм... Жить со мною вместе это, конечно, не то, что обычно: муж, дом и дворик на задах... Не знаю, как все обернется.
 - Думаю, мне понравитея.

Я нахмурился.

- А Уитмор?
- После завтрашнего приключения опытный адвокат тебе будет куда нужнее, чем ему. И сомневаюсь, что тебе по карману мои гонорары.
 - А почему, ты думаешь, я тебя соблазнил?
 Она лениво рассмеялась и сиова обняла меня.

Я проснулся от ударов, наносимых кем-то по фюзеляжу. Лучи утреннего солнца проникали через боевой люк, золотя пылинки в воздухе. Было душно и пусто. Рядом со мной — только скомканные защитные чехлы с двигателей.

Знакомый пилот с плантаций просунул голову в передний люк.

 Бог мой, вы, пилоты по найму, верите в здоровый сон! Уже девять часов.

Я уставился на него заспанными глазами.

— Как погода?

Он рассмеялся.

 Ураган — фью! Повернул четыре-пять часов назад на северо-запад. Так что — никаких перелетов в Каракас, — он огляделся. — Что ж, зато ночь была спокойная.

— Да, очень спокойная.

Я кое-как добрел до «Золотой головы», чтобы как следует помыться и выпить кофе. Мне удалось найти сигареты Дж.Б., и я закурил, размышляя. «Спокойная ночь» — и вдруг что-то новое в твоей жизни, что никогда и никуда не исчезнет. Что-то определенное и обязывающее. Забавно, насколько это меняет человека. И забавно, насколько не меняет. Я по-прежнему был Кэйт Карр. По-прежнему непобедимый и по-прежнему намеревающийся нанести визит Неду Рафтеру через... семнадцать часов.

К десяти я снова был возле «Митчелла».

Я мало что мог сделать, пока не прибудут сети и кирпичи, и потому сел в тени крыла, чтобы разработать теорию. Я заявил, что летчик-истребитель может провести любую бомбежку на бреющем полете. Но я так полагал, может быть, только потому, что, подобно другим летчикам-истребителям, был невысокого мнения о пилотах-бомбардировщиках.

При более тщательном рассмотрении вопроса дело стало

казаться не таким простым.

Предположим, я полечу на высоте 100 футов со скоростью 150 миль в час. Падая с высоты всего лишь в 100 футов, кирпич едва ли сколько-нибудь потеряет начальную скорость и, следовательно, ударится о землю, когда я все еще буду прямо над ним. Я вдруг обрадовался, что у меня нет бомб.

Отсчитывая время назад, получаем, что я должен сбросить первую партию кирпичей за столько секунд до того, как я окажусь над первым «Вампиром», сколько требуется кирпичу, чтобы упасть вниз на 100 футов. Назовем это первым законом

Карра и перейдем ко второму.

Кирпич при падении, если не учитывать сопротивление воздуха, имеет ускорение 32 фута в секунду за секунду, — значит, в первую секунду он упадет на 16 футов, во вторую на 48, в третью — на 80. Скажем, 100 футов за 2,5 секунды. Добавим сопротивление воздуха — 3 секунды. Я бросаю кирпичи тремя секундами раньше. Второй закон Карра.

Третий закон получался просто. При скорости 150 миль в час я буду пролетать чуть больше 200 футов за секунду. Следовательно, начинать надо на расстоянии около 600 футов. На первый взгляд кажется чертовски далеко, но все правильно.

Оставалась только задача поддержания точной высоты и скорости полета, курса, а также выдержки дистанции 600 с небольшим футов. Похоже, пилотам-бомбардировщикам требовался все-таки минимум соображения — во всяком случае тем, кому удавалось попасть во что-нибудь.

Вдалеке в воротах появился фургон Уитмора и медленно покатил по взлетной полосе. Не двигаясь, как-то даже настороженно, я следил за ним. Машина остановилась, и из нее вылез Луис. Только Луис.

Я пошел к фургону, чтобы помочь разгрузиться. Он потащил из машины кучу сетей, я подобрал небольшой барабан с кабе-

лями.

— Из Монтего Бэй, — сообщил он. — Официально мы сегодня снимаем рыбную ловлю, но... такие сцены часто остаются за кадром.

И в любом случае — никакого обложения налогом.

Он сбросил связку сетей на траву и искоса взглянул на меня. Я оставил его взгляд без внимания, опустил барабан рядом с сетями и начал их распутывать.

— Уитмор или Дж.Б. здесь будут? — небрежно поинтересо-

вался я.

— Может быть, когда закончат съемки у церкви. Я разговаривал с Дж.Б. по телефону, она мне показалась какой-то уставшей, — снова попытка поймать мой взгляд, но мое внимание было полностью поглощено сетями.

В разложенном виде они имели круглую форму около десяти футов диаметром с ячейками в три четверти дюйма в попе-

речнике.

Луис потрогал пальцем конец кабеля.

— Зачем это вам, мой друг?

— Продернем по краям каждой сети для укрепления, — я поднял одну из сетей, по ее краю шел толстый, грубый канат, пропитанный смазочным маслом или креозотом. — Не забывайте, в каждой из них должно быть по 500 фунтов.

Он с сомнением посмотрел на кабель.

— 500 фунтов...

— Не так уж много. Вообразите, что на каждом конце бол-

тается по четыре девицы.

— У вас удивительная фантазия, мой друг. Я попытаюсь, — он закрыл глаза и мечтательно улыбнулся.

Я сказал:

Он открыл глаза.

- В чем дело?

— Я только сейчас сообразил, что может оказаться и побольше 500 фунтов. Не трудно понять, почему бомбардировщики так размеренно и спокойно летят на цель — словно боятся разбудить зенитчиков. Этот крюк может выдержать 500-фунтовую бомбу, но сделайте поворот с ускорением всего лишь в

одно g, и нагрузка удвоится. На истребителях я маневрировал и на б g. Будь у меня тогда такая бомба, ее вес возрос бы до 3000 фунтов... Дело, может быть, и выгорит, но полет будет на редкость спокойным.

— Рад это слышать, — заметил он, — потому что я лечу с

вами.

Я уставился на него.

- Черта с два...

— Не забывайте, я был стрелком, — он знаком подозвал меня к фургону и сделал жест в сторону заднего окна: на полу лежала большая, толстая винтовка. Я почти сразу ее узнал: американцы применяли их в Корее — БА, автомат Браунинга.

Поколебавшись, я сказал:

Вы были авиастрелком и хотите взять это для воздушного боя?

Он пожал плечами и кивнул.

Я продолжал:

Какой калибр, тридцатый? Скорострельность 500 выстрелов в минуту?

Он снова кивнул.

— Понятно. В Корее на «Sabres» стояли пулеметы пятидесятого калибра при 1200 выстрелах в минуту. В 30-40 раз мощнее этой штуки. И все равно мы требовали себе двадцатимиллиметровые пушки. Вам же это отлично известно, Луис.

Он уклончиво улыбнулся.

— Друг мой, я знал свое дело. И мне может повезти.

— Вы хотите лететь не поэтому.

Он пропустил мою фразу мимо ушей и спросил:

— Вас беспокоит дополнительный вес?

— Да нет...

Он и винтовка добавят около 220 фунтов, что можно скомпенсировать, используя его как второго пилота, — чтобы втянуть колеса в тот момент, когда мы оторвемся от земли. Лучше 200 лишних фунтов веса, чем несколько секунд подъема с выпущенными колесами, — пока у меня появится время заняться ими.

Я пожал плечами.

— Вы зачислены в экипаж.

Он изящно кивнул в знак благодарности, но так и не сказал, почему вздумал лететь. Может быть, не хотел пребывать в бездействии рядом с мисс Химинес или хотел проследить за тем, чтобы моя решимость не растаяла в тоскливые утренние часы.

Он поднял сеть.

— Не покажете ли мне, как бы вы хотели продернуть канат?

Это был долгий изнурительный труд под палящим солнцем. Нам приходилось действовать методом проб и ошибок, потому что под рукой не оказалось инструкции по боевой загрузке бомбардировщика сетями, полными кирпичей.

В конце концов мы использовали сети, сложенными вдвое (я не хотел разрезать и ослаблять их) — на манер гамаков в габаритах бомбового отсека. После этого я занялся ввинчиванием колец в направляющие спуска бомб — в четыре ряда по стенкам отсека. Канат будет продернут сквозь них и через сеть, на конце — петля для надевания на крюк спускового механизма. Теперь мне понравилось, что на каждом механизме по два крюка.

Когда я нажму на кнопку, механизм сработает, и канатные петли слетят с крюков, от веса кирпичей край сети начнет опускаться, вытягивая освобожденный канат из ее ячеек и ввинченных в направляющие колец. В результате сеть раскроется, и кирпичи посыплются вниз — в теории, по крайней мере.

Я понимал, что на самом деле канат, вероятнее всего, быстро заклинит, но мне только и надо было — освободить один конец сети настолько, чтобы она хотя бы частично раскрылась.

Остальное сделают 500 фунтов кирпича.

Смонтировано все было примитивно, и видно было, что от рывка сеть полностью не освободится, но этого и не требовалось. Мне надо было накрыть потоком кирпичей весь строй «Вампиров», а не грохнуть четыре кучи кирпича на четыре «Вампира» — по куче на самолет.

— Почему вы думаете, — спросил Луис, — будто их спе-

циально для нас выстроят в линию?

— Там это обычный порядок, и если Нед ничего не знает о нашем рейде... Да и вообще, вы видели когда-либо военный аэродром, где самолеты не выстраивали в ряд один за другим?

— Не-ет. Но я бывал только на учебных аэродромах. Там они

даже картофелины в супе выстраивают в ряд.

— На то есть свои причины: заправка и обслуживание идут быстро. Командиров ВВС всегда застают врасплох с самолетами, выстроенными, словно колонна школьников, потому что они предпочитают рисковать, но иметь удобный сервис, чем дать чертозым машинам располэтись по всему полю.

— Будем надеяться, — провозгласил он и сунул в рот палец,

проколотый металлической жилой кабеля.

Мы приняли душ, помазались йодом, слегка закусили в «Золотой голове» и к двум часам дня вернулись к «Митчеллу». Половина колец была уже ввинчена, а Луис отрезал два куска каната надлежащей длины, разделал их концы и сплел на каждом по две петли. По-прежнему — ни кирпичей, ни Дж.Б.

Мы упорно продолжали работу. Взлетная полоса и послеполуденное солнце были в полном нашем распоряжении. Сохраняя британские традиции, Ямайка не имеет официальной

сиесты, просто все ложатся после полудня спать.

Внутри бомбовой отсек был похож на турецкую баню при предельной температуре. Я вылез наружу, лег в тени крыла и сказал:

— Дайте сигарету.

Он бросил мне пачку.

— Благодарю, — я закурил, пуская струю дыма вверх к крылу и спросил: — Каковы шансы Химинеса — если, конечно, мы разделаемся с «Вампирами»?

Он задумался.

 Неплохие, я полагаю. Понятно, он идет на риск, выступая в такое время, когда университет на каникулах.

— Что-что?

— Студенты, мой друг, это твердая опора в любой либеральной революции. Выступить во время каникул — значит пренебречь ценной поддержкой. Но ураган предоставляет ему отличный шанс занять Санто-Бартоломео. Если ему это удастся, тогда...

Он пожал плечами.

- Тогда что? Страна-то по-прежнему будет не в его власти. А когда-нибудь и армия прикатит домой, с танками, артиллерией и...
- Революция это не война, мой друг. По сути, это даже и не военное предприятие. В конце концов, кто есть враг? Несколько главарей, только и всего. Разве офицеры хотят воевать со служащими? Или солдаты с крестьянами? Да и вся армия разве она жаждет вести колониальную войну в своей собственной стране, среди своих же домов и семей? Революция это вопрос признания. Вы победили, когда достаточно большое число граждан признает, что вы победили. Так что если вы захватили столицу, назначили новое правительство, объявили об этом по радио и сняли запрет с торговли и бизнеса, да еще вас признала какая-нибудь иностранная держава, тогда люди говорят: «Все закончилось. Дело сделано». И с этого мо-

мента дело действительно сделано. Поэтому, если Химинес сумеет все это провернуть до того, как армия вернется в столицу, тогда она не вернется с боем. Иначе — гражданская война.

Я кивнул задумчиво и скривился от боли, так как забыл, что моя голова касается бетона.

— А если Химинес не сумеет продержаться столько времени?

Пауза. Затем он тихо сказал:

— Тогда он проиграл. Полностью. Это — другая сторона монеты. Люди никогда не поверят, будто человек может выиграть, если он прежде раз проиграл. До сих пор Химинес вел партизанскую войну, не пытаясь удержать позицию, скрываясь в холмах, — просто не давал забыть о себе. Но теперь он должен захватить и сохранить за собой Санто-Бартоломео. Этой ночью он переходит рубикон. От ончательно.

Вы, похоже, всерьез внимали мисс Химинес.
 Он посмотрел на меня и грустно улыбнулся.

— Друг мой, в том не было необходимости. В Республике каждый ребенок обучается чтению, письму и — революции.

Груз прибыл после четырех: два небольших грузовика, нагруженные грязными желтыми кирпичами. Водитель первого из них спросил, кто я, посоветовался с какой-то бумагой и кивнул двум помощникам, чтобы начинали разгрузку.

Уклоняясь от участия в работе, он предложил мне сигарету

и спросил:

— Что строите?

Я подумал, не сказать ли что-нибудь остроумное и загадочное вроде: «Новую страну», но остановился на:

— Сарай, чтобы не воровали инструменты.

Этому он поверил: «На Ямайке, друг, воруют все». Он рассказал, сколько раз обворовывали его машины, и тянул эту историю до тех пор, пока последний кирпич не был положен вдоль взлетной полосы.

Луис заранее тихонько исчез в «Митчелле». Действительно, вид кинозвезды по уши в грязной работе мог показаться подозрительным. Когда грузовики уехали, он вышел,

Я подобрал кирпич и сказал:

 Пойду в контору и взвешу его на весах, чтобы поточнее определить вес груза. Можете начинать подвешивать первую сеть.

Он кивнул, тоже поднял кирпич и начал задумчиво подбрасывать его в руке. Я оставил его за этим занятием.

Кирпич весил пять с половиной фунтов, что означало 360 штук на общий вес груза в 2000 фунтов или по 90 штук на сеть. Мы подвесили первую сеть и начали ее нагружать. Работа была не трудная, но долгая. Один из нас подавал кирпичи, а другой, сотнувшись вдвое в бомбовом отсеке, перебрасывал их в сеть. Время от времени мы менялись местами.

Было заброшено уже 40 или 50 штук, когда длинный «кадиллак» (машина кинокомпании) прошелестел к нам по

бетону. Из него вышла мисс Химинес. Одна.

Она улыбнулась Луису и протянула мне конверт. Я открыл

«Дорогой Кэйт, прости, но мне пришлось отправиться с Уолтом по делу в Кингстон. Да и в любом случае не стоит нам всем слоняться у тебя сегодня. Подозрительно.

Итак, вот твой окончательный боевой сценарий.

В наличии 10, а не 11 истребителей. Согласно сообщению отца мисс Химинес, один самолет разбился на прошлой неделе.

Завтра в Санто-Бартоломео восход в 5.22. Предположительно сильная облачность. Это хорошо, да? У тебя будет где спрятаться. Но в любом случае не рискуй, слышишь?!

Если меня не будет, когда вернешься, не говори ни с кем.

Скройся и жди, пока я не скажу тебе, что говорить.

Береги себя, Кэйт».

Я ухмыльнулся. В этом послании — вся Дж.Б. Я пожал плечами, сунул письмо в карман и огляделся. Луис и мисс Химинес тихонько разговаривали возле самолета.

— Они сюда не приедут, — сообщил я.

Луис кивнул, как будто это его не удивило, и сказал:

- Хуаните очень хочется посмотреть, как действует сеть.
- Я и сам хочу взглянуть. Залезайте внутрь и нажмите на кнопку.
 - О, нет, друг мой. Я хочу это видеть.

Мы уставились друг на друга.

Он повернулся к мисс Химинес.

- Хуанита, может быть, вы захотите нажать на ту самую кнопку, которая завтра нанесет такой удар в защиту дела вашего отца?

Ее глаза засверкали. Она была бы в восторге.

 Льстец — это змея с раздвоенным жалом, — прошептал я, вспомнив фразу из фильма Уитмора.

— Мои руки, — сказал он мрачно, — нагрузили эту сеть. Я хочу это видеть, — и он повлек ее к переднему люку.

Я отослал «кадиллак» прочь: демонстрация должна была быть исключительно нашим делом. Луис выпрыгнул из люка.

— Похоже, она поняла. Я велел ей...

Она поняла.

Сеть вдруг резко провисла под бомбовым отсеком, затем из нее с жутким грохотом посыпались кирпичи. Желтая пыль окутала самолет.

Я сказал:

— Задержка около полсекунды. Значит, нужно сбрасывать за... — я задумался.

Луис сказал:

— Бог мой, сработало!

Но нам пришлось трудиться и в свете фар фургона, прежде чем все четыре сети были подвешены и нагружены. Мисс Химинес до конца, понятное дело, не дотянула. Мелкие, грязные, трудоемкие детали войны не были, видимо, предметом внимания Клаузевица, и она исчезла с наступлением сумерек.

К восьми часам вечера мы все закончили, почистились и сидели у стойки элегантного в испанском стиле бара в гос-

тинице «Плантация».

Луис задумчиво заметил:

— У вас может возникнуть проблема: провисшие после падения кирпичей сети будут тормозить самолет.

Я это уже сообразил, хотя и не видел, что тут можно сцелать.

 Может, и обойдется. В случае чего прорубите топором дыру в перегородке бомбового отсека и обрежьте их.

Он, похоже, отнесся к моему предложению скептически, но промолчал — только фыркнул и посмотрел на часы.

— Когда выдетаем?

Я вытащил письмо Дж.Б. из кармана.

— Восход солнца в 5.22. Следовательно, за 15 минут до этого будет уже достаточно светло для атаки. Скажем, в 5.05. Расстояние — около 450 миль: два с половиной часа нормального полета. Давайте вылетим в два часа, чтобы иметь фору в полчаса на случай плохой погоды, потери курса или отвалившегося крыла.

Он кивнул.

- Тогда я зайду за вами в час пятнадцать?
- Ладно, я допил виски, встал и повернулся к выходу.
 Затем снова обернулся к нему.
 - Почему вы все-таки решили лететь со мной?
 Он пожал плечами.

Возможно... во время войны я в течение трех лет репетировал роль стрелка.

— Луис, вы — отъявленный лжец.

Он улыбнулся. Помедлив секунду, я повернулся и пошел спать.

Я уже наполовину открыл дверь в свой номер, когда осознал, что вижу горящую лампу. И не только лампу, но и мисс Химинес. На этот раз на ней не было черного одеяния, на ней фактически не было почти ничего — только облегающее белое платье китайского шелка, с разрезом сзади, едва-едва не доходившим до стратегического центра, и высоким воротником, переходящим впереди в глубокий вырез, открывающий прекрасный вид на ее тактические высоты.

Я закрыл за собой дверь и устало оперся о косяк. Меньше всего на свете мне хотелось сейчас выслушивать лекцию о том, что думал и говорил Клаузевиц по поводу того, как сбрасывать кирпичи на эскадрилью истребителей.

Но лекции я не услышал.

Она встала, грациозно изогнувшись, и произнесла мягким голосом:

— Это маленький праздник в честь завтрашнего дня, капитан. Не хотите ли выпить?

На столике у кровати в ведерке со льдом стояла бутылка шампанского. И два бокала.

Я растерянно кивнул, она открыла бутылку и разлила по бокалам ее содержимое — вполне профессионально. Протянув мне бокал, она улыбнулась.

— Итак — за завтра. В Англии вы, кажется, говорите: «На страх врагу».

— Э-э-э... да. Или: «За старт», что-нибудь такое.

— На страх врагу! — она выпила, следя за мной черными глазами поверх края бокала. Я проглотил слюну.

Пауза. Затем я сказал:

— Очень мило с вашей стороны заглянуть и пожелать удачи.
 Она выпрямилась, слегка склонив голову вбок и назад, и непринужденно сказала:

- Капитан, я просто хотела быть уверена, что все ваши

желания удовлетворены.

Наверное, рот мой был широко открыт — за глаза-то я ручаюсь. У меня о себе очень высокое мнение (во всяком случае, оно выше, чем у любого другого, знающего меня человека), но я никак не мог взять в толк, с чего бы это меня вдруг тянут в постель богатой венесуэльской девицы из светского общества, которая, как вам известно, презирала мое стратегическое мышление.

Она сказала:

Завтра вы должны быть самым храбрым, самым благород-

Тут меня осенило. Она была готова просто лечь со мной в постель за дело отца. Чтобы обеспечить мою верность долгу.

Внезапно она стала просто здоровенной, грудастой девицей в наряде проститутки. И я вспомнил стройную сильную фигурку, прижимавшуюся ко мне в тишине кабины «Митчелла», которая не пыталась завлечь меня с целью сбросить на когонибудь кирпичи поутру.

Я залпом допил шампанское и сказал, тщательно выбирая

слова:

— Думаю что мне ничего не надо. Кроме сна.

Она слегка нахмурилась.

— Капитан, завтра вы станете народным освободителем.

— Может быть. Но я так и так утром вылетаю.

— Подлинный герой Республики!

 А как же. Они назовут улицу «авеню Кэйта Карра», а в конце будет площадь «Митчелла» и гранитная плита с изображением...

Ее глаза сверкнули.

 Революций больше не будет! Когда генералов прогонят и подлинная демократия... Вы не верите?

Я плеснул в бокал шампанского. Я не планировал пить сегодня вечером, но, похоже, мои планы в настоящий момент мало что значили.

 Верю я или нет — не имеет значения, — сказал я медленно, — но к вашему сведению: демократия, с моей точки зрения, - это привычка. Как курение, выпивка или грамотное вождение автомобиля. Просто миллионы людей, которые инстинктивно говорят в один голос: «Бог мой, они не посмеют это сделать!» И они, кстати сказать, тогда не смеют. Но чтобы выработать такой инстинкт, нужно время. А тем временем революция — это тоже привычка. И ваш отец, будем смотреть правде в глаза, завтра займется отнюдь не тем, чтобы отучить людей от этой привычки, разве не так?

— У него нет выбора!

Я пожал плечами и устало сказал:

— Может быть, не знаю. Да мне и все равно. Просто имейте в виду, что завтра я полечу — если «Митчелл» не подведет. А вам ведь только это и нужно? Мои побуждения значения не имеют.

Она продолжала гневно смотреть мне в глаза, но как будто заколебалась.

Наполеон говорил, что состояние духа в три раза важнее физической мощи.

Я усмехнулся.

— Но не сегодня, Жозефина.

Она еще секунду не сводила с меня глаз, потом со звоном грохнула бокал об стол и, гордо повернувшись, вышла. Стук захлопнувшейся двери потряс здание. Немного погодя я разделся, смел осколки бокала под стул и лег спать.

25

Меня разбудил легкий настойчивый стук. Я скатился с постели, проковылял к двери и распахнул ее, даже не спросив, кто стучит. Луис быстро проскользнул внутрь и прикрыл за собой дверь.

Я ощупью включил свет и уставился на него с глубокой ненавистью человека, едва раскрывшего глаза, к другому человеку, который бодр, побрит и одет в новый каштанового

цвета летний костюм.

 Что за одеяние? — прорычал я, — В приглашении маскарадный костюм не указан.

Друг мой, всегда одевайтесь респектабельно, когда намерены заняться нелегальным делом. При случае может пригодиться.

Он поднялся со стула, на который только что сел, огляделся, нашел стакан и наполнил его горячим кофе из неизвестно

откуда взявшейся фляжки.

Я выпил кофе, поплескал на себя водой из умывальника и поцарапал бритвой лицо, сумев не обрезать при этом уши. К тому времени он перетряхнул мою одежду и остановился на светло-сером хлопчатобумажном костюме.

— Придется обойтись этим, — сказал он любезно.

Ночь оказалась тихой, но не очень ясной. Легкая дымка высоких облаков скрыла большую насть звезд. Это означало

старт при безветрии.

Встречный ветер был бы хуже, но могло быть и лучше. Мы поехали в Боскобел на «джипе». Ворота были, как обычно, открыты, и я направился прямо к «Митчеллу», оставил там Луиса, взял лампу, проехал в другой конец взлетно-посадочной полосы, повесил лампу на ветку дерева и вернулся к самолету.

Затем я при свете фонаря провел тщательный предполетный

осмотр и занял место пилота чуть поэже двух часов.

Луис уже сидел справа, «Браунинг» рядом, пальцы одной руки на клавишах транзисторного радиоприемника.

Музыка во время работы? — поинтересовался я.

— Химинес первым делом намеревался захватить радио.

Я сидел, вспоминая местный стереотип: захват радиостанции, чтобы сообщить гражданам, что все под контролем (даже если это далеко не так), было первым на очереди мероприятием.

— Ловится что-нибудь?

Он нахмурился.

— Нет.

- Что ж, кто еще будет включать радио в два часа ночи?
- Надеюсь, дело в этом, но он продолжал играть диапазонами.
 - Попробуйте поймать Майами на предмет погоды.

Но Майами на таком расстоянии оказался недостигаем.

Я повернул главный переключатель.

Начинаем.

Пока я продолжал предстартовую проверку и включение аппаратуры, он следил за миганием огоньков на панели управления.

— Итак, все это действительно произойдет?

Я бросил на него удивленный взгляд.

— А для чего же мы здесь?

— Да, конечно. Старый, знавший лучшие времена бомбардировщик под управлением знавшего лучшие времена английского пилота плюс один потрепанный актер намерены сбросить груз кирпичей на подержанные реактивные истребители. Да, очень похоже на революцию в Республике. Теперь я этому верю, — в голосе его слышалось ожесточение.

Я пожал плечами и включил левый двигатель. Огоньки потускнели, послышался постепенно нарастающий свист — машина набирала обороты. Когда звук остановился на одной ноте, я перевел рукоятку в положение «Сцепление». Винтфыркнул, застонал, повернулся, чихнул и завертелся. Я нажал на кнопку «Пуск» и в нужный момент подтолкнул рычаг дроссельной тяги. За иллюминаторами затрещало голубое пламя. Я знаком велел Луису надеть наушники. Теперь — правый двигатель. Он завертелся, но когда я шевельнул рычаг дросселя, самолет затрясся зубодробительной дрожью.

Я выключил «Сцепление», но дрожь продолжалась.

— Что это? — спросил Луис. В моих наушниках его голос перемежался с треском.

— Заклинило стартер. И расклиниться он не хочет.

Я перевел рычаг на полные обороты, но добился лишь большего грохота.

Мы ждали. И вот раздался жуткий скрежет, а после этого — только обычный звук двигателя. Что-то случилось. Наверное, с маховиком. Вращаясь со скоростью 100:1 по отношению к двигателю, он, когда я включил полные обороты, завертелся на двести тысяч оборотов в минуту; прощай, маховик! Надеюсь, ты не захватил с собой что-нибуль еще.

Оба двигателя, впрочем, раскручивались нормально, без сбоев и постепенно вошли в рабочий режим. Затратив еще несколько минут на проверку гидравлики и электромагнитов, я выехал на взлетную полосу и направил нос самолета чуть левее далекого мигающего огонька — моей лампы, после чего полностью выпустил флетнеры. С ними и небольшой толикой удачи я намеревался сделать один из самых коротких разбегов, какие случалось совершать этой видавшей виды машине.

Еще раз проверив, что рука Луиса находится на рукоятке управления колесами, а не флетнерами, я полностью ввел рычаг дроссельной тяги, не отпуская тормозов, помедлил и

снял тормоза. Мы помчались.

Но не так быстро, как в Барранкуле. Самолет был тяжелее — 2000 фунтов кирпичей и масса горючего. В полном затишье, без ветра, мы набирали скорость медленно... медленно... медленно.

На восьмидесяти милях в час я попытался потянуть штурвал на себя, он вяло подчинился. Я ждал. Мигающий огонек приближался, делался ярче. Я резко перевел штурвал на себя,

крикнув: «Поднять колеса!»

Режущий скрип — дверцы нижнего люка начали открываться, ощущение дополнительной тяжести, — когда колеса начали складываться за мгновение до отрыва от земли, и вот наконец мы взлетели — едва-едва. Огонек промелькнул внизу, прошумели верхушки деревьев, и самолет заковылял в сторону побережья, медленно набирая скорость. Над морем я скомандовал Луису убрать флетнеры и направил «Митчелл» в пологий подъем, чтобы выйти на высоту, наиболее экономичную при долгом горизонтальном полете.

Я осторожно отпустил рычаги тяги. Луис заметил:

— Это было... впечатляюще. Теперь я понимаю, почему вы хотели взлететь ночью.

Я торопился проверить все, что поддавалось быстрой проверке, так как хотел выяснить, не перенапряглась ли при старте нервная система «Митчелла». И меня по-прежнему беспокоило происшествие со стартером: не бывает, чтобы

поломалась заметная часть механизма, а следов не осталось. Но все приборы были в норме, и в конце концов это был только

лишь стартер...

Я набирал высоту, выходя на курс 095 как по истинному, так и по магнитному меридиану: в этих краях влияние магнитного поля Земли было столь незначительным, что им можно было пренебречь. Через двадцать минут после взлета мы достигли высоты восемь тысяч футов. Еще двести, и я выровнял самолет при скорости 180 миль в час, отрегулировав тягу двигателей в оптимальный экономичный режим горизонтального полета. Затем позволил «Митчеллу» плавно соскользнуть до восьми тысяч футов. Маневр, известный под названием «запустить в шаг»: при том же расходе горючего вы имеете чуть большую скорость, или наоборот — при той же скорости получаете экономию горючего. Теоретически ни то, ни другое невозможно, но при хорошей теоретической подготовке по аэродинамике вы всегда докажете, что шмель слишком тяжел, чтобы летать.

Когда я снова выровнял самолет, скорость установилась 185 миль в час. Я ухмыльнулся слегка самодовольно и запел:

— «Мы не хотим идти в ВВС, Мы не хотим идти на войну. Мы бы лучше бродили У метро по Пикадилли, Перебиваясь на подачках знатной леди...»

Луис изумленно воззрился на меня.

— Боевой гимн Королевских ВВС, — объяснил я.

— Ага, — он полез в карман. — Вы уверены, что не предпочтете сигарету?

Мы сидели плечом к плечу в тесной кабине, тускло освещенной огоньками панели управления и обдуваемой холодным ночным воздухом. Отгороженные от мира грохотом двигателей

и вспышками пламени из выхлопных труб.

Часом позже, скосив глаза в сторону, я попробовал отыскать огни мыса Гравуа на Гаити — наш первый маяк, но ничего не увидел. Впрочем, горизонт на севере был затянут тучами. На этой высоте до нас, вероятно, долетал угасающий вздох сестрицы «Клары».

Я решил, что мы отклонились вправо, и слегка повернул на восток — главным образом потому, что в эту сторону самолет управлялся лучше. Навигация в Карибском бассейне не представляет трудностей, так как каждый час или около того впереди по курсу появляется какой-нибудь остров, что бы вы могли сориентироваться.

Меня волновало другое: в последние десять минут правый двигатель пару раз «чихнул», а я не переставал за ним следить, помня об истории со стартером. Самолет обычно ведет с вами честную игру: прежде, чем серьезно занемочь, он дрожит, чихает и кашляет, — вы сами только должны не спать безмятежно, а следить за признаками болезни.

Но никаких признаков не замечалось. Скорость держалась нормально. Давление и температура в гидравлике — в норме. Я положил руку на металл: легкая дрожь, но так было и рань-

ше. Обычные признаки старости. Так что же? Что?

Луис сказал:

— По-прежнему тихо, — он все это время не переставал крутить ручки радиоприемника.

— Сейчас только три часа.

— Надеюсь, что вы правы, и дело в этом, — он выключил радио. Правый двигатель опять чихнул.

Он спросил:

— Где я должен находиться во время атаки?

 В носу. Там хороший обзор, и вы сообщите мне обо всем, что увидите.

— Друг мой, вы как будто не очень убеждены в пользе моего

присутствия...

— Вы отлично знаете почему.

Двигатель чихнул — достаточно сильно, чтобы он заметил, повернул голову и уставился на вспышки выхлопов. Указатель скорости на мгновение мигнул, стрелка манометра заколебалась — и тут же все стало нормально. Из общих соображений — как врач дает больному пилюлю — я перевел правый мотор в обогащенный режим. Это понизит температуру, если где-то возник перегрев, нефиксируемый термометром, и устранит угольный налет на втулках и пробках. Но главное, это продемонстрирует двигателю, что я, врач, о нем забочусь.

По-прежнему не поворачивая головы и глядя в иллюмина-

тор, Луис спросил:

— Придется отказаться от рейда?

— Нет, черт возьми (или я имею в виду: пока нет?), самолет вполне может лететь на одном двигателе — это первое, чему обучают при полетах на двухмоторных машинах, но мы заковыляем на 140 милях в час, и оставшийся двигатель будет жрать не меньше галлона в минуту. А на «Митчелле» нет переключения баков с горючим: каждый мотор питается от своего бака. Мы можем оказаться без бензина, хотя у нас его будет еще 400 галлонов в виде бесполезного груза — если мы останемся с одним двигателем.

В этот момент мы с ним остались на целую секунду... «Митчелл» вильнул вправо. Затем с гамом и треском правый мотор включился снова.

Инстинктивно я восстановил курс: 090.

Но давление в гидравлике все так же в норме, температура чуть ниже, но это, вероятно, эффект обогащенной смеси.

— Думаю, дело в электропитании, — сказал я как мог спокойно. Так, впрочем, наверняка и было. Если кто-нибудь создаст самолет без электричества, он получит признание всех пилотов мира, в том числе медаль Кэйта с изображением двух пересекающихся Пивных Бутылок. В реактивном самолете главное — не скорость, а то, что двигатель не требует постоянной искры зажигания и будет все также держать машину в небе, когда последний электропроводник сгорит или выпадет за борт.

Я потянулся и неохотно выключил один индуктор, получив в результате ожидаемое снижение скорости. Включил снова, выключил другой — и схватился за штурвал, выводя самолет из глубокого нырка, одновременно включив оба индуктора. С жутким скрежетом двигатель заработал снова.

Да, это индуктор, — сказал тоном знатока Луис.

Я нахмурился, но тут же вспомнил, что он отлетал в этой разновидности американских бомбардировщиков в сотни раз больше часов, чем когда-либо приведется мне, — так я, во всяком случае, надеялся. И он был прав: один индуктор все равно что сдох.

Это бывает сплошь и рядом, потому и ставят на каждый двигатель два индуктора. Я попытался вспомнить, где в моторе типа «Циклон» стоят индукторы. И вспомнил, олл райт! В

задней части корпуса, рядом со стартером.

Тут, как канатоходец, я увидел перед собой тонкий натянутый канат — и сзади тоже. Классический образец поведения в воздухе: стоит пренебречь каким-либо пустяком, и он разрастается в неуправляемое бедствие. Я пренебрег стартером, позволив ему раскрутить себя вдребезги, но забыл, что может оказаться — не совсем вдребезги: что-то продолжало вращаться, задевая корпус, вызывая разогрев и загорание изоляции электропроводки. Несколько минут, и провода потекли ручейками раскаленного металла. А там и второй индуктор... он уже был задет — раз двигатель чихал.

Унция или две вращающегося металла всего в нескольких шагах, и никакой возможности добраться туда.

Я намерен выключить тот двигатель, — объявил я.

Луис сказал:

Тогда мы должны вернуться.

Я взглянул на нею.

— Мы еще можем достигнуть цели. Возвратиться на Ямайку с одним двигателем нам не удастся, но до Пуэрто-Рико только 200 миль.

Он тихо, но твердо сказал:

— Атаки не будет.

— Я думал, — возразил я, — что вы тут для того, чтобы я не повернул назад. Проследить, чтобы я не выпал из образа: «Только вперед!» — и сам Клаузевиц мог мной гордиться.

- Значит, мой друг, вы думали неправильно... Революция не может допустить одного фиаско. Рейд на развалюхе-бомбардировщике с кирпичами вместо бомб скверно само по себе, но приковылять на одном крыле и из-за этого упустить... Может ли будущий президент прибегнуть к столь жалкой подмоге? Химинес никогда не переживет подобной насмешки. Лучше не начинать, чем так позорно потерпеть неудачу.
 - Я не планирую неудачу.

Двигатель зачихал, второй индуктор нагревался, олл райт. Я вернул самолет на курс. Луис сказал:

— Видите? Лучше повернуть назад.

— Если я выключу двигатель сейчас, до его выхода из строя, он охладится, и я смогу в нужный момент включить его на какое-то время снова — повторный разогрев произойдет не сразу. Мы сможем выполнить атаку на двух двигателях.

— Вы уверены?

— Нет, я всего лишь пилот. Но если я не смогу повторно включить мотор, мы, если захотите, вернемся к обсуждаемому вопросу. И, как я уже говорил, до Пуэрто-Рико мы доберемся и на одном двигателе.

Он тихо сказал:

- Вы и в самом деле хотите сделать налет?
- А вы заметили, да?

Он не ответил, и я, чтобы не потерять скорость, направил самолет в очень пологий спуск, снизил тягу обоих двигателей, ослабляя предстоящий нырок вниз, нажал на кнопку выключения правого двигателя и повернул рычаг управления его винтом. Встретив боковой поток воздуха, лопасти винта резко затормозились и, поколебавшись, остановились. Я поиграл педалью поворота, чтобы сбалансировать неравномерность тяги на одном двигателе, и на семи тысячах футов самолет выровнялся снова: нос чуть задран, скорость 150 миль в час, но курс все тот же — 090.

Когда все управление было переведено в новый режим поле-

та, я спросил:

— Поэтому-то вы и убили Диего?

Он посмотрел на меня, зашевелил губами, но забыл включить звук. Вспомнил, щелкнул переключателем и сказал:

— Как вы могли так подумать? Он сын моего старого друга!

— Этого-то я и не мог понять. Вспомните ночную сцену возле «Митчелла» — как раз тот тип секретной службы, какая и должна быть у генералов: пара бродяг с заданием проткнуть шины. Не наемный профессионал убийца. А у вас к тому же были наилучшие возможности: кто в тот вечер шатался с Диего у аэропорта? Да и происхождением вы из Республики, так что должны быть знакомы со змеиным пистолетом и могли захватить один из них с собой на Ямайку, думая, что и там есть змеи. Но до сих пор я не мог понять, почему вам вздумалось убить его.

Он подождал, чтобы убедиться, что я закончил, и спросил:

— А теперь вы понимаете?

— Вы только что мне сказали сами: революция не может допустить фиаско. Если бы этот рейд делал Диего, вы бы имели фиаско года. Он потерпел бы аварию при взлете, промахнулся бы или разбился при атаке — вы с вашим опытом в авиаделе понимали, что это не годится. А теперь Диего — жертва, и все считают генералов грязными ублюдками, так?

— А налет совершит профессионал, нет?

Я бросил на него взгляд и тут же понял, что в этом он прав.

— Вы хладнокровный мерзавец, Луис.

В слабом свете кабины я заметил, как он поморщился, словно

от боли. Помолчав, он кивнул.

— Наверное... наверное, да — раз поступил так... И однако, он был всего лишь плэйбой и был готов погибнуть за дело отца. А при налете он, возможно, все равно бы погиб, погиб глупо. Возможно. Я только устроил все как мог лучше.

— И вас это... не беспокоит?

Что меня разоблачат? Не думаю, что это может случиться, мой друг.

Я имел в виду не совсем это, но промолчал.

— А вы сами убивали кого-нибудь?

- Да, но... я оборвал себя, так как хотел добавить: так требовали обстоятельства, Как будто у любого убийства бывают иные причины.
- И наверное, на расстоянии... в самолете, когда рядом друзья, которые вас ободряют и поддерживают. Так, думаю, легче...

Помолчав, я спросил:

— Уитмор знает?

 Да. Ему я вынужден был сказать, так как он в курсе того, что у меня есть змеиный пистолет. Но с ним пришлось притвориться, будто мы повздорили из-за девушки. Истинную причину он бы не понял.

— A Дж.Б.?

- Нет, он посмотрел на меня. Вы ей не расскажете?
 Я пожал плечами.
- Сомневаюсь, что это может оказаться темой нашего разовора.

— А вы сами, мой друг?

— Это все та же тема: «Кинозвезда против сторожевого пса», не так ли? Кто станет меня слушать? Но Хуаните я не скажу, если вы это имеете в виду. Это — ваша проблема.

После долгой паузы он тихо сказал:

— Да, это я и имел в виду. Она должна была быть его братом, тогда... — но дальше он не продолжил.

С левым двигателем, трудящимся в поте лица, мы продолжали, хромая, двигаться в ночи.

26

При приближении к мысу Альмиранте, южному форпосту Республики, я попытался снова включить правый двигатель. В воздухе для этого стартер не нужен: растормозив лопасти винта, я дал возможность встречному потоку воздуха раскрутить их до скорости, при которой двигатель втягивается в работу, — и он включился. Я уменьшил тягу левого мотора, чтобы дать ему отдохнуть (это и было главной целью процедуры), и стабилизировал скорость на 160 милях в час. У нас еще оставалось достаточно времени, чтобы достичь Санто-Бартоломео в 5.05, а рассвет, очень вероятно, слегка запоздает, так как после визита «Клары» небо над островом наверняка затянуто облаками.

Слабый северный ветер сменился западным — вполне понятно, если учесть, что ураган находился сейчас к северу от нас. Мы достигли мыса на несколько минут раньше моего нового Е.Т.А и несколько севернее намеченной точки, так что несколько миль летели над мысом.

Я сказал:

— С прибытием домой.

Луис устремил взгляд на лежащую в темноте землю и не поднимал глаз, пока берег под крылом не исчез из виду.

- Странно, сказал он тихим голосом, но отсюда сверху вид невпечатляющий.
 - Видели бы вы, за что мы сражались в Корее.
 - Кое-что я в свое время видел в Техасе.

Я ўхмыльнулся и повернул влево на курс 045. По моим соображениям, идя этим курсом, мы должны миновать Санто-Бартоломео прежде, чем снова пересечем береговую линию. К тому же с таким указательным знаком, как город, я могу лечь на точный курс к базе без излишне шумных поисковых маневров.

Правый двигатель привычно чихнул.

Я грустно посмотрел на приборы контроля. Я сделал все, что мог: держал мотор на обогащенной смеси, настежь раздвинул заслонки обтекателя — словом, все, что любящий родитель может сделать для своего ребенка, я сделал — и на тебе: прошло только двенадцать минут, и опять та же проблема. Пришлось снова выключить двигатель и идти на пологий спуск. Потеря высоты сейчас не имела значения. Но атака на двух двигателях означала, что удирать придется на одном, и мне нисколько не улыбалась мысль набирать высоту на левом моторе — он моглопнуть от натуги. А потому до Пуэрто-Рико мы пойдем над самым морем.

Я сказал:

— Не подскажете ли, где лучше сесть в Пуэрто-Рико? Нет ли у вас там друзей с личными аэродромами и умеющих держать язык за зубами?

Он задумчиво сказал:

— У меня есть друзья в Республике. Как насчет приземления в Санто-Бартоломео, в гражданском аэропорту, разумеется?

Ни о чем таком, черт побери, я и не помышлял.

— Химинес намерен его занять?

— Думаю, что нет, — объект не первой важности.

Я полагал так же: пятнадцать миль от города, и если Химинес не планировал снабжения своей армии по воздуху, он не станет попусту тратить время. То же самое относилось и к генералам: у них имелся свой аэродром. Но выглядело это тем не менее как предложение спрятаться в пасти тигра в надежде, что он забудет нас проглотить.

- Спрятать «Митчелл» мы, мягко выражаясь, не сможем, а

когда в аэропорту узнают о налете...

— Не забывайте, что телефонная связь нарушена, — напомнил он, — и если я хоть немного знаю порядки в Санто-Бартоломео, аэропорт очень скоро окажется в осаде верных слуг правительства, неожиданно вспомнивших о давно намеченных отпусках в Пуэрто-Рико. Суматоха там будет — что надо.

Он, вероятно, был прав. Я бросил взгляд на шкалу приемника, но на ней не было диапазона, на котором работали гражданские службы Санто-Бартоломео. Можно было попро-

бовать радиомаяк, но он наверняка в эти часы не выходил в эфир: в Карибском бассейне никто не летает после полуночи.

Луис включил свой приемник и стал играть настройкой — неожиданно в кабине зазвучал военный марш, и почти сразу вслед за ним послышалась испанская речь. Луис прижал динамик к уху.

Чтобы чем-то заняться, я настроил локатор на маяк Аугадилла в Пуэрто-Рико, убедился, что он работает, и взял ориентир. Для надежной ориентации маяк находился слишком близко от нас, но все-таки подтвердилось, что мы летим более или менее правильно.

Луис отнял приемник от уха.

— Ну? — спросил я. — Химинес выступил?

Он щелкнул переключателем переговорного устройства и сказал с недоумением в голосе:

Не знаю. Выступил генерал Боско: он объявил себя президентом.

Когда я переварил новость, я сказал:

— Вы имеете в виду, что ВВС вытеснят армию?

— Похоже, что так. Они называют генерала Кастильо предателем, потому что он будто бы был слишком мягок с мятежниками, и заявляют, что Боско контролирует положение.

— Что ж, одно следует из другого. Генералы друг к другу любви не испытывают, и всем известно, что Боско усиливал свои ВВС: сначала «Вампиры», а за ними — «отряды защиты аэробазы», которые теперь пригодятся для захвата города.

— Да, да. Но почему именно сегодня?

— По той же причине, что и Химинес: ураган нарушил все линии связи, а армия застряла в горах и на пришедших в негодное состояние дорогах. Тогда как ВВС тут рядом, под боком у Санто-Бартоломео. Сегодня у Боско — наилучший шанс. Теперь понятно, почему Нед рискнул оставить «Вампиры» на месте, несмотря на ураган.

— Бог мой, — прошептал Луис, — мы имеем дело с трехсто-

ронней революцией.

— Что-нибудь слышно о Химинесе?

— Нет... но они и не скажут. Им ни к чему объявлять об этом, — он снова прижал к уху приемник.

Самолет продолжал полет. Почти половина пятого. Восемь-

десят миль и тридцать пять минут пути.

Какое это имело отношение к рейду? Надо полагать, ВВС проснутся и будут начеку раньше, чем обычно, но это не значит, что они рискнут до рассвета поднять «Вампиры» в воздух. Они, вероятно, будут склонны держать их на месте,

пока не станет совсем светло, чтобы у всех на виду сделать несколько заходов над городом и показать его гражданам, кто действительно контролирует положение.

Но Нед безусловно сделает разведку: выяснит, чем занята армия, и не повернула ли она на Санто-Бартоломео. Для этой цели они могул поднять в воздух пару «Вампиров», но вообщето в данном случае целесообразнее использовать что-нибудь помедленнее, что может повисеть над целью. «Дакоту», например, или — лопни их глаза! — мою «Ласточку».

Луис опустил приемник.

— Они предупреждают жителей, чтобы те, несмотря ни на что, не выходили из дому. Это значит - где-то стреляют. Значит, Химинес выступил.

— Каковы теперь его шансы?

— Не знаю. Ему не удалось захватить радио. И он наверняка столкнулся с отрядами охраны BBC — раз стрельба на улицах. «Революции всегда губят людей», — произнес далекий голос.

Я сказал:

Вы должны были этого ожидать.

Он сказал:

Там Уолт и Дж.Б.

Я резко повернулся.

— Там кто?

— Они улетели прошлой ночью рейсом «Пэн Америкэн»,

Я уставился на него.

- Чтобы Уитмор парадным маршем ехал с триумфом вслед за Химинесом? И вы позволили Дж.Б. уехать с ним?!
- Друг мой, девушке вроде Дж.Б. невозможно что-либо позволить или не позволить. Да и идею поездки подала она сама, полагая, что лучше всего поймать Химинеса в момент успеха, пока его благодарность не остыла. Вы, наверное, знаете, почему Уитмор встрял в это дело?
- Знаю, сказал я сухо. Но их уже раз выставили оттуда. ВВС, надо полагать, арестует обоих при выходе из самолета.
- Дж.Б. так не думает. Она считает, что официально нас не изгоняли, — просто временный каприз генерала Боско. А мы с вами теперь знаем, что у ВВС вчера была куча дел в плане подготовки к сегодняшнему. Они, наверное, даже не проверяли списки пассажиров.
- Мисс Химинес, как я заметил, вам удалось удержать на
- Друг мой, члены этой семьи не могут открыто появляться в Республике. Пока, во всяком случае. Это совсем другое дело.

Я бросил взгляд на панель управления и увидел, что отклонился от курса почти на 10 градусов. Рывком я сердито

вернул самолет на курс.

— И Уитмор, конечно, настоял, чтобы остановиться в «Американе?» — прорычал я. — Боско, может быть, и не проверял списки пассажиров, но думаю, он узнает его в баре — там же, фактически, штаб ВВС.

— Согласен, — хладнокровно ответил он. — Но они остановятся в «Коломбо» — это на побережье, в окрестностях старого города. Что бы там ни было, но старый город Химинес обязательно захватит. А теперь давайте подумаем, как меняет наши дела выступление ВВС, — он бросил взгляд на радиопередатчик, — жаль, что мы не можем связаться с Химинесом.

— Никак не меняет, — ответил я. — «Вампиры» —

единственный козырь ВВС. Без них...

 Но, с другой стороны, только они могут остановить танки и пушки армии. Если дать им возможность столкнуться и

исчерпать силы...

— Черт возьми, Боско попробует дважды каждую карту в колоде, прежде чем начнет бомбить танки и артиллерию. Он же президент, и это его танки и пушки и — он надеется — его армия. Для того, чтобы сдержать Химинеса, ему все это нужно в целости и сохранности.

Луис обдумал мои слова.

- Так вы полагаете, он сегодня не использует истребители?
- Он использует их над улицами, если там будет продолжаться стрельба. 20-миллиметровые пушки могут разнести дом.

Луис кивнул.

— Но это может дать обратный эффект, подтолкнув жителей к Химинесу, — когда они увидят, как их ВВС...

— И Дж.Б. могут убить.

Помолчав, он тихо сказал:

— Друг мой, в какой войне вы сражаетесь?

— В той, где Дж.Б. останется цела и невредима.

- Другие, друг мой, сражаются из-за не олько больших целей. Так что вы простите меня, если решение сейчас приму я.
- Решайте что хотите. Я намерен перебить этих «Вампиров».

— Возможно, я решу, что это лучше всего. Но решу я.

— Черт... — и тут я увидел его руку, а в ней толстый пистолет с коротким дулом.

— Ну, ну, — медленно сказал я, — вот он, пресловутый змеиный пистолет. Один выстрел, и вы можете сами посадить эту посудину — чем получится не фиаско года?

 Никакого фиаско, — возразил он любезно, — просто две жертвы аварии над морем.

Мы все еще летели над океаном.

Я посмотрел на него, на его лицо, жесткое и решительное, совсем близко от меня в тесной кабине и на пистолет тоже рядом в пределах быстрого рывка руки. Станет он стрелять, рискуя одновременно и собой? Да, станет — если его спровоцировать.

Я почувствовал, как внутри у меня нарастает волна холодного гнева. Всегда кто-то с оружием и приказами: сюда не летай, посторонись! Но не сейчас, не со мной, когда я снова занят единственным делом, которое знаю лучше других.

И тут я вспомнил, что сегодня все иначе — не так, как во время прежних боевых вылетов. Сегодня — не потому, что я лучше других. Сегодня у меня просто нет выбора. Я должен обезвредить «Вампиров» до того, как они начнут стрелять.

 Вы забываете, друг, кто вы такой? — сказал я тихо и спокойно. — Вы — Луис Монтеррей, кинозвезда, символ удачи. Я исчезну — и никто не заметит, но погибни вы, да еще в бомбардировщике, — это действительно провал революции. Фиаско. Газеты в восторге даже забудут о Химинесе.

Он нахмурился, задумавшись.

— Не думаю, что у них будет на это время. Вероятно, нет.

— Все это дело не пройдет, как однодневное приключение. Не теперь — когда в игру вступили ВВС. У Химинеса впереди долгий путь, и он прошел еще очень немного, разве не так? я сделал жест в сторону радиоприемника. — У репортеров будет достаточно времени, чтобы прибыть на место действия. Они, наверное, уже в пути: кто-нибудь да перехватил же эту передачу.

Долго-долго он не произнес ни слова. Я в очередной раз подправил курс и сверил время: 4.45 и еще около 50 миль. Я притушил освещение панели управления и внимательно оглядел небо на востоке. Не показалось ли мне там какое-то прос-

ветление? Или это только облака над Республикой?

Луис сказал: - Мы атакуем.

Десятью минутами позже на востоке начало слабо, но определенно светлеть. Чуть-чуть, но достаточно, чтобы ввести себя в заблуждение, будто теперь можно что-либо обнаружить или оценить расстояние.

Я направил «Митчелл» в длинный спуск, дождался, пока он наберет скорость, и слегка сбросил обороты двигателя.

— Десять минут, — сказал я. — Пора готовиться.

- Немного подожду, он смотрел вперед, стараясь разглядеть берег среди облаков, окутывавших землю.
 - Разве вас не обучали, как надо отвечать командиру?

— Да, сэр, — я уловил тень улыбки.

 Как только пересечем линию побережья, я включу оба двигателя, после чего начну маневрировать, — тогда вам будет нелегко занять ваше место.

- Есть, сэр.

Он осторожно выбрался из кресла, взял винтовку и исчез за моей спиной в темноте кабины. От перемещения веса самолет слегка качнуло.

Мы проходили высоту пять тысяч футов со скоростью 165 миль в час. Берег должен был находиться в пятнадцати милях

по курсу.

Щелчок и шум в наушниках — подключился Луис.

— Орудие установлено, к бою готов, — сообщил он.

— Так. Через минуту я открою бомбовой шлюз.

Меня не очень устраивала дополнительная нагрузка на двигатель, но, если автомат откажет, я не хотел задерживать атаку, пытаясь в спешном порядке открыть шлюз при помощи ручной тяги.

— Я надеюсь выйти к востоку от города, сделать поворот и пройти на высоте 1000 футов севернее базы, тогда она окажется слева. Если «Вампиры» стоят в строю, считать их буду я. Ваша задача отыскать те из них, которые могут оказаться вне строя, в другой части аэродрома. Усвоили?

— Есть, командир.

— Боевой заход сделаем с запада, до этого не стреляйте. Они нас увидят на пролете мимо базы, но едва ли догадаются о наших намерениях. Внимание — шлюз открывается!

Я наклонился над панелью управления и нажал, не отпуская, на кнопку. Нырок самолета и шум сзади свидетельствовали о том, что дверцы шлюза начинают открываться. Скорость снизилась на 5 миль в час.

Луис произнес:

Берег впереди.

Я оторвал взгляд от панели управления и увидел: неровная серая полоска на горизонте с бельми искрами — пена прибоя. Я изумленно уставился на открывшуюся мне картину.

— Бог мой! Мы же где-то совсем далеко от города! Его огни...

— Когда на улицах стрельба, кто станет зажигать свет в окнах, друг мой?

Мне следовало сообразить и самому. В Санто-Бартоломео

давно научились вести себя в разгар революции.

Но города я все-таки не видел.

И тут неожиданно на мгновение — слабая вспышка, немного справа по курсу. Я глядел туда, размышляя, что бы это могло быть и чудится мне или нет вокруг этого места темное пятно.

Граната, — меланхолично заметил Луис, — там все еще

дерутся.

Я шел на две-три мили южнее, чем следовало, и потому легонько повернул самолет на север, чтобы пройти вдоль окраины города, лежащего в девяти милях впереди и в трех с

лишним тысячах футах внизу.

Очертания берега становились резче: бледная полоса пляжей, темные контуры колмов и еще более темная масса джунглей. Серая гамма начала приобретать расцветку, и слева, там, где темнота вдруг распалась на маленькие кубики с темными и более светлыми гранями, стал виден город.

И изредка тут и там вспышки от разрывов гранат.

Когда линия побережья оказалась почти прямо внизу, я потянулся к рычагам управления правым двигателем. Лопасти винта качнулись, подхватывая ветер, закрутились и исчезли. Двигатель чихнул, взвыл и с грохотом втянулся в работу.

Луис, которому через обтекатель открывался вид вниз, со-

общил:

— Проходим над береговой линией... прошли.

Я начал поворот по большой дуге, которая должна была вывести меня к мосту через реку, к западу от города, — отличный опознавательный знак — и оттуда на точный курс к авиабазе: десять миль прямо на восток.

Я ожидал и боялся увидеть огни ламп вдоль взлетно-посадочной полосы, что означало бы, что вылеты уже начались. Но с расстояния трех миль виднелось только несколько огоньков — освещенные окна строений базы. Никакой стрельбы. Химинес был достаточно умен, чтобы не лезть на хорошо защищенную и находящуюся настороже базу. Чего нельзя было сказать обо мне.

По мере приближения я разглядел темные пятна двух ангаров, белую ленту взлетной полосы, видимую сбоку, и — совершенно определенно — никаких огней вдоль нее. Но тщетно я искал взглядом бледные серебряные точки — «Вампиры».

И вдруг, когда угол зрения увеличился, я их увидел — позади второго ангара.

Луис крикнул:

— Вижу цель!

— Тихо! Я считаю!

Мы огибали северную сторону аэродрома. «Вампиры» стояли в полумиле... почти параллельно... один, два, три... Друг от друга на расстоянии... примерно три четверти размаха крыльев. Скажем, 30 футов... четыре, пять, шесть... выстроившись в линию под углом около 120 градусов к фасаду второго ангара... семь, восемь. Все. Восемь.

— Двух нет! — крикнул я и глянул в сторону трассы, выво-

дящей на взлетную полосу. - Пусто.

В ангарах? На профилактике? В обычное время — вероятно, да. Но сегодня, именно сегодня, генерал Боско потребует стопроцентной боеготовности, и у Неда было больше суток на подготовку.

Но тут мы пролетели базу, направляясь в темное небо на

западе, и я стал считать секунды до поворота.

Луис спокойно сказал:

— Я их не видел.

— Что ж, займемся этой восьмеркой...

Я старался определить протяженность цели. Длина «Вампира» около сорока футов. Значит, восемь раз по сорок плюс расстояние между ними: семь раз по тридцать... — скажем,

пятьсот футов — немногим более двух секунд полета.

Но тут наступил момент поворота. Медленно и осторожно... рычаги дроссельной тяги обоих двигателей — слегка вниз: снижаюсь до высоты захода на атаку. Серебряные очертания «Вампиров» исчезли за деревьями, но ангары оставались на виду. Я выровнял самолет на высоте 100 футов, взял курс под углом 120 градусов на ближайший ангар и ждал, когда скорость установится 150 миль в час, чтобы в этот момент отрегулировать тягу двигателей.

И я снова почувствовал это: неутолимую, дикую жажду охотника, управляемую даже через двенадцать лет, потому что я был все тот же Кэйт Карр. Жажду догнать и убить. И тут же уверенность, которая заставляет выбрать единственно верный миг, когда время движется медленно, словно айсберг, потому что твердо знаешь — сейчас. И я знал, что эта атака

пройдет как надо.

И тут, неожиданно, — страх. Так как на этот раз я обязан был не ошибиться. Я был обязан уничтожить «Вампиры» все до единого, а двух из них я даже не видел. На этот раз происходящее не было только моей личной схваткой, так как позволь я одному из них ускользнуть, он может сделать роковой залп, а только это и имело сейчас значение.

Холодный, болезненный страх неудачи — и сразу «Митчелл» и кирпичи показались абсурдным оружием против десяти реактивных истребителей. Самолет задрожал в моих дрожащих руках.

Боги, дайте мне забыть, что на этот раз удача или неудача

имеют значение!

Мы пронеслись над изгородью из деревьев и оказались над аэродромом. «Вампиры» чуть в стороне. Быстрый S-поворот, чтобы выйти на курс, и я поднес руку к первой кнопке сброса груза. Взгляд на приборы: 100 футов и 150 миль в час. Цель — в тысяче футов... в семистах... пошел!

«Митчелл» слегка встал на дыбы, когда раскрывающаяся сеть попала в воздушный поток. Я нажал вторую кнопку... третью... но не тронул четвертую. Цепочка «Вампиров» промелькнула внизу, и мы оказались над ангарами, рычаги дросселей — вверх, чтобы поддержать скорость, уменьшившуюся при открывании сетей.

Луис до сих пор не стрелял. Вдруг он выстрелил и закричал:

- Я их вижу!

Я увидел тоже: два «Вампира», неторопливо катящие к восточному концу взлетной полосы. На подходе их прикрывала диспетчерская башня, а теперь мы оказались слишком далеко

справа, чтобы пройти над ними.

Вокруг «Вампиров» взлетали столбики пыли, Луис действительно оказался отличным стрелком: ему приходилось стрелять с небольшого расстояния под острым углом. Но винтовка калибра 030 не может остановить истребитель. Мы пролетели мимо, и я начал левый поворот прямо над серединой аэродрома.

— Похоже, я попал, — скромно сообщил Луис. Но через плечо я видел, как оба самолета по-прежнему движутся к взлетной полосе, один позади другого. И я знал, кто поведет, кто должен вести первую атаку в Большой День военно-воз-

душной базы.

Когда мы повернули, восьмерка «Вампиров» оказалась на виду: неровная цепочка в облаках желтой пыли. Два, нет — три лежали на брюхе, у одного сломан хвост, еще один...

• Но и требовался только один, всего один, нетронутый...

Я нацелился на дорожку, по которой в нескольких сотнях футов впереди катили два «Вампира». Неожиданно ниже самолета пронеслись трассирующие световые полосы: кто-то добрался до пулемета.

— Не обращайте внимания! — крикнул я Луису, но он и сам

не стал стрелять.

Я выпрямился в кресле и протянул руку к последней кнопке. Луис выстрелил, и около «Вампиров» взбилась пыль. Я почувствовал, как раскрылась сеть, но идущий впереди «Вампир» в тот же момент резко свернул с дорожки на траву.

Мы пролетели мимо в крутом вираже, и я бросил взгляд назад: один «Вампир» развернулся поперек дорожки, цепляя крылом за ограждение. Но другой — Нед! — прыгал по траве к

взлетной полосе.

У меня в запасе оставался один заход, только один. Нед не мог взлететь с травы, он должен был стартовать с полосы. И когда он станет это делать, я должен буду находиться позади него.

— Перезарядили? — спросил я.

Пауза, затем ответ:

- К бою готов.

- Я выведу самолет прямо позади него.

Я слегка притормозил, теряя скорость в пологом подъеме, который в любой момент я мог обратить в быстрый ныряющий спуск. Оставалось ждать и рассчитывать... Еще один трассирующий залп в нашу сторону — далеко внизу. Никто всерьез не тренировал персонал базы против атаки с воздуха.

Он был уже почти на взлетной полосе, но приходилось ждать — я боялся раньше времени раскрыть свои намерения. И тут правый двигатель чихнул! Черт побери, держись, скотина! Еще

несколько секунд, больше не надо.

Нед плавно перевалил на взлетную полосу, и я до отказа рванул вверх рычаги дросселей, ныряя ему в хвост. Опять пулемет — на этот раз треск в хвосте, но вроде все цело. Я нагонял разгоняющийся «Вампир». 200 футов... 100... 70... Луис выстрелил, и у хвоста «Вампира» взлетел столбик пыли. Еще одна очередь, и мне показалось, что пули прошили крылья истребителя. Снова очередь — и дыры в фюзеляже. Но заряды израсходованы, а «Вампир» бежит дальше.

Луис что-то произнес. Мы настигали истребитель. Я дернул рычаги тяги вниз, нос «Митчелла» опустился к земле, и я

рывком посадил его прямо на «Вампир».

Нестерпимый скрежет. «Митчелл» освободился, резко накренившись, и в нескольких футах над травой полетел прочь в жуткой тряске, которая никак не хотела прекратиться. Мы едва перевалили через линию пальм на краю аэродрома.

Луис что-то кричал. Я тоже. Скорость была ниже 100 миль в час. Насколько? Все стрелки приборов ходили ходуном от непрерывной тряски. Что бы это ни было, но это был последний

крик души «Митчелла».

Я перекричал Луиса:
— Убирайтесь из носа!

Мы пронеслись над небольшой возвышенностью, дальше местность пошла вниз, и мы увидели серое пространство океана. Луис аабрался в кресло второго пилота и включил переговорное устройство.

— Что случилось?

— Что-то повредилось при столкновении с истребителем. Крыло может сломаться в любой момент. Пристегнитесь. Что с «Вампиром»?

Он въехал в ограждение базы.

Я сражался с вибрирующими ручками управления. Левый двигатель следовало бы выключить. Но при правом моторе, готовом выйти из строя... И тут мы оказались над морем, и в полумиле справа открывался длинный песчаный пляж.

Затаив дыхание, я попробовал повернуть, и мы каким-то чудом удержались в небе. Выдвинув полностью флетнеры, я отключил дроссели и зажигание и сколько мог удерживал самолет в воздухе, пока он не шлепнулся на берег в свисте вздымающегося вверх песка.

28

— «Митчелл» — ты просто молодец! — сказал я и похлопал фюзеляж возле иллюминатора, где под серебряной краской скрывалась надпись «Прекрасная мечтательница». Наверное, перед рейдом следовало восстановить название, машине это бы понравилось.

Видно было, что самолету не взлететь уже никогда. Он лежал на песке в конце траншеи, вырытой им при посадке. Винты до половины зарылись в песок. Дверцы шлюза оторвались при приземлении и валялись где-то в середине траншеи. Тут я в первый раз обнаружил, что мы потеряли кончик левого крыла. Оно, наверное, коснулось земли, когда «Митчелл» сел на «Вампира».

Но здесь, до половины в песке, «Митчелл» выглядел на удивление мирно, потеряв тот настороженный вид, который он имел, сидя на колесах.

Я оглянулся в поисках Луиса. Он стоял у носа самолета, зажигая слегка дрожащими руками сигарету. Увидев, что я смотрю на него, он сказал:

Вы, профессионалы, играете жестко.

 И это говорит человек, который хотел утопить нас обоих в океане. А-а, тогда я был моложе.

Я попытался сообразить, где мы находимся, и решил, что где-нибудь в шести милях к западу от Санто-Бартоломео и недалеко от авиабазы — она должна быть совсем рядом. Пляж, на который мы сели, был весь захломлен бревнами и досками, выкинутыми на берег «Кларой». Над головой виднелась гряда холмов, покрытых зарослями. Никаких построек.

Луис спросил:

- Как далеко мы от базы?
- Пара миль.
- Станут они нас искать?
- Там могут и не знать, что мы сели. Они видели, как мы удрали на бреющем полете, но мы в любом случае так бы сделали.
- Если они поднимут в воздух какой-нибудь самолет, то сразу нас заметят.

- Справедливо.

Мы находились, скорее всего, как раз на одном из воздушных подходов к базе, и «Митчелл» на белом песке был также заметен, как привидение на званом ужине.

Луис сказал:

-- Нам бы следовало поторопиться.

— Да, — я наблюдал за небом. Мы были на земле пять минут, и проснувшаяся авиабаза → а эта-то уж явно проснулась должна была бы поднять на разведку пару истребителей, если имелись готовые к взлету.

Или я успокаивал сам себя? Не следовало ли нам засесть побыстрее у взлетной полосы с винтовкой наготове — на случай, если там попробуют поднять самолет в воздух? Может быть, даже можно было придумать что-нибудь получше — теперь, когда мы оказались на земле.

Отель «Коломбо», — твердо объявил я, — затем гражданский аэропорт.

Луис подумал и кивнул.

— Ну, конечно. Нам же надо на другой край города. Химинес сейчас в старом городе, на восточной стороне,

- Значит, в путь.

— Да. Теперь вы понимаете, что я имел в виду, когда рекомендовал одеться респектабельно? Разве у нас вид пилотов-повстанцев? — и тут же он все испортил, добавив: — Но винтовку я захвачу — на случай, если маскировка не сработает.

Он рванул крышку аварийного люка и достал «Браунинг». Я снова похлопал «Митчелл» по боку, затем достал карандаш и нарисовал чуть ниже кабины десять маленьких самолетиков.

Если подбиты не все десять, это моя вина, а не его. «Митчелл» справился на все сто.

Мы пошли в глубь острова.

К шести часам утра, когда солнце поднялось из-за облаков над холмами, мы прошли примерно полторы мили: через пляж, вверх на холмы и далее сквозь запущенные пальмовые плантации. Идти было трудно. Все вокруг было пропитано водой от недавних ливней, повсюду разбросаны вырванные с корнем кусты и верхушки пальм. К этому времени мы уже были, вероятно, вне зоны поиска патруля базы, и я не слышал шума самолетов. Но двигались мы медленно.

— Мы так и до девяти не доберемся до города

Луис остановился и деликатно вытер лоб носовым платком. Он неплохо перенес гонку по пересеченной местности — какникак ему было около пятидесяти, но скоро начнется жара, а он тянул за собой пятнадцатифунтовую автоматическую винтовку. У меня в руке был змеиный пистолет — но только для змей.

Он спросил:

— Что вы предлагаете, мой друг? Бежать бегом?

— Можно выйти на дорогу или вернуться на берет по песку идти будет легче.

Он взглянул на меня с укором:

— Еще один сценарий, в котором я промочу ноги? На берегу мы будем слегка на виду. И никуда не спрячешься.

Олл райт, на дорогу.

- Там мы можем заимствовать машину, он качнул винтовкой.
- Эта штука едва ли способствует нашей пресловутой респектабельности, — прорычал я, — выбросьте ее подальше. Он нахмурился.

— Может быть, когда мы выйдем на дорогу. Химинесу такая винтовка пригодится.

Если вы думаете разгуливать по авенидам западной части города с этим...

— Сейчас это было бы очень модно.

— Раз в год фазаны тоже вдруг становятся в моде.

С четверть часа мы зигзагами двигались в глубь острова, пока не добрались до дороги: узкая, прямая бетонная полоса, недавно проложенная.

Я посмотрел вперед и назад, ничего не увидел и спросил:

Вам известно, куда ведет эта дорога в ту сторону? — я показал на запад, прочь от города.

Луис только пожал плечами.

Я еказал:

— Это же ваша страна, разве нет?

— Друг мой, я не могу помнить каждую тропинку. Да и, — он похлопал изящным коричневым ботинком по бетону, — она совсем новая.

Я хмуро уставился на дорогу, потом в карту. Но авиакарты не уделяют особого внимания путям сообщения, так как они мало полезны в смысле навигации.

 Если это обычный путь от базы к городу, — заметил я, то нам здесь не место. Но если это просто шоссе вдоль побережья...

Луис снова пожал плечами.

- Подождем за кустами и увидим.
- Сидя в кустах, мы не очень продвинемся вперед.
- Верно, он закурил сигарету и молча ждал, пока я приму решение.
- А, черт с ним, решил я, рискнем и пойдем по дороге. Выбросьте только свою пушку, я протянул ему змеиный пистолет. Он неохотно спрятал за деревом «Браунинг» и две запасных обоймы, тщательно осмотрел место вокруг, затем взял у меня пистолет и засунул его в боковой карман. Мы пошли по дороге.

В течение пяти минут было тихо. Потом появился автомобиль, из города. Мы спрятались в кустах, но он проскользнул мимо, как испуганный кролик. Я увидел лишь оранжевую крышу, что означало — такси.

Луис задумчиво сказал:

-- Слои общества, разъезжающие в такси, покидают город. Это хороший знак.

Мы пошли дальше. Десятью минутами позже мы услышали другую машину, движущуюся медленнее, позади нас.

Луис посмотрел на меня.

— Попросим подвести? Или позаимствуем экипаж?

Я посмотрел на часы: почти половина седьмого.

Придется, наверное.

Он вытащил змеиный пистолет и спрятал его за спиной.

— Если бы у меня был «Браунинг», все было бы проще.

 Если бы он был у вас, вам пришлось бы пристрелить любого, кто увидел бы его в ваших руках.

Мы увидели машину: белый «мерседес». Маловероятно, чтобы это был кто-либо из приспешников Химинеса, но по крайней мере и не из штата авиабазы.

Луис шагнул вперед и сделал дружеский, но повелительный жест рукой. Машина затормозила, затем резко остановилась в двадцати футах от нас. Передние дверцы распахнулись.

С одной стороны вывалился тип с автоматом — явно из персонала базы, с другой — Нед, в летном комбинезоне, на лице полоска засохшей крови, в руке солидного вида револьвер.

Для змеиного пистолета двадцать футов было не так уж много, но автомат как бы увеличивал это расстояние в несколько раз. Луис вздохнул, и я услышал звон пистолета, упавшего

на бетон.

Нед медленно подошел к нам. На лице его появилась мрачная злорадная улыбка.

— Доблестные авиаторы собственнолично, — тихо произнес он. — Я так рад встрече с вами.

н. — я так рад встрече с вами

Он взмахнул револьвером.

29

Сознания я не потерял, но мало что запомнил, пока не оказался в комнате Неда в «Американе» со стаканом шотландского в руке. Для первой выпивки в семь утра — немного рано, но обычно я не ощущаю острую зубную боль в каждом зубе, который у меня есть, и еще в паре десятков, заимствованных специально по этому случаю: ствол револьвера пришелся как раз по левой челюсти.

Нед сидел у телефона. Луис стоял у окна, разглядывая видимую часть города. Часовой застыл в дверях с тем же автоматом.

Нед положил трубку и сказал:

— Небольшая задержка перед визитом к генералу. Самое время придумать что-нибудь поубедительнее.

Луис повернулся.

— А! Нам предстоит встреча с новым президентом?

 Я прибыл с базы, чтобы лично доложить ему. Приятно иметь хотя бы вас обоих на кредитной стороне чековой книжки.

— Скажи, Нед, — произнес я уголком рта, словно актерлюбитель в роли Джорджа Рафта в сцене в казино, — это обычная дорога с базы?

Он посмотрел на меня.

— Нет, вам повезло встретиться со мной. Ваш приятель Химинес еще на рассвете начал стрельбу по нашим людям на обычном пути к базе. Поэтому-то я и намеревался стартовать так рано — расчистить заграждение на дороге. И поэтому я поехал в город вдоль побережья.

Луис вздохнул.

- Просто нам повезло, как я понимаю.
- Сколько мы вывели из строя, Нед?

Он жестко и внимательно посмотрел на меня, медля с отве-TOM.

- Все десять, медленно сказал он. Трем потребуются новые двигатели, три или четыре придется списать полностью. в том числе и мой.
- Рад, что это не касается тебя лично, вежливо сказал я.
 Ага. Я заметил, как ты был осторожен. Всего лишь прищемил меня, — он недоверчиво покачал головой. — Никогда бы не подумал, что такой человек, как ты, станет так риско-

Луис пробормотал:

Меня это тоже слегка удивило.

Нед подошел к холодильнику и вынул из него бутылку — все

того же своего фирменного пива из Австралии.

— Едва ли мне сегодня придется летать, так что... — он налил в стакан пива. - Кирпичи, чертовы кирпичи. Тебя следовало тогда посадить за решетку, но я знал, что у вас нет бомб. Кирпичи, я уверен, -- целиком твоя идея.

Он отвернулся, потом снова обратился ко мне:

— Если тебя интересует --- я как раз оторвался от земли, когда ты сел на меня. Можешь поэтому засчитать... Сколько получается, пять? Вот ты и ас, Кэйт. Но здесь сейчас быть асом котируется не очень высоко. Боско тебе объяснит, насколько невысоко.

Я пожал плечами.

— Все это уже в прошлом, — я взглянул как мог небрежно и безразлично на стража у двери. Он стоял, подпирая стену, с автоматом в руках и выражением лица прямо из каменного века. Если он понимал по-английски, мне предстояло сейчас проиграть важную ставку. Но я готов был дополнительно поставить еще одну на то, что понимание чего бы то ни было — не по его специальности. Я спросил:

- А где «Ласточка», Нед? Все там же, на твоей авиабазе? Он уставился на меня.
- Почему, черт возьми, тебя это интересует?

—У тебя внизу машина. Через полчаса мы уже будем в воздухе. Я тебе обещаю бесплатный проезд на выбор — Кингстон или Пуэрто-Рико. Что скажешь?

Со стороны старого города милях в двух от нас послышался треск стрельбы, потом хлопок гранаты и жужжание автоматной очереди. Звук поднялся, нарастая, и, угасая, затих.

Нед продолжал смотреть на меня, как будто не верил своим глазам, затем медленно сказал:

— Ты и в самом деле надеешься, раз мы когда-то были боевые друзья-приятели, то...

—Тебе, Нед, приятель нужен прямо сейчас, не сходя с места:

— Мне? А как насчет тебя?

— О, у меня в этом городе есть друзья, — я сделал жест в сторону окна, — они пока еще не рядом, но они есть. А как у тебя?

- Что у меня?

— Допустим, Кастильо и армия появятся здесь. Они тебе сразу перережут горло — ты же ведь правая рука Боско, так? Ну, а если верх возьмет Химинес? Он тоже не пожалеет твою глотку, да еще добавит от себя лично: ты же расстреливал сверху его людей. Значит, остается Боско.

— У меня для тебя есть новость, Кэйт. Боско на моей стороне.

— Это может оказаться новостью и для Боско. У него было только одно оружие, Нед, одно — «Вампиры», и ты растерял их все до единого. Это может стоить ему власти. Сомневаюсь, чтобы Боско все еще был твоим приятелем.

Слушая меня, Луис отвернулся от окна. Подтверждая мои слова, он утвердительно кивнул.

Нед сказал мягким шепотом:

— Жаль, что я не свел с тобой счеты, Кэйт. Что не успел

поднять самолет в воздух.

— Это уже ничего не изменило бы, Нед. Тебя наняли не как рядового пилота: ты же — полковник, босс, специалист на тысячу в неделю. У тебя была команда, и девять десятых ее к моменту нашей встречи ты потерял. Потому что выстроил самолеты в линию, чтобы мне было удобнее накрыть их с первого захода.

Черт возьми, я же не думал, что ты прилетишь сегодня.
 Мы не знали, что Химинес готов выступить, и, кроме того, мы

послали пару... — он замолчал.

Я кивнул.

— Знаю. Я имел с ними встречу — в ту ночь я спал возле самолета. Но не ищи оправдания для меня, придержи их для Боско. Он нанял тебя для того, чтобы ты думал и заботился о «Вампирах».

Помолчав, он снова сказал:

 — Мне по-прежнему жаль, что я не свел с тобой счеты. По личным причинам.

Один из телефонов зазвонил.

Нед подошел к столу, прислушался, чтобы определить который звонит, и со словами: «Это Боско. Игра начинается», взял трубку зеленого аппарата.

Произнеся несколько раз «да», он положил трубку на рычаг и повернулся к нам.

- Встать, ребята. Прошу извинить за то, что придется

обойтись без дружеского ленча.

Мы вышли один за другим. Нед впереди, мы за ним, часовой с автоматом замыкал шествие. Мы прошли по мягко освещенному, покрытому толстым ковром коридору, поднялись по широкой лестнице и оказались перед двойной дверью пентхауза*, по обеим сторонам которой стояло по часовому.

Нед постучал, открыл дверь, и мы вошли.

Комната оказалась просторной и темной — за исключением пятен света вокруг радио-телефонной аппаратуры и большого стола в центре. Я заметил, что на окнах были стальные ставни: генерал позаботился, чтобы к нему не влетала случайная (или не случайная) пуля.

Два человека сидели у радио. Трое — за столом: Боско в центре и два офицера с телефонами по краям. Одним из них

был капитан Миранда.

Боско сказал:

Слушаю ваш рапорт, полковник.

Нед перевел дыхание и начал. Все самолеты к четырем утра были заправлены горючим, вооружены и готовы к взлету. В пять часов была принята заявка с просьбой уничтожить засаду на дороге к базе. Через пару минут он уже катил к взлетной полосе. Он не видел мой самолет на подходе и не слышал его моторов из-за шума собственных двигателей. Диспетчер сообщил обо мне слишком поздно, он только смог увидеть мою атаку.

Боско слушал молча, его толстая смазливая физиономия ничего не выражала. Одет он был очень просто: рабочие брюки цвета хаки, рубашка из тех, что обожают американские сержанты, — в обтяжку, почти как тенниска, черный галстук, засунутый под рубашку ниже второй пуговицы, плетеный пояс и кобура. Все очень чистое и свежее: острые складки на рукавах рубашки, ленточки орденов в парадном порядке — идеальный солдат: неприхотливый, но аккуратный, деятельный, но элегантный. Каким вы и хотите видеть новоиспеченного диктатора,

Мне стало почти жалко, что я так подпортил ему картину.

Нед заканчивал отчет: около часа он осматривал «Вампиры», распорядившись отремонтировать два из них, наиболее уцелевшие. Требовавшиеся части приказал снять с полностью разбитых машин. Но и эти два имели дыры в крыльях и фюзеляже,

^{*} Пентхауз — фешенебельный верхний этаж высотного здания.

которые придется заделывать. Один, возможно, сможет взлететь завтра вечером. Возможно.

Боско перевел взгляд на меня.

— Теперь вы, сеньор Карр.

Я пожал плечами. Но похоже, что между нами никаких секретов не оставалось.

— Я сбросил около 360 кирпичей из четырех рыбацких сетей, прикрепленных к бомбовым консолям...

Когда я закончил, он спросил:

— Это был самолет сеньора Унтмора?

Я отрицательно покачал головой.

— Мой. Я получил его в оплату за участие в съемках и потому что он чувствовал свою вину в том, что я потерял «Ласточку». Помните?

Только тень улыбки под аккуратными усиками.

— Помню. Помню также, что я велел вам держаться подальше от Республики, — он пожал плечами. — Жаль, что в свое время вы не приняли наше предложение. Теперь очевидно, что вас не переоценивали. А сейчас...

Он посмотрел на Неда.

— Полковник, вы разжалованы в лейтенанты. Капитан Миранда примет командование тем, что осталось от эскадрильи. Вы вернетесь на базу и займетесь ремонтом самолетов. Если капитан прикажет, вы поведете один из них, когда они будут отремонтированы.

Даже в полусвете комнаты было видно, как Нед поблед-

нел

— Я нанимался на должность и жалованье. Подаю в отстав-

— Вы на военной службе, лейтенант, — хладнокровно возразил Боско. — Во время войны в отставку не подают. Когда все закончится, мы посмотрим.

Я бросил взгляд на Миранду. Он откинулся в кресле, глядя

на Неда с задумчиво-удовлетворенной улыбкой.

Боско внимательно посмотрел на меня и Луиса, потом сказал:

— Вы кое-что упустили в своем рассказе, сеньор. Совершенно очевидно, что вы решили после налета приземлиться и пробраться в город, чтобы разузнать результаты вашего рейда. Следовательно, вы — шпионы и вас расстреляют.

Я в общем-то не надеялся не быть расстрелянным, но меня

сбила с толку затея со шпионажем.

— Если вы думаете, будто я намеревался болтаться тут после того, как...

— Сеньор? — он улыбнулся. — Почему тогда вы так одеты? Я всегда считал, что военные действия ведутся в воинской форме, нет? Вы упрощаете дело для меня, - он повернулся к другому офицеру за столом. — Позаботьтесь о том, чтобы были сделаны фотографии - как доказательство, что они захвачены в штатском.

— Presidente, — тихо произнес Луис, — не позволите ли вы

указать вам на вашу ошибку?

— Что вы — Луис Монтеррей, звезда Голливуда и американский гражданин? Нет, — элегантным жестом руки он отбросил это рассуждение в сторону. — С тех пор, как мы последний раз встретились, я велел провести маленькое расследование. Теперь я знаю, почему вас так интересует сеньор Химинес. Знаю, что вы родились здесь. Это обстоятельство вы не очень рекламировали, и ваши американские граждане и журналисты будут обсуждать его не меньше, чем ваш расстрел. И всем североамериканцам давно известно, что мы, даго, фанатики в отношении родины. Они поймут, - на этот раз улыбка генерала напоминала раскрывающийся нож.

- Het, Presidente, - Луис не менее элегантно махнул рукой. — Я только хочу напомнить, что сообщение о нашей казни — а на Ямайке нас кое-кто ждет, кому станет известно, что мы не вернулись, так что информация о нашей судьбе не находится всецело в ваших руках, — так вот, сообщение о нашей казни будет означать публичное признание нашего успеха. Планируете ли вы объявить громогласно, что генерал

Боско остался без зубов?

Последовала долгая пауза, во время которой было слышно только неясное бормотанье радиоаппаратуры и треск помех. Зазвонил телефон. Миранда взял трубку и, выслушав сообщение, положил ее снова. OTO : J. OKUSE CHALLE LA PROCESCIONAL LA PROCE

Генерал сказал:

— Химинес уже должен знать.

Луис сделал легчайший из легчайших поклонов.

- Наверное, да. Он знает о нашем рейде и видит, что истребителей в воздухе нет, хотя уже, — он взглянул на часы, — два часа как светло.

— И? — бросил Боско.

— Но генерал Кастильо — он не знает, что его танки и пушки вне опасности. Он не знает, что армия может беспрепятственно войти в город сразу, как только прибудет. Пока.

Помолчав, Боско поднял обе руки в скептическом жесте.

— Ну и что? Как вы намерены сообщить Кастильо? Или помешать ему узнать?

— Мне ничего не известно о Кастильо — только то, что он будет очень стараться узнать, что происходит в городе. Если нас расстреляют, вы уверены, что он не услышит об этом?

Боско ел его глазами, потом скупо улыбнулся.

— Я мог бы устроить самый тихий расстрел.

— Сеньор Президент, — Луис удрученно покачал головой, как если бы Боско был особо тупым учеником, — расстрелять меня, как шпиона, — это одно. Но прикончите меня в номере отеля — и какой североамериканский журналист станет интересоваться, был ли я в чем-то виноват?

Боско в гневе не сводил с него глаз. Неожиданно один из сидевших у радио вскочил, что-то резко сказал и включил звук на полную громкость. Мы услышали фанфары (фонограмму, разумеется), щелчок, тяжелое дыхание диктора-непро-

фессионала и торжественный возглас:

— Viva el liberador — Jiminez!*

Оба, и Миранда и Боско, заорали, звук радио был поспешно приглушен. Луис тихо заметил:

Он все-таки захватил радиостанцию.

Миранда и другой офицер схватили телефонные трубки и принялись в них кричать. Боско бросил на меня взгляд.

— С истребителями мы бы ее удержали, — он склонил голову, прислушиваясь. — Через пять минут Химинес произнесет речь.

Я почувствовал, как Луис застыл рядом со мной. От Химинеса требовалась только одна фраза... Если он не удержится и похвастается, что ВВС разгромлены. Если забудет, что для Кастильо и армии это послужит открытым приглашением...

Боско сухо сказал:

— Похоже, сеньоры, что ваша жизнь теперь не в моих руках. Он забарабанил приказами в Миранду и его коллегу. Те схватились за телефоны для передачи по инстанциям. Боско пришла в голову какая-то мысль, он спросил о чем-то человема за коммутатором и затем поднял трубку своего телефонного аппарата.

— Радиостанция как будто еще не отключена от нас, — он протянул трубку Луису. — Быть может, вы захотите обсудить

интересующий нас вопрос с вашим старым другом?

Луис неохотно взял трубку.

 — Я напомню ему, что это повредит его делу. И все. Он решит сам.

Безусловно. Я не поставлю ваши слова вам в вину. Я только вас расстреляю.

^{*} Viva el liberador! (исп.) — Да здравствует освободитель – Химинес!

Луис криво улыбнулся и заговорил:

— Сеньор Химинес... что?.. Ах, да, — он, ухмыльнувшись, посмотрел на Боско. - Президент Химинес, с ним хочет говорить Луис Монтеррей.

Миранда, приподнявшись, что-то крикнул, но Боско знаком

велел ему замолчать.

Тут Луиса, должно быть, соединили с Химинесом, потому что его испанская речь набрала обороты, и я остался далеко позади. Я только и разобрал, что слово «Американа».

В конце концов он вернул трубку Боско и повернулся ко мне.

— Он ничего не скажет... сейчас. Позже... или если узнает, что нас расстреляли... — Луис пожал плечами.

Боско сказал:

 Вы сообщили ему, где вы находитесь. Не в надежде ли, что он возглавит освободительную миссию? Я очень на это надеюсь, — он со стуком опустил обе руки на стол. — Итак, мы ждем. Прошу простить, что мы не можем предоставить вам помещение во Дворце Правосудия, но ваши друзья взорвали там одну стену, чтобы провести вербовку рекрутов.

Луис с одобрением кивнул: вербовка в тюрьме, где полно твоих друзей, была очевидно одним из тактически правильных

первых ходов в дебюте любой революции.

Боско огляделся и увидел Неда, не сдвинувшегося с места, угрюмого и молчаливого.

 Лейтенант, заберите их в свою комнату и охраняйте как следует. The property of the statement which be all the

Нед возразил:

нед возразил:

— Мне казалось, что я должен заняться ремонтом «Вампиров».

— С этим можно подождать. Вы можете... — Миранда перегнулся через стол и что-то тихо сказал Боско. Тот выслушал, кивнул и посмотрел на меня. — Капитан Миранда напомнил мне о незавершенном разговоре при нашей прошлой встрече.

Я уже догадался о том, что последует, Миранда поднялся быстрым и плавным движением, прошагал вокруг стола и встал

напротив меня.

Мне оставалось только ждать.

Он смотрел на меня с голодной улыбкой. Неожиданно его левое плечо опустилось, как бы для удара в живот, но когда я поднял руки для защиты, он выбросил вперед правую руку. Я попытался уйти, но сделал это недостаточно быстро. Он зацепил мою ноющую челюсть, и я упал, чувствуя, как боль пронзила меня с ног до головы.

Когда я медленно поднялся с пола, Боско хладнокровно сказал:

- Это все. Можете идти.

Уже грязным от крови носовым платком я вытер кровь, вы-

ступившую на губах.

— Генерал, — сказал я, с трудом выговаривая слова, — даже не смейте удивляться тому, что такие люди, как я, оказываются всегда против таких людей, как вы.

Он следил, как мы уходили, со спокойным, застывшим вы-

ражением лица.

30

Я сидел в глубоком скандинавском кресле в номере Неда. Полчаса колодного душа снаружи и стакан неразбавленного шотландского внутрь привели мою физиономию и голосовые связки в состояние ограниченной возможности речи.

— Чего теперь ждет Боско? — спросил я Луиса. Он сидел за карточным столиком у окна и механически сдавал сам себе карты для покера, следя одновременно за тем, что происходит на улице. Нед со стаканом пива в руке в таком же кресле, как мое, угрюмо размышлял о чем-то своем. Часовой стоял, подпирая дверь.

Луис пожал плечами и собрал карты.

— Он ждет реакции армейских офицеров. Если они провозгласят: «Viva Bosco!»*, он пригласит их в свои ряды для борьбы за родину и свободу плюс откроет счет в швейцарском банке для каждого, чье звание выше майора. Тем, кто так поступит, пути назад, к Кастильо, уже не будет, так что новость о разгроме ВВС для них не будет иметь значения.

Он со щелчком пропустил колоду карт между пальцами.

— С другой стороны, если они крикнут: «Viva Castillo!» **, он скажет: «Держитесь подальше, не то мои истребители не оставят от вас камня на камне» — и продолжит сражаться с Химинесом в одиночку, — он бросил взгляд на Неда. — Конечно, держа дорогу на авиабазу открытой, личный самолет под парами и чековую книжку в кармане.

Нед только хмыкнул.

Я втянул за щеку порцию виски и спросил:

Как в эту картину вписывается захват Химинесом радиостанции?

Луис вытянул руку перед собой и стал разглядывать пальцы.

^{*} Viva Bosco! (исп.) — Да здравствует Боско!

^{* *} Viva Castillo! (исп.) — Да здравствует Кастильо!

— Как для кого. Одних это убедит, что положение так серьезно, как это описывает Боско. Другие решат, что он уже проиграл, — он неожиданно улыбнулся. — Так я думаю.

Я бросил взгляд в сторону часового: это был все тот же тип. Он стоял, бессмысленно таращась на стену, и было очевидно, что имеющиеся у него в наличии немногие клеточки мозга крепко спят.

Я обратился кНеду:

— Так где «Ласточка», лейтенант?

Он медленно поднял голову, его лицо было твердым, как

гранит.

— Не волнуйся, приятель. Я не долго буду лейтенантом. Как только мы что-нибудь починим — Миранда не в состоянии обучить кошку писать в песок.

— Он здешний, — тихо заметил Луис.

Нед повернулся.

— Ну и что?

Луис занялся сдачей карт.

— Ваша репутация известна от Кореи до Конго, и вы найдете себе работу повсюду. Но вы, наверное, согласитесь со мною, что возможности и известность капитана Миранды слегка, как бы это сказать, ограничены?

— Никому он не известен, — прорычал Нед, — а те, кто его знают, не наймут ублюдка вытирать свой собственный нос.

— Именно. И потому мы вправе считать, что его будущее зависит от одного человека — генерала Боско. Оба они это знают. И каждый из них знает, что другому это известно. Это то, что в некоторых кругах называют лояльностью, — он замолчал, глядя на Неда с картой в руке. — Вы сделали там большую ошибку, мой друг. Вы заявили: «Я подаю в отставку». Такие слова нельзя говорить диктаторам — больше всего на свете они ценят лояльность. Они нанимают лучших специалистов по наивысшей цене и затем воображают, что эти люди верят в них. И даже когда деньги и власть исчезают, как дым, они ждут, что наемники пойдут за них на смерть и отгонят надвигающуюся ночь.

Он повернул карту в руке и фыркнул.

- Черт, никогда не отучусь искать среднюю карту в стрите*. Я сказал:
- Так, как насчет «Ласточки», Нед? Или ты ждешь, когда тебя разжалуют в сержанты?

^{*} Стрит — комбинация в покере из нарастающих по значимости карт. Например: девятка, десятка, валет, дама, король

Он допил пиво, медленно пересек комнату и посмотрел на меня сверху вниз.

— Или я жду, пока не забуду, кто всему виной, — об этом ты не подумал, Кэйт? Я отпустил бы тебя, если бы ты сделал это за деньги. Если бы ты был «борцом за свободу» и приверженцем Химинеса — в этом случае я, наверное, отпустил бы тебя. Но я знаю, что ты веришь в Химинеса не больше, чем в Деда Мороза. Ты просто сводил со мной личные счеты, потому что как же, ты — великий Кэйт Карр! Олл райт. Но ты хоть на секунду подумал, что буду чувствовать я? Можешь не сомневаться — я с наслаждением посмотрю, как тебя расстреляют, — он со злостью распахнул холодильник и достал из него бутылку.

Я устало сказал:

— Частично, Нед, ты прав. Но я ничего лично не имел против твоей карьеры.

— Боже, помоги мне, когда тебе помешает моя карьера.

Я встал, подошел к окну и взглянул на расстилающийся внизу город. Далеко, возле доков на реке в старом городе, столб черного дыма медленно поднимался в воздух. Ближе, на север, виднелась белая дымка — возможно, над радиостанцией. И все. Отсюда, из прохладного фешенебельного номера, видно было немного — только верхушки пальм и верхние этажи зданий из реактивного истребителя при заходе на атаку. Что отсюда, что через носовой обтекатель — не увидишь, как кто-то бежит, кто-то погибает под огнем.

— Такие люди, как мы, Нед, — сказал я, — очень полезны в «День Д» или в «Битве за Британию» или в чем-нибудь подобном. Но между войнами нас следует держать в клетке. У нас не может быть никакого дела в такое время и в таком месте, как это. Поэтому я и пошел против тебя. Затем возникла и другая причина, но главное — это то, что я только что сказал. Профессионалам — таким, как ты и я, — здесь не место.

Он презрительно фыркнул.

 Какие мы стали хорошие, когда занялись перевозкой грузов.

Я пожал плечами.

- Или когда я перестал разрушать города.
 - Мы не собирались бомбить город.
- Неужели? я рывком повернулся к нему. Неужели? Вы, черт побери, как миленькие сделали бы все, что тот человек наверху приказал бы вам. Если бы он велел уничтожить старый город, вы бы его уничтожили. Это и есть твоя работа.

Мы не сводили глаз друг с друга.

Послышался легкий стук в дверь. Нед повернулся, потрогал револьвер под мышкой, потом кивнул. Часовой, вскинув автомат, приоткрыл дверь.

Настойчивый, умоляющий и как будто знакомый женский голос быстро заговорил по-испански. Я посмотрел на Луиса, тот

застыл в кресле.

Часовой шагнул вперед, за пределы видимости. Послышался звук удара, и Уитмор вошел в комнату, держа в левой руке бессильно повисшего стража.

Нед схватился за кобуру. Свободная рука Уитмора сделала знаменитое мгновенное движение, и ствол автоматического

пистолета уставился в грудь Неду.

— Тридцать лет я играл эту сцену, — небрежно бросил Уитмор, — и вы полагаете, я не выучил ее наизусть?

Луис сказал:

- Где вы пропадали?

Дж.Б. с автоматом в руке вошла в комнату и закрыла дверь. Уитмор отобрал у Неда револьвер, кивком велел ему сесть в кресло и вдруг заметил стакан с пивом. Осушив его одним глотком, он сказал:

— Вы коть понимаете, что я не смыкал глаз с полуночи, когда взорвали Дворец Правосудия — как раз через дорогу от нас, — он повернулся к Луису. — Что, черт возьми, вы имеете в виду, удивляясь, где мы пропадали? Прошло всего лишь три четверти часа с момента, когда вы сообщили Химинесу, где находитесь. Пришлось занять чье-то такси и багаж, чтобы появиться под видом туристов, спешащих в лучший отель в час кризиса.

На этот раз он был одет очень элегантно: легкие бежевые брюки, жилет чуть темнее, белая рубашка, даже галстук. Сразу видно — североамериканец и, если не знать его, обычный,

попавший в беду турист.

— И вообще, — добавил он, — не думаете же вы, что мы приехали спасать вас. Мы просто решили, что Карр уже истощил ваш запас сигарет, — он поднял левую руку, обнаружил, что держит в ней повисшего без сознания часового и швырнул его на кушетку. Затем достал пачку сигарет и бросил ее мне.

Дж.Б. вошла вперед и положила автомат на холодильник. На ней была узкая белая юбка и зелено-голубая с импрессионистским узором блузка. Она подняла руку в знак при-

THE STORY INCHES AND APPLICATION OF HELD CAR.

ветствия.

— Хэлло, Кэйт.

Я ошеломленно махнул в ответ. Только сейчас я начал постигать замысел Луиса. Тут она увидела синяк у меня на подбородке.

— Это во время приземления?

Нет. Просто два коротких разговора со здешними ВВС.
 Она повернулась к Неду.

- Гле аптечка?

Нед пожал плечами.

— Он в ней не нуждается. Пройдет со временем — если у него будет время, — тут его осенило, и он выпрямился в кресле. — Богмой! Это ты из-за нее... Ты знал, что она здесь, и потому не мог допустить, чтобы хоть один «Вампир» мог летать и стрелять! — он опять откинулся на спинку. — Никогда бы не подумал, что ты, Кэйт, станешь рисковать собой ради кого-то другого.

Дж.Б. в недоумении спросила:

- О чем это вы?

Луис грустно сказал:

— Для того чтобы последний из уцелевших «Вампиров» не взлетел, нам пришлось сесть на него. Кэйт проявил себя настоящим героем. Он абсолютно забыл, что я тоже был на борту.

Уитмор протяжно свистнул.

— Вот из-за чего вы потеряли самолет! Что ж, раздобудем другой.

— Другой? — Нед снова сел прямо.

— Черт возьми, да. Мне же надо доснять фильм, — он нахмурился и налил себе пива. — Но было бы лучше использовать тот, что принимал участие в революции. Отличная реклама.

Нед воззрился на него, как будто Уитмор покрылся зеленой чешуей и отрастил хвост. Потом он откинулся в кресле, изумленно покачал головой и сказал:

— Что ж, все актеры на лицо. Сценарий не забыли?

Уитмор поднял пистолет, но я вмешался:

— Вопрос справедлив. Куда мы направимся?

— Черт побери, мы только что проехали через центр города, который под контролем Химинеса. Там нет кордонов, только вокруг радиостанции.

Я покачал головой.

Делайте, что хотите, но я увожу Дж.Б. из страны. Здесь еще долго будут стрелять.

Она улыбнулась, нахмурилась, ухмыльнулась — мгновенный пробег через полный набор выражений лица.

— Мне это очень приятно, Кэйт, но...

Луис твердо сказал:

— Сейчас путь в старый город уже закрыт. Боско отдал приказ, когда услышал, что Химинес захватил радио. Теперь это его тактика: ограничить движение Химинеса и ждать — как пойдет ремонт истребителей. Как поведет себя армия? И чем дольше Химинес бездействует, тем меньше у него надежды на поддержку населения. Люди не прыгают на подножку вагона, который стоит на месте, — лицо Луиса внезапно постарело — как будто он увидел, как золотая карета пронеслась мимо. — Сейчас все пойдет медленно. Лучше убраться отсюда, Уолт.

Уитмор нахмурился.

— Да? Черт... И нам послезавтра надо быть на съемках... Луис улыбнулся чуть криво.

— И это тоже, да.

Нед глядел на Уитмора, все еще не веря своим ушам.

Это просто каникулы во время съемок? Пара дней развлечений и назад, так, приятель?

— Заткнитесь. Должен же я бороться за свои сбережения.

— Сбережения? - по прик и В и по сиора выпличене о може

Я сказал:

 Он имеет в виду, что встрял в это дело за деным, так же, как и ты.

За свое пояснение я заработал осуждающий взгляд от каждого из них. Но тем не менее я был совершенно прав. Деньги и обстоятельства поставили их по разные стороны баррикады. Сведи они их вместе, оба прекрасно бы друг друга поняли.

Уитмор потер стволом пистолета намечающуюся щетину.

— Что ж, если сегодня все не кончится, нам лучше уехать, — похоже, ему очень не хотелось это делать. Тут могли быть бары и бордели, которые стоило посетить. Но утром, как всегда, предстояла съемка — и он уходил. И здесь, на свой лад, он тоже был профессионалом.

— И как мы это проделаем? Если старый город для нас

закрыт?

— Никак, — сказал Нед. — Вы влипли.

Он встал и протянул руку.

— Хотите, чтобы командовал я? Или будете ждать, когда начнется стрельба?

Уитмор взглянул на него. Дж.Б. быстро сказала:

— Остается гражданский аэропорт. Химинес говорил, что там не стреляют. А в одиннадцать есть рейс «Пэн Америкэн» до Кингстона.

Я сказал:

— Это если «Пэн Америкэн» известно, что там спокойно. Вероятнее, что они пролетят мимо.

— И в любом случае, — вмещался Луис, — там уже продано билетов в пять раз больше, чем бывает мест в самолете.

Последовала короткая озабоченная пауза.

Я сказал:

И это снова возвращает нас к «Ласточке», где бы мой самолет ни был.

Нед сказал:

- Иди к черту.
- На случай, если ты не заметил, ты уже самое большее сержант, Нед: как тюремщик ты тоже не очень-то себя проявил, а? Тебя могут поставить к стенке вместе с нами, а потому давай уносить ноги отсюда.

Он сердито посмотрел на меня.

— Кэйт, ты не понимаешь, да? Дело не только в том, арестуют меня или нет. Я должен думать о своей репутации. Я считался чертовски хорошим военным летчиком, но ты мне все испортил. Через двое суток мы восстановим два «Вампира». Я должен быть здесь при этом. Я должен навести порядок. Иначе я никогда не найду себе другую работу.

В наступившей тишине Дж.Б. заметила:

— Если речь идет о вашем самолете, Кэйт, то, по сведениям Химинеса, его перевели на военную базу.

Я кивнул.

— Теперь мы знаем.

Нед слегка улыбнулся.

— Твоя машина понравилась Боско. Он велел ее подновить и использовал как личный самолет, — Нед кивнул в сторону Уитмора. — А теперь давай вместе посмотрим сцену, в которой он врывается на хорошо защищенную военную авиабазу и крадет личный аэроплан президента.

Зазвонил телефон.

Или, — добавил он, — давай спросим разрешения у Боско.
 Вот твой шанс.

Я вскочил, протянул руку к Уитмору.

— Пистолет, быстро. Он поверит, что я убыю его... — я направил на Неда его собственный револьвер. — Олл райт, дорогой приятель, отболтайся сам.

Нед пристально посмотрел на меня и на тяжелый «Магнум».

— Ты и с пяти шагов не попадешь в ангар, Кэйт.

Я стиснул обе руки на рукоятке револьвера.

— Подойду насколько надо близко и буду стрелять так часто, как эта штука позволит, — если по твоей вине она застрянет в Санто-Бартоломео.

Телефон зазвонил снова. Дольше.

Нед потряс головой и поднял кверху руки.

-- Никогда бы не подумал, что именно ты будешь вести себя, как актер-любитель, — он встал, перевел дыхание и взял трубку: — Алло... генерал? Простите, я был в ванной.

Луис наклонился к аппарату, внимательно прислушиваясь.

Я не сводил револьвер с Неда.

Его вклад в разговор ограничился несколькими «да» и «нет». Прошла одна геологическая эра, затем другая. Нед бросил трубку на рычаг, презрительно покосился на Луиса и сказал:

- Вы им скажите.

Луис произнес ровным тоном:

— Генерал едет на базу вместе с капитаном Мирандой. Сеньор Рафтер с пленниками должен оставаться здесь. Если потребуется, взвод для расстрела на месте и ждет... — Луис изящно повел плечами.

Уитмор сказал:

— Так что теперь?

— Будем ждать, — ответил я, — пока Боско не устроится на базе в своем штабе. Затем берем автомобиль Неда, он помогает проехать мимо стражи у ворот базы, находим «Ласточку», забираемся в нее и...

Нед воззрился на меня.

— Ты тронулся?

— Нед, зачем тебе здесь оставаться? Когда Боско обнаружит, что ты только что его обманул, ты будешь на десять рангов

ниже сержанта и на столько же футов под землей.

— Не-ет, — он покачал головой, — насчет этого я сумею сблефовать. Твои друзья могли появиться тут после его звонка. А вас так или иначе уже не будет, чтобы опровергнуть мои слова. И уж ему-то Боско не поверит, — Нед кивнул головой в сторону часового, который корчился на кушетке, пытаясь понять, какой край неба свалился ему на голову — Так, что у вас сейчас по сценарию, Кэйт? Приставить мне к груди пистолет и приказать провезти вас на базу или... Это так хорошо получается в кино.

31

Уитмор вытащил из-за пояса автоматический пистолет, клопнул им по ладони и сказал:

— Именно так, дружище. Вставай!

Нед без всякого выражения посмотрел на пистолет и пожал плечами. — Вы тут командир.

Он пошел к двери.

Я произнес:

— Стойте.

Все посмотрели на меня. Я сказал:

- Нед, ты отдаешь себе отчет, что выбор у нас очень ограничен? Если мы не можем добраться до «Ласточки», нам придется прорываться к Химинесу. На твоей машине и с коллекцией оружия, которую нам удалось собрать, мы можем проскочить.
- Но сначала ты пустишь пулю мне в голову? тем же безразличным тоном.
- Не-ет. Не думаю, что смогу пойти на это. Мы просто захватим тебя с собой и, если прорвемся, передадим Химинесу. На хранение. Насколько ты сохранишься, я не знаю, но зато мне не придется при этом присутствовать.

Его лицо как будто слегка побледнело, он коротко кивнул.

— Итак, я проведу вас на базу.

— Верно, — нетерпеливо бросил Уитмор. — Поехали.

Я снова повторил:

— Стойте!

Он круто повернулся и проревел, как бык:

— И чего теперь вам, черт возьми, не хватает?

— Не вышло, — сказал я устало. — Если Нед проведет нас на базу, он станет предателем. А я его знаю: он этого не сделает — во всяком случае, так просто. Когда ему за лояльность платят тысячу в неделю. Тем или иным способом, но он обведет нас вокруг пальца. Исказит пароль, подмигнет часовому — что-то в этом роде. И что бы ни случилось, у него там будет больше шансов, чем в лапах Химинеса.

Уитмор внимательно и задумчиво оглядел Неда. Тот сохранял безмятежное выражение лица. Он повернулся ко мне.

— И что теперь?

Я тоже посмотрел на Неда. Наступил момент, когда я должен был найти что-то такое, что означало бы для него больше, чем верность Боско, — больше, чем тысяча в неделю. Только и всего.

— Нед, будет и другая работа, в Африке или еще гденибудь. Ты уверен, что не хочешь сжечь свои корабли и уехать с нами?

Он слабо улыбнулся.

— Ты уже сжег их, Кэйт. Другая работа? С той же оплатой? Особенно когда узнают, что я улизнул в разгар военных действий?

- Ты готов поставить на кон, что уйдешь целым от нас, от Химинеса, от Боско? И оправдаещь себя, когда «Вампиры» булут починены?

- Кэйт, у меня даже ограниченного выбора нет.

Я кивнул и тихо сказал:

— Неважный расклад карт, Нед?

Он улыбнулся.

— Не забывай, я — игрок.

— Помню. И потому давай разыграем это в кости.

Пауза. Потом все заговорили сразу. Я взмахнул «Магнумом».

- Заткнитесь! Предоставьте дело мне.

И повернувшись к Неду:

-- Hy?

Он с интересом разглядывал меня.

— Ты ставишь на то, что я без риска проведу вас на базу, —

против чего?
-- Уезжая к Химинесу, мы оставим тебя здесь. Связанного и за запертой дверью — но здесь, в целости и сохранности.

Он подумал.

Он подумал.
- Ты сошел с ума: играть со мною в кости. Но...

— Па уж точно, он свихнулся! — взорвался Уитмор.

Тогда придумайте что-нибудь получше.

Бог мой, да сколько угодно! Куда уж дальше — играть в

кости, когда на улице революция!

- Например, спуститься вниз и поучаствовать в стрельбе? презрительно бросил я. — Вот что, мистер Уитмор, у нас есть шанс прорваться на базу, только если Нед будет на нашей стороне. Ничто другое не сработает, когда там такая нервная обстановка. Сегодня базу уже атаковали — этого вы, надеюсь, не забыли?

Он поднял ствол пистолета.

-- Черт, мы все же мегли бы...

— Стойте! -- скомандовал Луис. — Всем молчать! — незаметно для всех он подобрал автомат, и теперь его ствол, как бы случайно, смотрел в сторону Унтмора.

— Опустите, Уолт, пистолет, — приказал он вежливым то-

ном. -- Не искушайте себя. Пусть Карр продолжает.

Уитмор глядел на него, не веря своим глазам. Наконец до него медленно дошло, и он, согнувшись, пустил пистолет по ковру к Луису. Тот толчком ноги задвинул его под кушетку.

- Благодарю вас. Прошу, джентльмены.

Дж.Б. задумчиво сказала:

— Если даже ваш друг проиграет, — (мне это «если» очень понравилось), — почему вы считаете, что он сдержит слово?

- Потому что я его знаю. Нед обманет нас, как новорожденных котят. — он же летчик-истребитель. Я вам об этом кое-что рассказывал. Но, кроме того, он игрок. И никогда-никогда не сжульничает в игре. Ни за что. Это - его кредо.
 - —У каждого свое понятие о чести, пробормотал Луис.

Нед бросил на него взгляд, затем повернулся ко мне.

— Ты очень хитер, Кэйт. Но я не просто игрок, мой милый, всегда выигрываю! — в голосе у него еще звучало подозрение.

Я пожал плечами.

 Олл райт. Тогда мы немного выровняем шансы: оставим в стороне сложные ставки и долгий розыгрыш. Разыграем один

раз, пока бросающий не выиграет или не проиграет.

Нед нахмурился. Мой вариант ему как игроку не импонировал. Настоящий игрок исходит из своего преимущества в расчете заблаговременных шансов, в балансировании между выигранными и проигранными ставками, а я предлагал что-то близкое к игре в орлянку.

Я сказал:

 Но, если хочешь, бросать буду я, так как это мое предложение. Где-то я читал, что шансы у бросающего чуть-чуть, на процент-другой, хуже.

Нед продолжал хмуриться.

Я добавил:

— Мне просто хочется что-то решить. Но если ты боишься... Его лицо замкнулось.

Начнем, приятель.

Ящик стола с телефонами был битком набит картами и костями в нераспечатанной упаковке. Я раскрыл один пакет, вынул из него пару кубиков и поиграл ими в руке. Это были обычные кости, из тех, что используются в казино, где Нед их. надо полагать, и приобрел.

— Где будем играть?

— У той стены. Ковер достаточно гладкий, мы там уже играли.

Я окинул взглядом комнату: Уитмор, не сводящий с меня мрачного взгляда, Дж.Б., обхватив себя руками, вид слегка озадаченный, Луис, удобно устроившись с автоматом, в непринужденной позе, — он знал, как обращаться с оружием.

Нед сказал:

— Бросай.

Я встал на ковре на колени и кивнул в сторону стража на кушетке.

Последите за ним.

Все посмотрели в ту сторону. Луис улыбнулся, кивнул и передвинулся, чтобы иметь перед собой и Уитмора, и кушетку.

Нед сказал:

— Моя ставка — провести вас на базу. Твоя — вы оставляете меня здесь, так?

Я ответил: «Да» — и бросил кости. На ковре их было видно даже лучше, чем на сукне игорного стола. Кубики не докатились до стены. Шесть очков — не выигрыш, не проигрыш.

Я взглянул на Неда.

— Ты согласен или перебросить?

Он пожал плечами.

— Сойдет.

Мне надо было выбросить еще раз шесть очков прежде, чем выпадет семь.

Я взял кости, потряс их и бросил.

Восемь. Безрезультатно.

Я подобрал кубики. Где-то далеко за двойными стеклами послышался хлопок гранаты и прерывистый треск ружейного огня. Не мое дело. Политические дрязги Республики — не для меня. Я бросил.

Четыре. Безрезультатно.

Я поднял кости и посмотрел на Неда. Его лицо застыло, но глаза горели голодным огнем. Он сейчас был замкнут в себе, как в кабинете истребителя: направляя мысленно кости, заставляя их двигаться штурвалом, педалями, рычагами дросселей, которых у него не было. Игрок.

Тут он поймал мой взгляд и расслабился.

— Шансы против тебя, приятель.

Позади меня Уитмор хрипло пробормотал:

 Бог мой, нам следовало все сделать с оружием в руках, а не...

Я оборвал его:

— Неда оружием не удивишь — в отличие от вас. В него всю его жизнь стреляли. И не холостыми зарядами.

Нед только улыбнулся.

Я выбросил еще восемь очков. Снова впустую. Поднимая кости, я почувствовал, какая влажная у меня рука.

Нед сказал:

На мой взгляд, пора появиться и семерке.

Я бросил.

Одна кость показала четыре, другая повертелась на уголке, покачалась и остановилась — два очка.

После долгой паузы Нед спокойно сказал:

— Я проведу вас на базу, — свет в его глазах потух.

Мы содрали с часового форму и связали его телефонными проводами, поясами и галстуками Неда. Луис с выражением лица, как в сцене, где он промачивает ноги, надел форму на себя. Она не подходила ему по размеру, но в Республике это было обычным делом. Меня больше беспокоила та элегантная небрежность, которая не оставляла его в любой одежде. Он выглядел как генерал, переодетый рядовым.

Но его манера обращения с оружием оставалась убедительной. Нед повел нас по коридору. Мы с Луисом шли пос-

ледними. Проходя через дверь, он пробормотал:

— Мой друг, когда вы в следующий раз будете играть фальшивыми неуравновешенными костями, пожалуйста, не забывайте, что эффект надежно проявляется только в результате многих розыгрышей, а не в одной игре.

Он с самого начала знал, что я затеял, — даже если не видел, как я заменил кости, когда все смотрели на часового на кушет-

Я пожал плечами.

— Он вообще подозрительно отнесся к самой идее. Если бы я обыграл его в настоящей долгой игре... Но ведь в любом случае шансы за меня были три к двум, так что мне следовало выиграть.

Он взглянул на меня.

— Да-а. Йо в следующий раз играйте только на деньги, ладно?

32

Вестибюль отеля был битком набит туристами: на чемоданах у покинутой персоналом стойки администратора, возле неработающих телефонных будок. Некоторые с надеждой посмотрели на нас — пока не увидели оружие и форму Луиса и летный комбинезон Неда.

У стены на столе, окруженном пальмами в кадках, громкоговоритель извергал из себя триумфальный, хотя и несколько усталый голос диктора. Несколько раз прозвучало: «Химинес», так что, похоже, он все еще контролировал радио. Слушали, впрочем, только трое: местные служащие старшего ранга, если судить по размерам пистолетов у них за поясами. Вероятно, они решили, что «Американа» под крылышком Боско этим утром для них самое безопасное место.

Кроме двух часовых у парадных дверей, никого из персонала авиабазы тут не было. Мы шли продуманным строем: впереди

Нед, дальше Дж.Б., Уитмор и я. Луис, по-прежнему выглядевший как переодетый рядовым генерал, эскортировал нас, замыкая шествие. Мы пошли к дверям на задах отеля.

Уитмор сказал:

— Мне нужен пистолет.

Его оружие осталось под кушеткой, и теперь он нацелил взгляд на «Магнум» в моем кармане. Я покачал головой.

— Я предпочел бы отдать его вам, но у ворот базы он должен находиться у Неда. У него будет слишком подозрительный вид с пустой кобурой.

Ага, — он с неохотой осознал справедливость моего заме-

чания. - Черт, однако...

И тут он увидел троих служащих.

Повернувшись к Луису, он сказал уголком рта:

— Захватите с собой одного из этих типов.

Луис нахмурился, затем, покоряясь, вздохнул и повернул в их сторону. Тут мы повернули за угол, и больше я ничего не слышал.

Когда мы вышли во двор, где находился бар, Уитмора с нами не было. Я услышал шаги в коридоре, потом удар кулаком. Нед, который до этого ничего не заметил, остановился.

Какого черта вы...

В дверях появились Луис и Уитмор. В руках Уитмора был щеголеватый пояс-патронташ с блестящими металлическими застежками и огромным, как у ковбоев, револьвером.

— Настоящий кольт-45, — заметил радостно Уитмор. —

Черт, вот здорово!

Луис устало сказал:

— Почему, вы думаете, я выбрал именно его, Уолт?

Спасибо, дружище, — он со знанием дела повертел револьвером.

— Спрячьте чертову игрушку, — прорычал я, — вы же пленник!

Он оглядел свой элегантный жилет, осознал, насколько неуместен будет на нем пояс с патронами, и швырнул его в кусты. Кольт он засунул в брюки за спину.

Нед в изумлении покачал головой.

— Вы что всю жизнь играете, да?

Луис сказал:

— Друг мой, он не играет. Он и есть такой.

Мы забрались в «мерседес».

Мы ехали около десяти минут. Луис вдруг сказал:

- Стойте, это здесь.

Нед затормозил, Луис вышел, скрылся за деревьями у дороги

и вернулся с автоматической винтовкой «Браунинг».

Полагая, что к этому времени засада на основном шоссе к базе уже ликвидирована, мы поехали по знакомой нам дороге вдоль побережья. Нам отнюдь не улыбалась встреча с транспортом авиабазы.

Нед с любопытством посмотрел на винтовку.

 Из этой-то штуки вы в меня и стреляли? Одна из пуль прошла в пяти дюймах от моего носа.

Луис, как бы извиняясь, улыбнулся.

 Прошу прощения. Но Карр никак не мог удержать самолет от качки.

Нед хмуро взглянул на него, повернул «мерседес» на се-

редину дороги и прорычал:

— Эта игрушка вам теперь ни к чему: с ней в руках вы никогда не пройдете через ворота базы. Ни у кого из наших нет «Браунинга» — не можем себе позволить подобную роскошь.

— Да, такие винтовки дороги, — согласился Луис, — особенно если сравнить с этими оловянными штучками, — он выставил перед собой автомат и презрительно фыркнул. Вздохнув, он передал «Браунинг» на заднее сиденье.

— Спрячьте где-нибудь там. У ворот я обойдусь этой разва-

люхой.

Нед сказал:

- Мы в двух шагах от базы. Что вы хотите от меня?
- Где находится «Ласточка»? спросил я, вытряхивая патроны из его «Магнума».

— За диспетчерской башней, второй ангар.

— Охраняется?

— На охраняемой базе самолеты специально не охраняют, приятель. Но народу там, наверное, много: туда могли поставить для ремонта пару «Вампиров».

Я протянул ему незаряженный револьвер, сказав:

— Не будет выглядеть странно, если мы поедем прямо туда?

— Не-ет, — последовал неохотный ответ. Он обязался помочь нам, но продолжал надеяться — вдруг что-нибудь помешает. — Кто из вас сообщит мне ваши планы насчет ворот?

— Какова обычная процедура?

— Он, — Нед кивнул в сторону Луиса, — показывает свой и мой пропуска. А я объясняю, кто вы такие...

Пленники, которых Боско желает срочно допросить, —

сказал я.

 Делегация американского посольства, — вмещалась Дж.Б. — Выбирайте, я жду.

Луис сказал:

- Боюсь, что так не получится, он изучал пропуск, извлеченный им из кармана надетой на нем формы. Данное фото я чрезвычайно счастлив заявить крайне не похоже на меня.
- Значит, вы влипли, хладнокровно заметил Нед. Где еще я могу вас высадить?

Я наклонился вперед и похлопал его по плечу.

Послушай, игрок, не забывай — что ты проиграл.

Пауза. Только ворчание мотора «мерседеса» и шелест шин по асфальту. Потом Нед тихо сказал:

 Олл райт. Сидите молча с гордым видом и надейтесь, что им еще не известно о том, что меня разжаловали в лейтенанты.

За деревьями показалась база.

Базу окружал забор из колючей проволоки девятифутовой высоты. Такого ограждения я не видел ни на одном аэродроме. Но, возможно, я первый раз был в стране, где наибольшие неприятности сулила гражданская война, когда нет линии

фронта.

Ворота оказались просто промежутком в заборе, блокированным только тонким шлагбаумом в красно-белую полосу. Но зато рядом стояли козлы, окутанные толстым мотком колючей проволоки, которые за несколько секунд можно было втиснуть в проход. С одной стороны дороги стояла будка часового, с другой был бетонированный ров, а в нем охранник, склонившийся над легким пулеметом. Наверху еще двое с винтовками.

Перед тем, как подъехать, Нед прибавил скорость и почти сразу нажал на тормоза, так что мы примчались к базе, разбрасывая гравий и визжа заторможенными колесами. Еще прежде, чем мы остановились, он высунул голову из окна машины и заорал:

— Черт побери, вы что, до сих пор не знаете эту машину?!

Прочь с дороги!

Часовой у его окна нервно вытянулся в стойке.

— Да, полковник, однако генерал Боско...

— Президент Боско, идиот! — взвизгнул Нед. Часовой замер еще неподвижнее. Сейчас он даже не мог сверху видеть, кто сидит в автомобиле.

— Да, полковник, да. Но...

— В чем дело? Ты знаешь меня, знаешь его, — жест в сторону Луиса, — и с нами еще американцы, которых хочет видеть президент. Олл райт?

У часового был несчастный вид.

— Телефон, — решительно заявил Нед и распахнул дверцу.

— Нет, нет, полковник, — часовой повернулся и крикнул что-то своему напарнику. Шлагбаум поднялся вверх. Часовой отсалютовал винтовкой, и мы пронеслись мимо.

Я тихо сказал:

- Спасибо, Нед.

Проехав сотню ярдов, мы повернули налево и помчались по бетонной полосе, опоясывающей базу. Впереди был виден разбитый «Вампир» — тот, что следовал за Недом. Никто не работал поблизости, и, когда мы огибали его, я увидел почему. В фюзеляже было больше дюжины рваных дыр размером с ладонь с расставленными пальцами. Опорная нога каретки с колесами была сломана, бетон вокруг усеян битым кирпичом.

Нед сказал:

— Еще раз спасибо, Кэйт.

Мы снова въехали на бетонную полосу, и слева от нас появился первый ангар. Возле него стоял старый, потрепанный транспортный С-47, а внутри виднелась пара древних истребителей без пропеллеров.

Мы оставили справа диспетчерскую башню, большое слу-

жебное здание, и впереди показался второй ангар.

До сих пор база, казалось, хранила настороженное, затаенное молчание, создавая ощущение тишины, но не пустоты. Тишины — потому что множество людей повсюду трудилось молча и напряженно, каждый на своем месте, не болтаясь без дела с целью «пострелять» сигарет или под предлогом перерыва на кофе. Все были начеку и упорно работали.

Один выстрел, даже одно неверное движение, в результате которого мы перестали бы вписываться в картину, — и у нас на

шее оказалось бы не меньше сотни человек.

— Где именно находится «Ласточка»? — спросил я, отметив, что говорю шепотом.

— На дальней стороне.

— Подход к самолету не заблокирован?

— Не должны бы, — неохотно сказал он. — Специальное указание генерала, чтобы он всегда был готов к вылету.

Подъезжай. Не быстро и не медленно.

Луис повернулся и передал автомат на заднее сиденье. Я поднял со дна машины винтовку и неуклюже протянул ее ему.

Тут мы подъехали ко входу в ангар, и оказалось, что здесь-то

база уж точно не была пустой или хотя бы тихой.

Несмотря на то, что был день, неоновые огни сияли с потолочных балок. Внутри стояли три «Вампира», и человек пятьдесят крутились вокруг них, словно пчелы. Скрежет, визг. грохот различных инструментов, казалось, затопил нашу машину. На миг я поддался панике и чуть-чуть не приказал ехать мимо. Но там внутри у дальней от нас стены, всего в нескольких футах от ворот ангара, стояла «Ласточка».

Нед повернул к ней.

— Не прямо напротив, друг, — предупредил я. Но он сделал

широкий круг и остановился у стейы ангара.

Наступившая тишина была подобна шоку. Все бросили работу, не сводя с нас внимательных глаз, - с нас, людей из внешнего мира, знавших, что делается в городе.

Нед выключил мотор и сказал:

Твоя очередь, приятель. Представляй гостей.

Всем вылезти и стоять на виду.

Луис выскочил первым и демонстративно застыл в стойке «смирно» с винтовкой у груди.

Я протиснулся мимо него, прошептав: - Списовано не с тех ВВС, приятель.

Затем я повернулся, оглядев ангар со всех сторон, - как сделал бы любой посетитель, приехавший с визитом: медленно и основательно. Пятьдесят пар глаз смотрели на нас. Но именно в большом числе и заключалась безопасность. Один человек полошел бы с вопросами, потому что кто бы еще это сделал? Но когда их пятьдесят, каждый сочтет, что для этого есть остальные сорок девять.

Так я надеялся. Повторяю — надеялся.

Постепенно шум в ангаре возобновился — по мере того, как каждый рабочий принимался за дело.

Чтобы быть услышанным, Уитмору пришлось склониться к

моему уху:

— Нам это никогда не удастся, дружище. Только вы включите стартер, как все они свалятся нам на шею.

— Это механики. Когда вы ремонтируете самолет, вы ведь не станете брать с собой оружие?

Он медленно сдвинул брови.

— Там может не быть горючего, или аккумуляторы...

— Это же у Боско последнее средство для побега. Значит, аэроплан должен быть в полной готовности к вылету.

Логично — но с немалой дозой надежды. Я направился к

«Ласточке» прогулочным шагом.

Луис все еще стоял на страже у машины. Нед стоял рядом. Дж.Б. оперлась на открытую дверцу, руки за спиной: должно быть, держала автомат. У Уитмора был кольт, у Луиса — винтовка, у Неда — его собственный «Магнум». Что же, пора привыкать, что, если дело дойдет до стрельбы, мое оружие — это кирпичи и камни.

Огибая нос самолета, я незаметно выбил башмак из-под переднего колеса, затем нырнул под крыло к дверце на левой стороне, при этом «Ласточка» оказалась между мною и рабочими.

После «Митчелла» «Ласточка» выглядела незнакомой: ниже, намного шире, гораздо чище, изящней и современней. Я улыбнулся про себя: никогда бы не поверил, что подумаю о ней так. Но тут знакомый запах «Ласточки» ударил мне в нос, и все стало давным-давно привычным. Я наклонил голову ровно настолько, насколько нужно, обогнул боком сиденья пассажиров и быстро прошел в кабину.

Не садясь в кресло пилота, я пробежал рукой по клавишам передней панели. На ней сразу же зажглись сигнальные огни, стрелки приборов дрогнули и установились по своим делениям. Горючее, энергия, давление в компрессорах — все было в наличии и даже больше, чем когда-либо. Боско действительно привел в порядок мою «Ласточку». Я перевел регуляторы горючего и рычаги дроссельной тяги в нужные положения и остановился: следующая стадия уже не была бесшумной.

Я бросился назад к выходу. Мой отряд просочился внутрь ангара, за нос «Ласточки» и вне пределов видимости рабочих у «Вампиров». Только Луис по-прежнему стоял, красуясь, по стойке «смирно» — которая никогда бы не удалась никому из

ВВС Республики.

Кто едет, все на борт, — сказал я.

Дж.Б. и Уитмор двинулись с места, Луис — нет. Уголком рта он произнес:

Друзья мои, думаю, что я остаюсь.

Все повернулись к нему, Уитмор бросил:

— Вы — что?

— Химинесу эта винтовка пригодится. Может быть, и я тоже.

Уитмор взорвался:

— Нам же нужно закончить съемки!

Луис слегка улыбнулся.

 Через неделю, Уолт. Когда тут все решится — так или иначе.

Я сказал:

- Чтобы остаться, вы могли бы найти место получше, чем самый центр военной авиабазы.
 - У меня есть машина.
 - Вам не проехать через ворота.
- По-моему, в том месте, где потерпел аварию сеньор Рафтер, ограждение сломано. Туда я смогу доехать без препятствий.

Но там безусловно охрана.
 Он поднял винтовку в руке.

— Они не сразу решат стрелять в эту форму.

Уитмор сказал:

— Все равно, вы сошли с ума.

На этот раз Луис повернулся к нему.

— Уолт, у меня тоже есть, что тут защищать. Меньше, чем у вас, может быть, — но есть.

Я тихо сказал:

— Всего одна жизнь.

Никто, понятно, не понял ни его, ни моих слов.

Я сказал:

Олл райт. Если кто-нибудь все-таки едет — прошу.
 Нед сказал:

— Никто не едет.

33

Мы забыли о нем — достаточно надолго. В руке Неда был «Магнум». Уитмор нахмурился и спросил меня:

— Вы же разрядили его, разве не так?

Нед ответил:

— А я зарядил. У меня всегда при себе лишние патроны: никогда не знаешь, в какой момент они могут пригодиться.

Я раздраженно сказал:

— А я-то думал, что ты расплачиваещься за проигрыш. Он кивнул.

— За все заплачено. Обещал, что проведу вас на базу. Вы здесь. А теперь пойдем и побеседуем с Боско.

Луис, спиной к Неду, и по-прежнему следя за ангаром, сказал:

— Долг чести не прекращается с боем часов, друг мой.

 Уверен, что по-испански это звучит еще лучше. Опустите винтовку и повернитесь.

Луис медленно наклонился, выпустил «Браунинг» из рук и повернулся к нам лицом. «Магнум» перепорхнул на Дж.Б. Она вытащила автомат из-за спины и положила его на пол.

— Прекрасно, — Нед опустил руку с «Магнумом» так, что ствол револьвера смотрел вниз. — Я знаю, что мистер Уолт, чертов Уитмор, тоже с пушкой, но думаю, пусть она при нем и останется. Тем более ему может захотеться, как в кино, продемонстрировать молниеносную реакцию, а кто я такой, чтобы мешать этому? Ну?

Уитмор только посмотрел на него.

Нед ухмыльнулся.

- Так. А теперь...

Миранда вышел из-за стены ангара е пистолетем в руке. Нед взглянул на него и вздохнул.

— Ваше чувство момента всегда оставляло желать лучшеro.

Миранда подозрительно нахмурился, вертя во все стороны

— Я увидел вашу машину, лейтенант. А вам велели оставаться в «Американе». Почему же все это?

Он внимательно оглядел нас. Увидел Уитмора, Дж. В. и меня в непринужденных позах. Револьвер Неда, не наведенный ни на одного из нас. Увидел «Ласточку» за нашими спинами...

Луис сказал:

— Небольшая прогулка до Пуэрто-Рико.

Миранда воззрился на него, узнал Луиса, несмотря на форму, и его осенила мысль. Почти правильная.

Предатель! — заорал он.

Послушайте... — начал Нед.

Миранда выстрелил в него.

В ангаре воцарилась тишина. Уитмор сделал движение за спину, и огромный кольт грохнул в его руке. Миранду смело прочь, точно ветром.

В металлических балках заметалось эхо.

Луис схватил «Браунинг», выбежал из-за «Ласточки» и дал очередь по крыше. Послышался дробный шум: механики прыгали с «Вампиров» в поисках прикрытия.

Луис крикнул:

— Отправляйтесь!

Но я склонился над Недом. Тот открыл гласа и криво усмех-

— Он не лучше, чем ты, Кэйт. Должен был разнести меня на клочки на таком расстоянии.

Но пониже ребер у него на боку расплывалось красное

Я сказал:

—Я увезу тебя отсюда.

- Иди к черту... он говорил обрывками фраз. Ты был прав. Я здесь командую... Особенно теперь, когда с Мирандой покончено.
- Нед, не будь идиотом.

Луис закричал снова:

— Стартуйте!

Нед еще раз усмехнулся.

— Слышишь приказ?

Я поколебался в нерешительности, затем махнул ему рукой и побежал к «Ласточке».

Через полминуты мы тронулись с места. Оба двигателя чихали и фыркали, потому что я включил их из холодного

состояния сразу на полную мощность.

Луис пустил еще одну очередь по ангару, прыгнул в «мерседес» и, визжа шинами, унесся прочь. Когда мы прыгали по траве, я увидел, как он, ускоряя ход, несется по бетонной полосе.

Ветра почти не было, но я не забывал об установленном где-то пулемете. Я опустил на двадцать градусов флетнеры и только удерживал самолет в беге по траве, поперек взлетной полосы и дальше в воздух в трехстах футах от забора базы.

Несколькими минутами позже я уже поднимался над морем

в направлении мыса Альмиранте. Дж.Б. зашла в кабину.

 Похоже, что Луис прорвался. Я видела его машину возле дыры в заборе. Если ему удалось добраться туда, с остальным он справится.

Она осторожно села в кресло второго пилота.

— Что ж, это был, прямо сказать, беспокойный день для человека, который никогда не рискует и не играет в азартные игры. Ты не держишь марку, Кэйт. Пора подавать в отставку.

Я кивнул.

— Как Уитмор?

— Занят мыслями о том, как выкинуть Луиса из сценария на случай, если его убьют или выберут министром культуры или

еще кем-нибудь.

Мы поднялись до высоты восемь тысяч футов. Еще двести, и я прекратил подьем, уменьшил тягу и перевел «Ласточку» в горизонтальный полет. Генерал проделал с ней все-таки немало работы. Самолет был в значительно лучшем состоянии, чем когда он отобрал его у меня. Теперь даже Контроль-4 не будет очень уж дорогим делом.

Я поточнее выровнял «Ласточку» и отпустил штурвал, чтобы

проверить результат. Дж.Б. взяла меня за руку.

— Ямайка? — спросила она.

Первая остановка.

- А затем?

Я подумал.

— Скажи мне, не знаешь ли ты места, где у агентов ФБР не только нет филиала, но куда они не ездят даже в отпуск?

MIN REPORT AFORM ROOMY DESCRIPTION STRENG .

o donne es belya, as a segment os yetano billar sera. A dayo da es esquenta tesalylog dan

ИБ №0006

Сдано в набор 05.02.91. Подписано к печати 15.05.91. Формат 84х108/32, Бумага газетная. Гарнитура тип. Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л., 11.76. Усл. кр.-от. 11.9. Уч.-изд. л. 14,68. Тираж 50000. Заказ № 00124. Цена двух томов в футляре 11 р.

transcension Central Characteristics and contraction of a sens

Оригинал-макет изготовлен в издательстве «Урал-Советы»: 620219, г. Свердловск, ул. Вайнера, 9а

Типография «Уральский рабочий»: 620151, г. Свердловск, пр. Ленина, 49
Отпечатано в типографии г. Ижевска,
Воткинское шоссе, 10-й км, 426000.

METEKTUR - AMFPUKAHCKUU AHLUO-